

ЮРИЙ
НИКИТИН

Троецарствие

ЮТЛАНД
БРАТ ПРИДОНА

Троецарствие

Юрий НИКИТИН

Ютланд, брат Придона

«ЭКСМО»

2011

Никитин Ю. А.

Ютланд, брат Придона / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2011 — (Троецарствие)

ISBN 978-5-699-47764-7

Ютлану, последнему из легендарных братьев, сыновей Осеннего Ветра, пришло время выбирать: быть человеком среди людей, что считают его чужим, или... темным дивом в причудливом мире, где принимают как своего. И чтобы определиться с выбором, он побывает среди артан, куявов, барбусцев и даже в страшном загробном мире, откуда нет возврата. Он меняет даже имя на «Ютланд», знак для тех, кто поймет.

ISBN 978-5-699-47764-7

© Никитин Ю. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	61
Глава 12	66
Глава 13	70
Глава 14	74
Глава 15	77
Глава 16	83
Часть 2	90
Глава 1	90
Глава 2	95
Глава 3	100
Глава 4	105
Глава 5	110
Глава 6	115
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Юрий Никитин

Ютланд, брат Придона

Предисловие

Этот роман завершает тетралогия «Троецарствие». Кто читал первые три, сразу поймет, что здесь и о чем. Однако у этого есть одна интересная составляющая, которой не было в трилогии. Особенно важная для тех, кто играл в «Троецарствие», играет или будет играть, адрес: <http://www.3kingdom.ru/>. В этом романе не только имена, локации и события идентичны игре, но даже все герои, главные, второстепенные и промелькнувшие, взяты из списка лучших из лучших бойцов, охотников и рыбаков.

То же самое с кланами, их гербами, описаниями подвигов.

Часть 1

Глава 1

Стена деревьев распахнулась, как полог шатра, и пропала за спиной. Конь выметнулся навстречу ветру в выжженную жарким летом степь, справа и слева в топоте копыт заскользил безграничный простор родной Артании, в небе все то же сухое и колючее солнце, а далеко впереди гордо вздымаются стены родной Арсы.

Ютлан наклонился к конской гриве, Алац понял и с галопа перешел в стремительный карьер, обогнав хорта. Тот захрипел от обиды, прижал уши к спине и ринулся такими частыми скачками, что поравнялся и шел ноздря в ноздю, пока не пришлось сбросить скорость перед воротами стольного града.

Стражи проводили взглядами не мальчишку в седле, а волочащуюся за конем на длинной веревке добычу: гигантского кабана. Один покачал головой, другой сплюнул вслед.

Они с грохотом пронеслись по широким улицам, Алац дорогу помнит, остановился перед величественным теремом из толстых бревен – в Куявии такие называют дворцами, – требовательно заржал и топнул копытом.

На крыльцо медленно вышел высокий худой старик в наброшенной на голые плечи шкуре барса. Ветерок шевелит коротко подрезанные снежно-белые волосы и бороду, кожа на лице прокаленная солнцем, морозами и ветрами, плечи и грудь широки, живот почти прилип к спине, толстые руки свисают чуть ли не до колен. Еще на нем, как помнит Ютлан из почтительного перешептывания молодых воинов, больше шрамов, чем на многих бывалых воинах...

Старик приложил ладонь козырьком к глазам, защищая их от солнца, совсем не старческие глаза внимательно смотрели на подростка, худого, прокаленного зноем, всегда напряженного, как струна. Вот только как бы ни прожаривался на солнце, становясь с головы до ног коричневым, а то и вовсе как обугленная головешка, но руки от локтей и до кончиков пальцев всегда белокожие, как часть его матери, Пореи Солнцерукой, у которой белыми были до плеч.

Но только руки Ютлана не дают света, как получалось у его матери.

Конь заржал еще раз и застыл, будто вырезанный из дерева, а хорт, едва тот прекратил бег, сразу же лег и замер, такой же неподвижный, будто и не живой. Раньше такое не успокаивало, а пугало: пес должен везде бегать, всюду совать нос, все обнюхивать, выпрашивать лакомый кусочек, вилять хвостом, на кого-то рычать, к кому-то ластиться, а этот всегда безразличен и делает только то, что велит этот звереныш в седле...

Конь и пес худые, поджарые, черные настолько, что, казалось, их шерсть горит черным огнем. У Алаца даже копыта угольно-черные, а когда ржет, что бывает крайне редко, страшно смотреть на черные зубы, длинные и острые, как у волка. Хорт с подтянутым животом выглядит вечно голодающим, ребра резко выпирают под тонкой кожей.

Ютлан покинул седло, высокий и широкий в плечах подросток, но с плоской грудью и руками, что кажутся чересчур длинными из-за худобы.

– Здравствуйте, дядя Рокош, – сказал он почтительно звонким и детским еще голосом, хотя Рокош, конечно, не дядя и даже не дед, а прадед, – я поймал что-то новое...

– Поймал? – переспросил Рокош.

Ютлан с хмурым видом развел руками.

– Слишком уж брыкалось. Пришлось удавить.

Он отвязал веревку от седла, Рокош, кряхтя, сошел с крыльца и внимательно оглядел добычу. Брови приподнялись, на лбу появились глубокие складки. Молодой, но гигантских размеров кабан, жуткое порождение Лихих Земель, каким-то образом добрался по лесам, овра-

гам и балкам почти до самой Арсы. Слишком огромный, в сравнении с обычными лесными, злобный, и хотя такой еще не может бахвалиться чудовищными бивнями, как его старшие сородичи, но так же, как и они, в состоянии сбить с ног взрослого мужчину и растерзать даже нынешними клыками.

Конечно, в Лихих Землях на них охотятся успешно, партии охотников всегда возвращаются с добычей. Особо отважные ходят на таких и в одиночку. Мясо прекрасное, шкура годится хоть на сапоги, хоть на обивку щитов, но Ютлан все-таки подросток... и безоружен.

Ютлан исподлбья взглянул на Рокоша, торопливо снял с седла мешок и вытряхнул на землю с десятков голов гигантских муравьев, каждая размером с крупную репу, и аккуратно срезанные усики гигантской осы, больше похожие на крылья совы.

– Это тоже там, – сказал он кратко. – Раньше не видел.

Рокош вздохнул, еще не зная, как сказать парнишке, что в одиночку с такими созданиями встречаться очень опасно, всегда нужно, чтобы кто-то прикрывал спину.

– Ос опасайся, – предупредил он. – Может быть, тебе просто повезло. Они раньше жили в горах, а теперь вот почему-то спустились и уже нападают на людей... Как и эти муравьи. Тоже с гор... Не знаю, что заставило явиться в долины, где люди.

Ютлан кивнул.

– Муравьев я люблю. Как они дерутся, как строят!.. А еще у них такой воинский порядок! И трудятся все до единого...

– Воинственны, – сказал Рокош, – как мы, артане. И умеют собираться в отряды, чтобы нападать вместе.

– Вот-вот!

– Мне они тоже нравились, – сказал Рокош, – пока нападали на волков, змей, шакалов, истребляли гнезда ос и прочих тварей. Но сейчас люди, что испокон веков жили вблизи гор, начинают из-за них покидать дома. А мне приходится размещать беженцев...

Ютлан помедлил, затем осторожно вытащил из мешка нечто, показавшееся Рокошу сперва головой очень крупной ящерицы. Тускло блеснули мертвые глаза, но в них осталось столько лютой злобы, что Рокош ахнул.

– Ты... убил бурую виперу?

Ютлан кивнул.

– Пришлось.

– Она на тебя бросилась?

– Собралась, – ответил Ютлан коротко. – Я успел раньше.

Рокош изумленно рассматривал голову чудовищной твари. Клыки высунулись, как у кабана, ими випера прокусывает даже самую прочную кольчугу, а одной капли яда достаточно, чтобы убить дракона. В одиночку против виперы не ходят, с нею тягаться смертельно опасно даже целому отряду.

– Я велю волхам готовить амулеты, – сказал Рокош. – Запретить ходить в лес не могу... тем более что эти твари появляются уже и в степи, и в горах, и даже в реках... но могу помочь с защитой. К счастью, даже этот кабан – пока только скиталец.

Ютлан спросил:

– А кто из них не скиталец?

– Ты прав, – ответил Рокош с горечью, – великая война все перемешала. Артания и Куявия сшиблись с такой силой, что треснул мир, в щели полезли такие жуткие твари, каких свет не видел... Ладно, иди отдохни. У нас гости, Блестка занята, пусть тебя покормит ведунья Ильмет.

– Разве она не в Курганах Бренности?

– Принесла новые снадобья, – объяснил Рокош. – Говорит, дивы появляются уже всюду.

Ютлан поинтересовался:

– А что за гости?

Рокош поморщился.

– Иггельд прибыл.

Ютлан дернулся.

– Что? Тцар Куявии?

Рокош поморщился, сдвинул костлявыми, но широченными плечами.

– Куяв хитрый. Он прибыл не как тцар. Боится повторить ошибку Придона, потому не взял Блестку, когда была у него в плену, не взял и тогда, когда спас от Рослинника. А сейчас прибыл на простом коне. В простой одежде, без пышной свиты... Никогда не пойму уверток этого хитрейшего народа!

– Пойду обедать, – сказал Ютлан. – Есть хочу, в ушах пищит.

Во дворце тихо и пустынно, он прошел три зала, не встретив ни души, уже близко его комната, как вдруг впереди мелькнуло легкое платье. Ютлан замер, потому что навстречу женщине шагнула высокая мужская фигура, а женщина бросилась незнакомцу в объятия.

Ютлан услышал приглушенный женский голос:

– Тебе нельзя вызывать меня тайком!.. Скажут, пришел победитель, чванится, нарушает наши обычаи...

Ютлан узнал голос своей старшей сестры Блестки, кулаки сами сжались до хруста в косточках, а сердце ударило в грудь чаще. Он услышал напряженный голос Иггельда:

– Блестка, тебе напрасно кажется, что Куявия победила и я могу явиться как победитель... Мы всего лишь отбились с великим трудом. «Победившая» Куявия вся в руинах, а вот в побежденной вроде бы Артании молодые герои вошли в возраст, им можно брать в руки оружие и садиться на коней. А еще ты знаешь, в Артанию наши войска не вторгались, у вас все уцелело...

Она сказала насмешливо:

– Еще скажи, что из миролюбия.

– Нет, конечно, – согласился Иггельд. – Мы обессилены. Но и Артания потеряла свою мощь, ее гордость надломлена. И кто выиграл? Только наши общие противники.

– Кто?

Ютлан видел, как Иггельд двинул плечами.

– Еще не знаю. Говорят, Черный Бог, воспользовавшись нашей слабостью, выводит из недр земли свое ужасное темное войско. Я тоже, как и все, стараюсь погасить пожар в своем доме и пока что не могу даже оглянуться и увидеть, что делается на улице... Потому мне ты нужна в Куябе, я не могу тебя оставить здесь!

Ютлан хотел было отступить, подслушивать вроде бы нехорошо, так говорят, хотя это непонятно, подслушать можно и нечто полезное, но сзади медленно пошли, разговаривая, слуги, и если он выйдет из-за столба, точно решат, что подслушивает.

А Блестка тем временем сказала устало:

– Как же ты меня измучил, проклятый... Почему тогда не взял?

Иггельд пробормотал:

– Я тебя завоевал в поединке... Но это нечестно. Ты не вещь, чтобы получить таким образом.

– А когда отбил у Рослинника?

Он развел руками, голос прозвучал виновато:

– Я тебя спасал от бесчестия. Очень хотел увезти с собой, но нельзя, чтобы пошла со мной... из благодарности. Такое слишком похоже на... плату. Это, это... омерзительно! Я хочу, чтобы у нас все было предельно чисто. И честно.

Она вздохнула.

– Ты слишком высоко меня ценишь. Я тоже хочу, чтобы все было только так. Но когда ты уехал, я взмолилась богам: почему, ну почему ты меня не забрал? Я не настолько сильная, чтобы выдерживать гордость...

– Но ты выдержала.

– А ты знаешь, чего мне это стоило?

Ютлан видел со злостью, как этот чужак нежно прижал к груди его сестру, а она его не стала отталкивать.

– Но теперь знаешь, – произнес он так тихо, что Ютлан едва расслышал, – мы все выдержали, все вынесли, все превозмогли. И теперь ничто не разлучит нас. Мы отправляемся в Куявию, Блестка. Все-таки я тцар, мне надо быть в стольном граде. Но ты сможешь навещать своих в Арсе всегда, как пожелаешь.

Она вздохнула.

– Все родные и друзья погибли в этой проклятой войне. Но только я ее называю так, а для других это время сплошных подвигов! В этом году в седла поднялись тридцать тысяч удалцов, которым в прошлом году еще нельзя было брать в руки оружие. Они завидуют тем, кто захватил Куябу и убивал ее жителей, кто красиво погиб в этом ненавистном для нас городе... Погоди, только сейчас сообразила: а как я смогу бывать в Арсе, когда пожелаю? Дорога от Куябы до Арсы занимает долгие недели, а то и месяцы!

Он поцеловал ее в макушку, она замерла в ожидании ответа, он тихонько начал шептать что-то на ухо, Ютлан подкрался ближе и расслышал:

– ...в самых высоких и неприступных в горах... пещеру... Горные драконы самые дикие и свирепые... приручить их невероятно трудно, но если это удастся...

Она охнула:

– Но... как? Они сожрут всех!

– Отыскали кладку яиц, – сообщил он чуть громче. – Удалось стащить пару. Выращивать умеем, знаешь. Мы снова возродим наше древнее ремесло наездников неба!

Она счастливо охнула, прижалась к нему на миг, быстро поцеловала, словно клюнула, и убежала, крикнув:

– Пойду собираться!

Ютлан вышел, нарочито топая и загребая ногами. Игтельд оглянулся, на лице глупая улыбка, счастливые все выглядят глуповато, но, когда увидел Ютлана, сразу посерьезнел, насторожился, а голос его прозвучал натянуто бодро:

– Ютлан! Рад тебя видеть.

– Приветствую, – сказал Ютлан сдержанно. – Увозишь сестру?

Игтельд сказал торопливо:

– Прости, Ютлан, я понимаю твои чувства... Но подумай о ней! Это и ее желание, Ютлан. Знаю, все артане хотят оставить... но она решила быть со мной, а я, увы, отныне уже не погонщик драконов, кем всегда хотелось быть, а тцар Куявии. Мне нужно поднимать страну из руин после великой войны... Но ты меня должен понять! А еще я все хотел тебя спросить...

– Спрашивай, – ответил Ютлан безучастно.

Игтельд замялся, словно в последний миг заколебался, спрашивать или смолчать, наконец проговорил трудным голосом:

– В прошлый мой приезд... помнишь, когда я приехал просить руки Блестки... тебя выставили против меня для поединка? Но ты сказал, что признаешь себя побежденным.

Ютлан равнодушно кивнул:

– Помню.

– Почему... ты так сделал?

Ютлан сказал спокойно:

– Блестка боялась, что погибнешь. А я бы убил, не могу останавливаться. Я... убиваю, Иггельд.

Иггельд сказал тихо:

– Блестка... И ты ради нее покрыл себя позором?

– Она моя сестра, – ответил Ютлан зло. – Единственная! Пропал отец, умерла мать, погибли братья Скилл и Придон. У меня больше никого, кроме Блестки, коня и собаки!

Он отвернулся и ушел быстрыми шагами, не прощаясь. Иггельд беспомощно смотрел вслед, а когда пришла мысль закричать вдогонку, что он не прав, все не так, у него, кроме коня и собаки, есть и он, Иггельд, тцар Куявии, Ютлан уже исчез и вряд ли услышал бы.

Глава 2

Он обедал в одиночестве в комнате в завешанными окнами, словно ночной див. Слуги внесли еду и торопливо исчезли, Ютлан равнодушно жевал хорошо приготовленное мясо, в виски стучит тоскливая мысль, что в Арсе все побаиваются его мрачного взгляда, из семьи никого в живых, кроме Рокоша, но тот неизвестно, обедает ли вообще, никто еще не видел его за трапезой, потому всегда жрет в одиночестве, как дикий зверь в норе...

Когда отодвинул пустую миску, подумал с тоской, что так обедать можно и в лесу. Там даже лучше: конь и хорт рядом. А еще эти, как их, птички порхают и хрюкают.

Конь и хорт подняли головы и смотрели с ожиданием, когда он появился на крыльце.

– В лес, – ответил он коротко. – Или просто в поле.

Судя по Алацу, он тоже завилал бы хвостом от удовольствия, если бы мог, а хорт подпрыгнул и ликующе распахнул красную пасть.

Они пронеслись все трое по середине улицы, как черный ветер, а затем за ними долго опускалась желтая дорожная пыль, похожая на скопление огромных ядовитых грибов.

Рокош возле дворца народных собраний беседовал со старейшинами, но все прервали разговоры и озабоченно смотрели вслед последнему отпрыску Осеннего Ветра.

Артане, как говорят о них, рождаются в седлах и уже не расстаются с конями, холят и лелеют, ласкают, сочиняют о них песни, сказания, восхваляют. Еще у каждого есть хорт – охотничий пес, что отыщет любую добычу, а если надо, сам и задавит, если, конечно, там не свирепый тур, дикий кабан или медведь.

Нет красивее зрелища, когда лихой артанин мчится на резвом скакуне, пригибаясь к его шее, а рядом с ним стелется над землей, не отставая, злой и настороженный пес, что все видит и чувствует, как на земле, так и в воздухе!

У Ютлана, как и большинства артан – конь и хорт, только у него они очень уж особые, как и он сам. Потому никто его с собой на охоту не берет, объясняют тем, что охота – для мужчин, а он еще подросток, по артанским правилам еще не воин. Конечно, охота – не война, но неважно, за каким зверем взрослые мужчины собираются погоняться, подросток им ни к чему.

Плохо только, что Ютлан понимает, когда с ним общаться просто побаиваются, а это случается сплошь и рядом. И потому сам заранее избегает общения.

Дольше всего за умчавшейся троицей следил взглядом волхв Валдай, самый молодой из старейшин, сильный и статный, как дуб, золотая серьга в ухе, с бритой головы свисает длинный клочок волос, что значит – совсем недавно был в отряде лучших воинов, лицо сильное, значительное, властное.

Рокош всегда чувствовал в нем растущую силу вожака и сейчас именно у него спросил негромко:

– Чуешь беду?

– А ты не чуешь? – ответил Валдай. – Ты же знаешь, зачем он все чаще уходит в лес.

– Знаю, – ответил Рокош невесело. – Потом там свежие буреломы. Деревья выдраны с корнями...

– Скоро ему четырнадцать, – сказал Валдай. – Его черная сила пока лишь бурлит, но на совершеннолетие вырвется.

– И что тогда?

– Не знаю...

Остальные только вздыхали, пыль за всадником на черном коне еще не улеглась, но они уже исчезли в далекой роще.

Десятник Берторд повернулся, морщась из-за внезапного галдежа, поднятого его подопечными. Он уже заранее приготовился рывкнуть на того, кто отвлекает этих молодых лоботрясов от нужного и полезного дела...

Его глаза расширились, со стороны леса скачет на своем худюшем, как скелет, коне Ютлан, а сзади на толстой веревке тащится, загребая пыль и камешки, огромное тело странного зверя, похожего на помесь медведя с быком, но со спины и боков покрытого толстыми костяными пластинами.

У самых ворот лагеря новобранцев из земли торчат два больших камня, уходя основаниями глубоко в недра, Берторд уже понял, что громоздкая туша обязательно зацепится, раскрыл рот, чтобы предупредить, но опоздал, добыча на веревке как раз уперлась в них и замерла.

Веревка, уже изрядно потертая, с треском лопнула. Конь даже не заметил, двигается все так же.

Новобранцы закричали, Ютлан оглянулся, быстро соскочил на землю. Конь сразу же остановился и так замер, повесив голову почти до самой земли. К зверю молодые парни подбежали с опаской, а когда поняли, что чудовище не двигается, с торжеством принялись пинать его ногами и хватать за хвост.

Берторд быстро подошел, не сводя пронизывающего взгляда с Ютлана.

– Где ты его нашел?

– В степи, – ответил Ютлан и уточнил: – Как раз вышел из леса.

– Как он... околел?

– Да так, – ответил Ютлан, – взял и околел. Если нужен, забирайте. Шкура целая.

Двое воинов тут же ухватили мечи и принялись деловито прорубывать левый бок. Под толстым панцирем дива из роговых пластин оказались только толстые кости, переплетенные немислимо прочными жилами. Вспарывали его толстое и удивительно жилистое мясо долго и упорно, внутренности чудовища бросили собакам, только одна решилась есть, но сразу же задержалась, из пасти пошла пена, а через минуту она околела.

– Это не наша жизнь, – сказал Берторд. – Их надо убивать сразу, где только увидишь.

Ютлан рассматривал дива очень внимательно, поднимал когтистые лапы, заглядывал в глубокие разрезы, наконец запустил руку в рану и долго ковырялся там, а когда с усилием потащил обратно, внутри дива что-то трещало и рвалось.

Берторд передернул плечами, в кулаке Ютлана все еще медленно пульсирует ярко-красное сердце, по руке стекают красные капли и падают на землю, там взвиваются дымки, чернеет трава и остаются темные пятна золы.

– У него есть сердце, – произнес Ютлан, – значит, они смертны... Но еще бьется, значит – очень живучи.

– Еще бы, – согласился Берторд, – ты ему все кости переломал!..

– Не все, – ответил Ютлан.

Он повернулся к своему коню, Берторд хотел схватить его за плечо, но вспомнил, как одному такому неосторожному Ютлан в гневе оторвал руку.

– Ютлан, – окликнул он ровным голосом, – ты уже делаешь больше, чем наши взрослые воины. Оставайся, начни упражняться! Сила в тебе есть, но нужно еще и воинское умение.

Ютлан показал головой.

– Боевой топор мне еще рано, а палками драться может каждый.

Он вскочил на коня, тот сразу ожил, и они вдвоем с хортом унеслись в сторону Арсы. Берторд молча провожал его взглядом, мысли стучали и путались в голове, но одна все время напоминала о себе: а этого дива как забил? Не палкой же?

Из барака вышел, отряхивая руки, старший наставник Синегор, охнул, наткнувшись взглядом на распластанного в луже крови чудовищного дива.

– Это еще что такое?

– Новобранцев натаскиваю на волках да рысях, – сказал Берторд обеспокоенно, – но Ютлан в тех местах сегодня завалил, как видишь, вот это. Совсем что-то новое... Это значит, мне туда в дозор нужно не меньше двух воинов-ветеранов.

Синегор усомнился:

– Хватит ли двух?

Берторд напомнил гордо:

– Я один стою десятерых. Двое мне нужны, чтобы подстраховали со спины, если снова появится сородич вот этой твари. Или что-то еще новое.

Ютлан въехал в городские ворота и сразу увидел старого Рокоша. Тот застыл в глубоком раздумье, сидя на большой каменной глыбе, голова опущена, на лице скорбь.

Алац остановился возле него, старик не повел и глазом. Ютлан покинул седло, Рокош даже сидя возвышается над ним на полголовы, подошел и тихонько сел рядом.

После долгой паузы Рокош спросил тихо:

– Тяжело?

– Очень, – ответил Ютлан и сам удивился, как просто у него вырвалось это признание, хотя раньше никогда и никому. – Я не знаю, что со мной... И почему так.

– В тебе меняется кровь, – ответил Рокош раздумчиво. – У младенца одна, у подростка другая, а у парня третья... Человек вроде бы один, а на самом деле – разный... Ты скоро станешь совсем не тем Ютланом, каким тебя привыкли видеть и к какому ты сам привык. Многие меняются не в лучшую сторону, но с ними проще, а вот ты...

Ютлан повесил голову, на Рокоша старался не смотреть, тот слишком хорошо все понимает.

– А что делать мне? Я прихожу в ярость все быстрее!.. Даже по пустякам. Я не знаю, что со мной. Я боюсь, однажды так и останусь... и превращусь в опасного зверя.

Рокош смотрел внимательно и с печалью.

– Взрослеешь, Ютлан.

Ютлан вскрикнул:

– Это разве взросление?

– Часть взросления, – произнес Рокош непонятно, – из мальчика начинаешь превращаться в юношу, а у того в теле бродят другие соки и... туманят мозг.

– Но у других же не туманят?

– Разве? – спросил Рокош. – Вон Угандир и Дубоверт, верные друзья с колыбели, вчера жестоко подрались на виду у Ромашки, что из девочки начала превращаться в девушку. Угандир был повергнут на ее глазах и поклялся убить Дубоверта за такой позор... А ведь были друзья-неразлейвода! Тебе это еще непонятно, но в твоём теле уже начали пробуждаться новые соки. Ютлан, никто тебе не поможет, только ты сам. Боюсь, в ярость будешь приходить все чаще... и все легче.

Ютлан прошептал в ужасе:

– Я не хочу!

– Борись, – сказал Рокош несчастным голосом. – Ни один колдун тебе не поможет. Держи себя в руках... все время. Понимаешь, это трудно объяснить, но одним вообще можно себя не смирять, они и так, гм, смирные, нет в них ярости, а в других бурлит такое, что даже боги ужаснутся, такие вот бывают люди. Таким как раз и приходится держать себя в руках, чтобы не наломать дров. Но, с другой стороны, только такие и становятся...

Он умолк в затруднении, в пещерах отвык говорить длинно и понятно, сам себе понятен всегда, а Ютлан, не дождавшись, уточнил:

– Кем становятся?

– Становятся... – ответил Рокош. – Понимаешь, другие никем не становятся. Те, которым смирять себя не приходится. А кто давит в себе ярость, у того она преобразается... перерастает... в общем, тот человек становится нужным не только себе и жене, но и стране. Потому прошу тебя, дави в себе даже начало, зарождение ярости. Потом удержать трудно, а когда остынешь... будет очень стыдно.

– Я знаю...

Рокош сказал задумчиво:

– Мы все закипаем при разном нагреве... Один только-только становится горячим, а ты уже кипишь! А вот для Ледогрыза вообще нужно лес сжечь, чтобы взволновался хоть малость. Все мы разные...

– Но я – слишком, – сказал Ютлан. – Я ничего не помню, когда вскипаю!.. Что-то в меня вселяется... или пробуждается настолько злое и свирепое, что и не знаю просто... Сперва красная пелена, а потом вообще как будто меня нет... а что натворил, вижу намного позже. И сильнее я стократно, когда в этой черной ярости... Почему со мной так? Почему не было такого у Скилла, Придона?

– Скилл и Придон, – проговорил Рокош тихо, – все-таки наполовину дивы, если уж на то пошло. Все-таки, как мы все знаем, не все дивы подпали под власть Ящера. Есть и те, ты их наверняка встретишь, кто в стороне от наших битв, а то и вовсе с людьми дружен. Порей Солнцерукая была как раз из светлых дивов, ее красота и чистота потрясли наших артан...

Ютлан сказал жалко:

– Скилл, Придон... а я?

Рокош вздохнул.

– Богами... или Тем, кто и над богами, предначертано тебе нечто особое. Одна твоя половина – от солнцерукой Порей, другая – от неизвестного темного демона. Ты вроде бы и не человек вовсе, если на то пошло, но ты человек, Ютлан! Ты родился в семье артан, играл в детстве со Скиллом, Придоном, другими детьми, ты был окружен теплом, любовью и заботой со всех сторон. Я видел, как твои светлая и темная части постоянно борются, как побеждает то одна, то другая...

Ютлан сказал торопливо:

– Темная побеждает все чаще! И все страшнее. Иногда вообще без причины.

Рокош кивнул:

– Я знаю, почему ты бежишь в лес и там бросаешься на деревья, ломаешь их и выворачиваешь с корнем. Ты стараешься как-то совладать.

– Не совладать, – возразил Ютлан, – а... уменьшить вред. Совладать... не могу. Почему так? Почему все веселые и доброжелательные...

Старик изумился:

– Веселые? Доброжелательные? О ком ты?

Ютлан ответил с тоской:

– О тех, кто меня окружает. Они... не злые. Даже когда дерутся. А вот во мне иногда поднимается такое...

Он вздрогнул, побледнел, скулы заострились, а взгляд устремился вдаль, но Рокош чувствовал: будь перед Ютланом стена, он все так же смотрел бы сквозь нее, как будто ее и нет перед ним.

Он окликнул мальчика:

– Ютлан, очнись!..

Ютлан обратил на него взор, и Рокош ощутил, что на него глазами подростка смотрит нечто более ужасное и древнее, чем сама смерть.

– Ютлан!

Ютлан провел ладонью по лицу и сказал устало:

– Иногда... не знаю почему.

Рокош сказал тихо и требовательно:

– Успокойся. Думай про этих добрых людей, что любят тебя. Кто к тебе приветлив.

Ютлан криво усмехнулся.

– Таких немного. Правда, и те, кто меня не любит, все-таки не желают мне зла... как мне кажется. А вот я бываю таким, что готов их всех растерзать и пожрать живыми, смакуя, как хрустят на моих зубах их нежные кости, а горячая и свежая кровь брызжет изо рта...

Рокош с силой тряхнул его за плечо.

– Ютлан! Гони такие мысли! Не давай им угнездиться. А то, о чем думаешь, то и случается. И чем чаще и настойчивее думаешь, тем быстрее случится. Как хорошее, так и плохое. А почему с тобой так, я могу ответить... хотя очень и не хотел бы этого делать.

– Скажи! Умоляю!

Рокош тяжело вздыхал, мялся, видно было, что очень не хочет говорить о таком, но Ютлан смотрел с такой верой и надеждой, что наконец с великой неохотой проговорил:

– Ну, ты знаешь, наверное, как все случилось... Я имею в виду, как ты родился...

Ютлан посмотрел на него исподлобья.

– Так, слухи... Но отец сказал, что злые люди всегда наговаривают. Им сладостно порочить других, тогда сами вроде не такие дерьмовые.

Рокош развел руками и, глядя в пол, пробормотал:

– В твоём случае это не совсем слухи, хотя всего не знаю, я тогда был в отшельничестве. Да и никто не знает, никто там не был. Ты артанец, а Скилл и Придон – твои родные братья как по духу, так и по крови. Огнебой, Зверотур, Крылатый Волк, Длинная Палица, Белозуб и еще с десяток героев, с которыми ты рос и бегал наперегонки, – твои двоюродные. Увы, эти уже только по духу.

Ютлан насторожился.

– Те грязные слухи... насколько верны?

Рокош вздохнул, в глазах была жалость, на лице глубокое сострадание.

– Для кого слухи, а для кого история великой и трагической любви, полной нежности, верности, страданий и боли. Твой отец, герой Осенний Ветер, привез из дальних стран как добычу самую дивную девушку, какую только видел свет, Порею Солнцерукую. Это потом мы узнали, что она, дочь древнего народа, могла в любой момент превратиться в большую серебряную птицу и улететь.

– Но этого не сделала?

– Она полюбила твоего отца, – сказал Рокош, лицо его разгладилось и осветилось, – и сама выбрала в мужья. Но, чтобы не ранить артанскую гордость, дала захватить себя в плен. Как и ожидала, твой отец обращался с нею предельно нежно. Через девять месяцев она уже родила ему Скилла, твоего старшего брата. Жили они счастливо, все артане любили свою царицу и гордились ее необыкновенной красотой, ее умением исцелять раны одним прикосновением и светом ее рук... Да-да, ей стоило приподнять рукава и вытянуть руки, как от ее ладоней устремлялся поток яркого лунного света. Она так всегда делала, когда твой отец возвращался поздно с охоты или поездки по дальним племенам. И он счастливо мчался по лунной дороге прямо к дому.

Глава 3

Ютлан сидел тихо, как мышь, негостеприимный мир сейчас отдалился, а он снова в том счастливом детстве, когда Скилл и Придон учили его вскарабкиваться на коня, а потом и вскакивать на ходу, как Блестка приносила им на луг сдобные пироги, а Ютлану настойчиво впихивала еще и медовые соты, а то «совсем шкилет»...

Он чувствовал, как в глазах защипало, опустил поспешно голову, но Рокош смотрел себе под ноги.

– Я знаю, – проговорил Ютлан с трудом, – мама закалила Скилла в детстве, он стал неуязвимым для любого оружия. И когда стал тцаром, вся Артания признала его вождем... Но что со мной? Скилл и Придон были не такими! Они, как все артане, а я...

Рокош спросил с расстановкой:

– Как все?

– Как все артане, – подтвердил Ютлан. – Куявы, конечно, не такие...

Рокош молчал, смотрел на него пристально.

– Уверен?

– Ну да...

– Подумай еще.

Ютлан добросовестно подумал, вздрогнул.

– Да, конечно! Они были намного сильнее, их раны заживали быстро, оба никогда не возвращались без добычи, потому что всегда знали, где в лесу олени, куда летят гуси...

– Это ближе, – сказал Рокош, – хотя и не все. Это отличие от простых людей, но это все и у тебя. Твои братья такие, потому что рождены не от земной женщины, а от Порей Солнцерукой. В твоем случае все сложнее. Ты тоже ее сын, Ютлан, это скажет всякий, кто тебя видит. И не только за светлые запястья, у тебя ее глаза, ее брови... Но ты еще и сын некоего неизвестного, мы его называем Темным. Он долго преследовал твою мать своей любовью, она думала, что укрылась от него, выйдя замуж за смертного, но нашел и в Артании...

Ютлан прошептал:

– И... что?

– Продолжал ее домогаться, – ответил Рокош. – Нет, не изнасиловал, как говорят некоторые... уж и не знаю, настолько ли велика была ее защита, но Солнцерукая боролась с ним несколько лет. А потом, когда заболела и умерла, Темный обезумел от горя. Когда лежала в склепе, подготавливаемая к похоронам, проник к ней, овладел, потом в потемнении рассудка и безумной ярости от горя и страданий, что потерял и никогда отныне не вернет, велел сделать то же самое своему коню и охотничьему псу. И когда твою мать несли к могиле, с ужасом увидели, как растет ее живот и начинает шевелиться!.. Словом, так от мертвой родились... ты, жеребенок и щенок. Вы братья... по матери. И у вас у всех троих очень сильна темная часть души.

– И что мне делать?

Голос его прозвучал жалобно и убито. Рокош с облегчением перевел дух, момент безумной вспышки ярости миновал, Ютлан растерян и старательно пытается понять то, что услышал.

– В тебе сильны как светлая сторона от матери, – сказал он торопливо, – так и от Темного. Потому у тебя эти вспышки ярости. Усмирай их, они... нехорошие. Вредят всегда. Не только другим, но и тебе. Сейчас будет легче их обуздывать, знаешь их причину. И откуда они.

– Значит, – повторил Ютлан, – я в самом деле родился от мертвой... Раньше я слышал какие-то намеки, но при мне такое говорить страшились...

Рокош кивнул.

– Порей просила охранять ее склеп трое суток, потому что она из того племени, которые даже после смерти еще живут... какое-то время. Но тот неизвестный который добивался ее так неистово, сумел сломать все магические запоры, а стражей услал за городскую стену.

– Значит, – спросил Ютлан, едва дыша, – он в самом деле овладел моей матерью уже мертвой?

Рокош кивнул снова.

– Так говорят. Когда Осенний Ветер вернулся, он застал твою мать в изорванных одеждах на полу. На ее лице были гримаса страдания и отвращения. Осеннему Ветру было невыносимо оставаться в городе, где умерла его горячо любимая жена, он ушел усмирять племя могучего Тхора, разбил его войска и усмирил те земли, но на обратном пути сам исчез, даже тела его не нашли.

– Кто тот человек, – спросил Ютлан, – который так поступил с моей матерью? Хотя ты говоришь, что это было не человек...

Рокош сказал осторожно:

– Мало кто думает, что это был человек. Все уверены, и я тоже, в склеп проник кто-то из могучих демонов. А слухи пошли разные... Чье имя только ни называли!

Плечи Ютлана передернулись, словно с неба хлынул внезапно холодный дождь.

– Но как, – прошептал он, – Темный мог совершить насилие над моей матерью... Она же умерла!

Рокош ответил неохотно:

– Он мог.

– Ладно, – проговорил Ютлан с трудом, – но... как мог от мертвой родиться я? Как могли родиться жеребенок и щенок?

– Если демон из темного мира, – напомнил Рокош, – то мертвые в его власти. Но не ты! В тебе столько света от матери!

– Но еще больше темной ярости, – возразил Ютлан. – Она переполняет! Меня вот-вот разорвет на куски!

Рокош сказал тревожно:

– Делай, как ты делаешь. Уходи в лес, ломай деревья, лови зверей и пожирай их сердца еще теплыми. Возвращаешься ты всегда тихим...

– Мне просто стыдно, – сказал Ютлан. – Я прячусь от людей и не могу им смотреть в глаза.

Завидев Рокоша, в их сторону то и дело направлялся кто-нибудь из артан с озабоченным видом, но, стоило углядеть рядом примостившегося Ютлана, всякий торопливо сворачивал в сторону.

Рокош вздохнул, лицо потемнело еще больше.

– Да уж... судьба тебе что-то приготовила особенное, раз уж так нещадно испытывает... Кстати, волхвы и лекари осмотрели того кабана. Тебе повезло, Ютлан. Это что-то совсем новое! Говорят, может зарываться в землю и выпрыгивать за спиной... Ты привез не кабана, а нового зверя, очень странного. Раньше за сотни лет в Артании не появлялось ничего нового! Знаем волков, медведей, рысей, вепрей, как и оленей, лосей, туров, коз, зайцев, барсуков... Но ты привез вообще чудовище.

Ютлан сдвинул плечами.

– Волхвы не сказали, как их истребить?

Рокош нахмурился.

– Лучше бы молчали.

– Намного опаснее тех, что бьют наши охотники?

– Очень, – ответил Рокош хмуро, – говорят, эти новые звери начали выходить из недр из-за великой войны Артании и Куявии. Когда-то весь мир населяли только эти твари, зовут их дивами.

Ютлан сказал с удивлением:

– Я слышал, дивы гиганты!

Рокош отмахнулся.

– Дивы были и как комары, и как горы. Всякие. Одни жили тысячи лет, другие – минуты. Были и вовсе бессмертные... Нет, убить их было можно, но если не убивать, жили бы вечно... Когда появились люди, дивы сперва не обращали внимание на этих существ, пока люди постепенно не начали их теснить. Начались войны, дивы в конце концов проиграли, их оттеснили в самые глухие места, куда человек вообще не ходит. Но сейчас, когда человек ослабел из-за этой страшной войны, дивы, как видишь, начинают отвоевывать себе земли...

Ютлан хмуро отмахнулся:

– Не много они отвоевали. Стоит посмотреть, что у него за мясо.

Рокош кивнул:

– Пойди, отведай. Тебе уж точно не повредит.

Ютлан поднялся уходить, но остановился, повернулся к Рокошу:

– Почему?

– От ядовитого мяса всякий может умереть, – сказал Рокош. – Но не ты, Ютлан.

Незнание, как говорил Рокош, позволяет выбирать, чему верить, потому Ютлан раньше предпочитал думать, что он такой же, как и его братья, но тот же Рокош однажды обронил, что никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно. И вот он уже не рад тому, что узнал, в незнании было спокойнее...

Он шел вдоль улицы, за ним увязался хорт, худой, с прилипшим к спине брюхом и так жутко торчащими ребрами, что вот-вот прорвут непрочную кожу.

Возле дома его троюродного дяди Кажедуба сам хозяин вбивал в землю булыжники, чтобы в любую непогоду можно было пройти посуху. Заслышав шаги Ютлана, обернулся, огромный, как медведь, мощный, смерил его с головы до ног недружелюбным взглядом.

– Здравствуй, дядя Кажедуб, – сказал Ютлан.

– И тебе, – буркнул Кажедуб. – Вот что тебе скажу... Больше не зови с собой играть моих Веньку и Дениску. Они всякий раз в синяках приходят!..

– Хорошо, – ответил Ютлан послушно. – Тогда им скажите тоже, чтоб не бегали за мной.

– Сам следи, – прорычал Кажедуб. – Еще раз увижу вас вместе, сам с тобой разделаюсь!

– Я сумею, – ответил Ютлан, – не дать... разделаться.

Сердце начало стучать чаще, кулаки сжались, он развернулся к дяде и молча ждал.

Кажедуб сказал насмешливо:

– Как страшно!

Ютлан кивнул:

– Знаю.

Кажедуба перекосило от стыда и ярости, этот волчонок учуял как-то, что ему действительно страшно. Стараясь, чтобы тот не видел его лица, он повернулся к камням и сделал вид, что уже забыл о такой мелочи, как этот худой и никчемный подросток, хоть он из тцарского рода.

Ютлан окинул взглядом родственничка, этот толстяк похож на застрявшую в заборе свинью, через три дома дальше на улицу вышел волхв Валдай, с виду больше похожий на бывшего воеводу, даже лицо в шрамах, издали вскинул руку в приветствии, это осталось у него с той поры, как служил в передовых дозорах и не был еще волхвом.

Ютлан кивнул издали, вынужденно пошел к нему, издали вежливо поклонился.

– Здравствуй, дядя Валдай.

Валдай сказал дружелюбно:

– Ютлан, ты сделал доброе дело. Твою добычу изучают, уже прикидывают, как защищаться, находят слабые места.

– Рад, – буркнул Ютлан, – что полезен.

– Еще как, – подтвердил Валдай, – только вот...

Он запнулся, но так долго подбирал слова, все время вздыхая, двигая плечами, словно ежился под холодным дождем, что Ютлан спросил сердито:

– Что?.. Что я делаю не так?

Валдай ответил после недолгого колебания:

– Пойдем присядем вон подле того костра. Не старик еще, но люблю сухой жар, люблю смотреть в пламя. Все-таки артане – люди огня! Что-то связывает нас с этим жарким буйством.

Ютлан шел за ним, костер по-артански жаркий, со всех сторон окружен крупными булыжниками, чтобы не выкатывались раскаленные угли, полыхает ярко и победно. Вокруг разложены толстые бревна с уже снятой корой, чтобы сидеть даже в праздничной одежде и не пачкаться.

Валдай присел, кивнул Ютлану, тот осторожно опустился напротив, сердце колотится, мудрый волхв зря не пригласит на разговор, более важных дел неупрочит...

– Ты знаешь, – произнес Валдай невесело, – тебя все сторонятся. Из-за твоего... характера.

– Я вспыльчив, – пробормотал Ютлан.

– Это не вспыльчивость, – напомнил Валдай, – а твоя темная ярость. Не все знают о ней, но мы, волхвы, знаем. Нельзя так быстро и... по любому ничтожному поводу взрываться. Особенно там, где тебя знают и как-то научились с этим жить.

Он сказал злобно:

– Ага, жить!.. Просто уходят с дороги и никто даже не смотрит в мою сторону!

– И что, – спросил Валдай, – это они ни с того ни с сего?..

Ютлан уронил голову.

– Ну, конечно, я чересчур... иногда...

– Достаточно одного такого «иногда», – сказал Валдай наставительно. – Другому бы сошло с рук чуть больше, но ты слишком силен. Крепкозубу сломал руку, Урлангу вывернул плечо, а Рясной Лист по твоей вине хромот, а каким танцором был!.. Тобой недовольны их родня, а также все артане, которые тоже легко приходят в ярость, но умеют себя смирять. Мы не звери, мы как-то научились жить среди людей!

Ютлан слушал все ниже опускал голову.

– И что мне делать? – спросил он совсем не задиристо.

– Сперва научиться ладить с людьми, – сказал Валдай. – Иначе далеко не уедешь. Ты очень силен, но на свете немало таких, что твоя сила будет выглядеть перед их, как мощь драчливой лягушки перед спокойствием буйвола.

Ютлан сказал в раздражении:

– Но как я могу вести себя, как другие? Если смотрят на меня, как на хищного волка? Ну, пусть не хищного, но все-таки я всем поперек горла...

Валдай тяжело вздохнул. Ютлан ждал, что тот будет возражать, спорить, доказывать, что ничего подобного, он не так понимает, однако волхв грустно кивнул:

– Ты прав...

– Так что делать мне?

Валдай вздохнул еще тяжелее:

– Выход есть, но он мне совсем не нравится.

– Какой?

– Тебе надо пожить среди людей, – сказал Валдай невесело, – что тебя не знают. И ты сам увидишь, как относятся именно к тебе, а не к тому, что ты... чей-то сын.

Ютлан быстро зыркнул ему в лицо, но волхв смотрел мирно, никакого намека на его происхождение. Просто сказал то, что сказал.

Ютлан сказал озадаченно:

– Но... как? Здесь меня все знают!

– Мир не состоит из одной Арсы, – напомнил Валдай. – И даже из Артании. Когда ты бросился на помощь Придону, ты проехал половину Куявии!.. Там тебя никто не знал. И как тебя встречали?

Ютлан попытался добросовестно вспомнить, но помотал головой:

– Не помню. Я так торопился, так спешил в Куябу, чтобы успеть спасти брата...

Валдай обронил тихо:

– Но ты понял, что я сказал?

Ютлан тоже смотрел в пламя костра и чувствовал, как неясная тоска заползает в сердце.

– Да... но почему мне так нехорошо?

– Разлука, – сказал Валдай.

– С кем? – спросил Ютлан раздраженно. – Братья погибли, а сестру, которую я так любил, увез этот... чтоб его драконы съели.

Валдай помолчал, Ютлану почудилось, что волхву ответить нечего, затем тот произнес просто и торжественно:

– С Артанией.

Ютлан переспросил:

– Советуешь вообще покинуть наши земли?

– В Артании тебя знают, – пояснил Валдай. – Она велика, но и ты не простой пастух. Ты последний из сыновей тцара Осенний Ветер, прямой наследник престола! О тебе говорят, тебе перебивают кости, так уж ведется в мире. В Артании, где бы ты ни укрылся, тебя быстро узнают. Пусть не в первый день или неделю, но... это все испортит. Потому я бы посоветовал тебе... только не сердись!.. уехать на некоторое время в чужую и незнакомую деревню. Пони-маешь, если окажешься в чужой деревне или чужом городе, где тебя не знают, то примут таким, каким впервые покажешься и каким... будешь. За тобой не потащится твоя ужасная слава! Никто не покажет на тебя пальцем и не скажет с ужасом: «Это тот самый, что...»

Ютлан молча смотрел в красивое мужественное лицо. Валдай говорит уверенно и спокойно, чувствуется, что совсем не боится, даже не чувствует неприязни. Более того, от волхва веет теплом, состраданием и участием.

– Уехать из Артании? – переспросил Ютлан потерянно. – В Куявию?.. Или в Славию?..

Валдай покачал головой.

– Неважно куда. Я погорячился насчет Артании, она велика, не все бывали в Арсе и видели тебя. В простых деревнях люди даже не знают соседей из сел поблизости. Ты можешь попробовать ужиться и там, недалеко от Арсы. Приедешь злым – будут знать как злого, приедешь веселым – будут знать веселым, приедешь работающим – примут таким... пока не докажешь, что ошибались. А вернешься сюда, когда научишься держать черную ярость в кулаке... и выпускать, только когда необходимо.

– Разве можно... выпускать? Это же нехорошо!

– Нехорошо, – согласился Валдай. – Но жизнь наша еще не совсем... правильная. В общем, иди в мир. Может быть, там ты найдешь то, что заставит тебя остаться среди людей... и превратит в человека. А здесь, Ютлан, скоро станешь дивом, диким и яростным... Потому все так смотрят на тебя, потому что тебя боятся, потому что от тебя ждут неприятностей...

Ютлан прошептал:

– Потому что я... ублюдок... выродок какого-то темного дива...

Валдай перебил быстро и сильным голосом. Он выпрямился, отшвырнул пруттик, которым подталкивал ветви в огне, на лице заиграл багровый отблеск костра.

– Что за чушь!

– Но...

Валдай перебил резко:

– Ты артанин!.. Потому и такой. Мы все такие! Ты был в Куявии, видел, как там играют на арфе? Мы же презираем это комариное треньканье, нам ласкает слух рев боевого рога! Там нужен накал, мы все из огня и ярости, мы любим яростно и чувствуем яростно, у нас нет полутеней, у нас либо яркое солнце, либо лютая тьма!.. У нас нет куявских хороводов, у нас такие пляски, что пыль до небес, от грохота качаются горы, а звери дрожат в норах! Ты просто такой же, Ютлан!

Ютлан замедленно кивнул, поколебленный настолько, что почти согласился. Да и страшно быть не таким, жуткое одиночество, а так незримые плечи сородичей со всех сторон.

– Но я все делаю, – произнес он нерешительно, – без... накала. И без огня и ярости. Блестка говорила, что я вообще как кусок темного льда.

Валдай отмахнулся.

– Женщина, что она понимает!.. Чтобы поджечь железо, нужен настоящий жар, а дерево вспыхивает от простой искры.

– А от чего вспыхиваю я?

– Узнаешь, – ответил Валдай. – И... верю, научишься управляться с собой.

Он поднялся, лицо стало отстраненным, Ютлан понял по лицу верховного волхва, что тот сказал все нужное, а сейчас уже мысль его взлетела над городом, а то и над Артанией, в которой после великой войны нужно сделать так много.

– Спасибо, – сказал Ютлан и торопливо вскочил, негоже сидеть в присутствии почтенного человека, который только что встал. – Спасибо!

Глава 4

Валдай невесело смотрел ему вслед. После Вяземайта он стал верховным волхвом, но и под рукой Вяземайта понимал, что натиск на Куявию неизбежен. Прошло два поколения без засухи, население Артании утроилось, и вот уже земля дрожит под копытами степных коней. Земля перестала вмещать новое поголовье, пора расширить ее пределы, как всегда делали предки. А там дальше свободные земли...

Ну и что, если там люди? Чужие... Их можно и нужно убить или просто согнать, а землю освободить для своих домов, а пастбища – для своего скота.

Вяземайт лишь воспользовался удобным предлогом в виде неистовой любви Придона, и, что бы куявы ни делали и ни говорили, все истолковывалось им во вред и в пользу войны.

Но и сейчас хоть проси богов о тучах саранчи, ураганах или неурожайных годах – кони жиреют на сочных травах, артанской пшеницы уродилось снова столько, что приходится строить новые закрома, а из-за того, что Артанию вот уже лет сто не посещали никакие болезни, после которых половина населения вымирает, каждую весну в седла поднимаются десятки тысяч молодых удальцов...

...которым нужно где-то красиво сложить головы. Во имя чести. Во имя грозной славы Артании.

Лучше там, чем в междоусобных войнах. А это значит, нужно задумать новую войну и провести ее не менее красиво, чем сделал Вяземайт.

В город въехали и красиво промчались на огромных боевых конях знатные воины и вожаки наиболее прославившихся кланов, Ютлан скользнул взглядом по гербам и надписям на богато украшенных щитах: «Черная вишня», «Черная птица», «Темный Легион», «Черные Воины», «Темные шаманы», «Ночная стража»...

Как-то Валдай обронил, что такие названия больше подошли бы дивам, что на стороне тьмы, но один из стариков сказал шепотом, что это же мальчишки, забыл разве, каким был сам?

И хотя Ютлан не считал этих могучих богатырей мальчишками, но это для его тринадцати они все взрослые дядьки, а для Валдая и старейшин, возможно, еще драчливые мальчишки...

Герои красиво промчались по центральной улице то ли к дворцу тцара, то ли к постоянному двору, Ютлан с хортом прошли к конюшне, где Алац сразу очнулся от тяжелой дремы и коротко ржанул, сообщая, что он здесь, в самой глубине.

Когда Ютлан, наобнимавшись и нацеловавшись с конем, вышел на дневной свет, в их сторону уже шел Рокош, еще более угрюмый, чем обычно, даже спина сутулится, как у старика.

– В доме ты бываешь реже, – сказал он, – чем в лесу или в конюшне.

– И что? – спросил Ютлан.

Рокош рассматривал его пристально и бестрепетно, хотя многие артане, даже самые бесстрашные, отводили взгляд, когда в глазах Ютлана разгорался пурпурный огонь.

– Давай присядем, – сказал он. – Что-то ноги мои начали сдавать очень уж быстро.

У стены конюшни широкая длинная лавка, Рокош медленно сел, Ютлан слышал, как в коленях старика звонко шелкнуло.

– Валдай мне все рассказал, – сообщил Рокош невесело. – Даже если он прав... это слишком жестоко. Тебе всего тринадцать с хвостиком. Ты не можешь взять с собой оружие. Даже в те места, где тебя не знают. Мы, артане, носим закон в себе и отвечаем по нему прежде всего перед собой.

Ютлан кивнул.

– Я не возьму оружия.

– Ты очень силен, – напомнил Рокош, – но у тебя нет опыта. Ты же знаешь, гибнут и неуязвимые... как случилось с твоим старшим братом, а ты уязвим, как все мы.

– Опыт придет в дороге, – ответил Ютлан. – А насчет моих тринадцати лет... Дети героев взрослеют быстрее, а тцар Осенний Ветер был великим героем.

– Да, – сказал Рокош, – да, конечно... но все-таки, на мой взгляд, ты ехать не должен.

– Почему?

– Скилла и Придона больше нет, – напомнил Рокош. – Остался ты – самый младший. На тебе вся наша власть. Сейчас ты, можно сказать, тцар.

Ютлан холодно смотрел в лицо старика.

– Мне по возрасту даже оружие мужчин нельзя брать в руки, куда уж править! А тцар у нас Троян, сын Скилла.

– Трояну пять лет, – уточнил Рокош. – Я самый старый из артан, Ютлан. Руки мои уже не так сильны, а мысли все чаще путаются, как нити в руках нерадивой пряжи. Смогу ли дожждаться, когда Троян возмужает, чтобы без страха за Артанию передать ему власть?.. Мне легче дожждаться тебя.

Ютлан покачал головой.

– Ты уже знаешь, я вчера убегал в лес... и что там натворил, знаешь.

– Знаю, – ответил Рокош невесело. – Но ты научись собой владеть. Ты уже уходишь в лес...

– Убегаю.

– Убегаешь, – согласился Рокош. – Это хорошо. Ты бы мог и не убегать, но ты все-таки себе хозяин.

– Не знаю, – мрачно ответил Ютлан. – Эти приступы ярости у меня все чаще. Другой улыбнется, отшутится, а меня всего трясет, я жажду убить, всех убить... Нет, я уже решил.

– Что?

Ютлан выпрямился и сказал резко, как об уже решенном:

– Я должен отыскать своего отца.

– Осеннего Ветра?

Ютлан видел, что старик хорошо и правильно его понял, но спрашивает нарочито, – зачем он злит, что он хочет, – с трудом подавил быстро рвущуюся на поверхность ярость.

– Сейчас, – ответил он твердо, хотя и без резкости, – мне важнее отыскать того, из-за которого я вот такой.

Старик тяжело вздохнул:

– Думаешь, он как-то поможет?

– Если говорят правду... кто он, то... может быть. Сам-то он...

– Ютлан...

– Я хочу понять! – выкрикнул Ютлан с мукой. – Знает ли он вообще обо мне? А если знает, то как... относится?

Рокош с трудом поднялся, застывшая спина затрещала, распрямляясь, он даже дыхание задержал от усилий, лицо застыло на несколько долгих мгновений.

– Ютлан, – сказал он голосом вождя. – Даю тебе год. Успей сделать то, ради чего покидаешь Арсу! Я не знаю, смогу ли удерживать власть дольше. Я уже сейчас, как уже сказал и еще раз напомню, старше всех артан на свете. Если умру до твоего возвращения, в Артании такое начнется... И Ютлан, помни... сына Скилла наверняка убьют.

Ютлан вздрогнул, перед глазами встал маленький Троян с его насупленным личиком и глазами, полными укора.

– Береги его, – проговорил он с трудом. – Я вернусь... и никто не посмеет его обидеть!

– Тогда и я благословляю в дорогу, – сказал Рокош. – Хотя и с тяжелым сердцем.

Ютлан кивнул, выпрямился, стараясь держаться красиво и гордо, мужчины никогда не выказывают страха, но внутри все оборвалось, а сердце сжала ледяная ладонь. К Придону он неся подгоняемый страхом, что может не успеть, брата надо спасти, а назад вез его тело, ничего не видя по сторонам, да и сопровождали его отряды кувявских воинов, что держались впереди, сзади и по бокам, не давая никому приблизиться, пока не въехали на землю Артании.

Но покинуть родные земли вот так, без гнева и ярости, просто потому, что так надо... очень страшно и неудобно.

– Я выеду завтра на рассвете, – заявил он твердым голосом.

Рокош покачал головой.

– Не спеши. Сперва побывай у Герда Железные Руки. Подбери для своего коня другую упряжь, что не порвется через два дня, в пути починять некому. И для себя... да, оружия еще нельзя, но можно сменить сапоги... на непростые, взять другой пояс, какие-то амулеты.

– Хорошо, – ответил Ютлан.

Он старался, чтобы Рокош не услышал в его жестком голосе отчаяния. Старик равнодушно смотрит в сторону заката, там в сизой мути багрово пламенеет диск солнца, раздутый и страшный. Из-за степных пожаров даже в полдень на такое солнце, закрытое гарью, можно смотреть не шурясь.

– Завтра погода ясная, – сказал он. – Но все так же знойно... Нужно выезжать либо рано утром, либо к вечеру. Я бы советовал к вечеру.

– Выеду утром, – отрезал Ютлан и поднялся.

Рокош тяжело наклонил голову.

– Ты прав.

Солнце только что село, закат полыхает на полнеба, огромный и величественный, словно само небо принесло себя в жертву, окрасивши пурпурной кровью и хрустальный свод, и сказочно пышные горы облаков, уже застывшие над горизонтом в сладостном оцепенении.

Ютлан потерянно смотрел из окна и никогда еще не чувствовал себя таким маленьким и одиноким в этом огромном равнодушном мире.

За спиной слышались медленные осторожные шаги. Загрибок Ютлана напрягся сам по себе, но тут же расслабился, шаги Валдай отличит от тысячи: верховный волхв старается избавиться от воинской привычки жестко ставить ступню, из-за этого всегда ходит чуточку скованно.

– Что-то случилось? – спросил Ютлан, не поворачиваясь.

– Да, – ответил Валдай, он подошел и встал рядом, тоже всматриваясь в горы залитых закатным багрянцем облаков. – Ты случился. Потому мы сейчас, Рокош и я, и не отходим от тебя.

– Я так опасен?

– Ты важен, – возразил Валдай мягко. – Ты последний из сыновей Осеннего Ветра, кто бы и что ни говорил. Ты – герой, что может прославить Артанию... как и навлечь на нее позор. И еще, Ютлан, поверишь или нет, но мы все... любим тебя.

Ютлан посмотрел на волхва с удивлением. Валдай мягко улыбнулся, что так непривычно для его жесткого лица воина.

– Трудно поверить?

Ютлан кивнул:

– Вообще-то да...

– Тогда просто поверь, – сказал Валдай, – нам выгодно, чтобы ты научился смирять свою ярость и вернулся таким... какого не нужно будет опасаться.

Ютлан снова кивнул, признавая его правоту, но сразу же мелькнула мысль, что Валдай страшится за него и не желает отпускать в дальнее странствие. И насчет чужой деревни – тоже хитрость...

– И сколько я должен прожить вне Арсы? – спросил он.

– Год, – ответил Валдай. – Хотя бы год.

– Ого, – сказал Ютлан невольно.

– Год, – пояснил Валдай, – кажется целой жизнью для подростка... да так оно и есть, но это минутка для старика. Если выдержишь год, то сможешь держать себя в руках и дальше. Это как ездить верхом. Кто научился – будет ездить всегда, а вот среди куявов редко кто сумеет взобраться в седло без скамейки и посторонних рук!

Ютлан кивнул, подумал, что угадал. Валдай старается удержать подольше на месте, пусть даже в чужой деревне. Сейчас тринадцать с половиной, через полгода будет четырнадцать, можно брать в руки оружие мужчин. И надо будет возвращаться в Арсу, чтобы взять из рук дряхлеющего Рокоша власть и держать ее до тех пор, пока подрастет маленький Троян.

– Я так и сделаю, – пообещал он.

Валдай дружески хлопнул его по плечу.

– Не буду отвлекать, – сказал он и пояснил: – От созерцания заката. Я почему-то уверен, что только в Артании они такие прекрасные!

Рокош после разговора с Ютланом шел в глубокой задумчивости через дворец, опомнился уже на южной половине, которую принято считать женской. Хотел вернуться, но подумал, что сама судьба привела сюда, остановил служанку и послал сказать, что он желает поговорить с матерью наследника трона.

Девушка упорхнула, а он шел тяжело и неспешно, давая время приготовиться к его неожиданному визиту. Тайная куявская жена Скилла, очень молодая и красивая женщина, живет в этой части дворца почти безвыездно, хотя по ее прибытии с маленьким сыном в Арсу многие мужчины, восхищенные ее красотой, начали предлагать ей руку и сердце и до сих пор добиваются ее внимания.

Двери распахнулись, женщина встретила его посреди комнаты, красивая и статная, как артанка, гордая и с полными достоинства движениями. Ее сын Троян стоит рядом, держась за ее руку, и смотрит исподлобья.

– Приветствую, – сказал Рокош и отдельно поклонился Трояну. – И тебя, будущий правитель Артании...

Мальчик насупился, но кивнул, а его мать произнесла с некоторой тревогой в голосе:

– Что-то стряслось?

– Ютлан уезжает, – сообщил Рокош невесело. – Последняя наша защита... Как ты? Еще не выбрала кого-либо в мужья? Все-таки ты еще молода, снова выйдешь замуж, найдешь счастье в браке, родишь еще детей...

Она ответила с достоинством:

– Женщина, чьим мужем был богоравный Скилл, не может стать женой простого человека.

Рокош напомнил:

– К тебе сватаются не простые, а вожди племен.

Она покачала головой:

– Кто из них равен Скиллу?

Он вздохнул.

– Да, понятно, но ребенку нужен отец. В доме должен быть мужчина.

Она посмотрела на него прямо и бестрепетно.

– Если он понадобится, я буду им. Мой сын вырастет героем. Как его отец.

– Лучше расти тцаревичем, – попросил Рокош. – Героев в Артании много, гораздо нужнее мудрый правитель, а правителю героем быть не обязательно. Ты же знаешь, что случилось, когда мудрый правитель Артании куда-то исчез, а власть перешла в руки его отважных и благородных сыновей-героев! Увы, отваги и благородства для тцара мало, мудрость нужнее. Даже осторожность, которую артане презирают! Учи этому сына.

Она наклонила голову.

– Спасибо, мудрый Рокош.

Он тяжело вздохнул.

– Может быть, даже лучше, если воспитаешь сына сама. Твой новый муж слишком бы старался обучить его смирять диких коней и побеждать в кулачном бою. Для тцара это не совсем обязательно. Это говорю тебе я, артанин!

В ее взгляде он прочел удивление.

– Это в самом деле, – проговорила она медленно, – необычно.

Он невесело улыбнулся.

– Ты уже слыхала, наверное, меня зовут Рокошем Длинноволосым. Когда я вышел из пещер, моя борода была ниже колен, а волосы укрывали меня вместо одежды. Никого не осталось, кто бы помнил меня как героя-поединщика, что так и ушел непобежденным... но я ушел не на покой, а в пещеры, где в уединении хотел разобраться с мыслями и понять, как же все-таки жить правильно... Знаю, все говорили тогда, что ищу Камень Абсолютной Мощи, но меня не интересовали никакие камни, я хотел познать истину.

Он умолк и молчал так долго, что она спросила тихонько:

– И... как?

Он покачал головой.

– Оставалось совсем немного, уже начинал видеть ее, чувствовать, мысли уже выстраивались дивным правильным узором... но тут дошла весть, что Артания гибнет, и я покинул пещеру... хотя теперь не уверен, что поступил правильно.

Она сказала торопливо:

– Зато вы спасли Артанию! Она снова укрепляется и крепнет.

Он в сомнении покачал головой.

– Я был еще и полководцем, водил войска в набеги... Умею управлять людьми лучше, чем большинство, но все-таки недостаточно для тцара. Я это понимаю. Просто другие еще хуже. Потому я здесь. Береги Трояна! Если начнется... борьба за трон, я пришлю лучших из лучших для защиты... мальчика.

Она чуть улыбнулась. Суровый, как Рипейские горы, Рокош впервые назвал Трояна мальчиком, а не наследником или тцаревичем.

Глава 5

Ночью прошел легкий дождь, но к утру распогодилось, небо ясное, умытое, воздух свежий. Когда Ютлан вышел во двор, там уже скрипит ворот колодца, бодро ржут и стучат у коновязи копытами лошади, а из кузницы доносятся частые удары молотов по раскаленному металлу.

Он проведаль коня, хорт поднял голову и внимательно посмотрел на хозяина, но не встал, тем более не запрыгал вокруг, как сделали бы любые другие псы.

– Скоро уедем, – произнес он шепотом, сердце стиснулось страхом, – немного проживем... среди незнакомых. Я вас очень люблю.

Валдай появился такой же бодрый, как само утро, подошел упругой походкой воина.

– Здравствуй, Ютлан, – сказал он. – Готовишься? Там Рокош уже собрал мешок в дорогу. Харчи, походное одеяло, огниво, всякие мелочи... Хочу сказать еще раз, что там, куда поедешь, тебя не знают. С самого начала води себя так, чтобы к тебе отнеслись по-доброму.

Ютлан буркнул:

– Как?

– Первое, – сказал Валдай наставительно, – учись улыбаться. Человек с улыбкой нравится всем. Второе, кроме «да» и «нет», есть и другие слова. Каждому приятнее увидеть ответ на ладони, а не в кулаке.

Ютлан подумал, кивнул:

– Да.

Валдай поморщился.

– Что да?

– Каждому приятнее увидеть ответ на ладони, а не в кулаке, – повторил с усилием Ютлан. – Да, я буду стараться говорить... длиннее. Хотя говорить длинно не по-мужски.

– Говорить длинно, – возразил Валдай мягко, – выказывать уважение. «Да» и «нет» это либо со слугами, либо с близкими, которые тебя уже знают как облупленного. Кроме того, пока говоришь, тебя слушают и... никто не ударит.

Ютлан спросил с недоверием:

– Правда?

– В большинстве случаев, – уточнил Валдай. – Разве что поймут, что затягиваешь речь нарочито.

– Пусть ударят, – сказал Ютлан резко. – Я отвечу.

– Иногда обмен ударами все ломает, – возразил Валдай. – Даже то важное, что тебе нужно целым. Рокош говорит, ты собираешься искать темного демона... ну, того самого?

– Хотелось бы, – сказал Ютлан осторожно.

– А ты хоть знаешь, где его искать?

Ютлан покачал головой:

– Нет.

– Тогда как?

– А здесь встречу? – ответил Ютлан.

Валдай вздохнул.

– Ты прав. Но спрашивай не у встречных-поперечных, из них не все даже свои имя помнят, ищи старых и мудрых.

– Спасибо, Валдай.

Волхв усмехнулся.

– Ну вот, даже благодарить научился. А все говорят: зверь, кровожадный зверь...

Он осекся, увидев внезапную ярость на лице Ютлана и залитые пурпуром белки глаз. Ютлан задышал часто, с усилием, провел ладонью по лицу. Страшная судорога исчезла, только глаза все еще горят страшным огнем, как небо на закате.

Послышались тяжелые шаги, Рокош идет в их сторону с некоторым усилием, словно за ночь кости совсем застыли и отказываются повиноваться.

Пояс старика заметно оттягивает дубинка странно-черного цвета, то ли обуглена в огне, то ли такое необычное дерево. Рокош на ходу снял ее, бережно погладил заскорузлой ладонью, тяжело вздохнул.

– Тебя нельзя брать боевой топор, – сказал он хмуро, – но это не значит, что должен оставаться безоружным. Вот тебе моя дубинка. На самом деле не моя, а нашего общего пра-родителя Громобоя. Я когда-то отыскал ее... не буду говорить как и где, не поверишь, с тех пор не подводила.

Ютлан сказал осторожно:

– Так пусть остается у тебя.

– Тебе нужнее, – сказал Рокош. – Не скажу, что мне хочется ее отдавать! Еще как не хочется. Но я в Артании, а ты пойдешь неизвестно по каким землям.

Дубинка сразу потянула руку Ютлана книзу. Чтобы удержать на весу, потребовалась та его черная сила, которую он так не любил и боялся. Рокош наблюдал за ним из-под кустистых бровей, а когда Ютлан, напрягая мышцы, повесил дубинку справа на пояс, проговорил с одобрением:

– Я был прав. Ты сможешь стать героем. Только береги честь артанина! Нарушая слово, нарушая клятвы, мы превращаемся в животных. Только они не знают чести и верности... да еще куявы разве что. Потому мы чтим закон...

Он сурово взглянул на Ютлана. Тот понял, ответил твердо:

– Я не возьму в руки ни топор, ни меч, пока не исполнится четырнадцати лет!

Рокош обнял его и шепнул на ухо:

– Во всем ищи возможности, а не пути к отступлению. Помни, что бы ни случилось, это тебе поможет!

Он выехал по-артански обнаженным до пояса, с дубинкой у пояса, простым охотничьим луком, где стрелы без острых наконечников, и простым ножом для разделки добычи. И хотя за пределами Арсы его не знают, и никто не станет проверять, сколько ему лет на самом деле, но артанин носит закон в себе, в отличие от куявов, что исполняют законы, только когда за ними наблюдают.

Хорт молча и ровно бежит рядом, конь идет неторопливым галопом. Внизу под брюхом скользит ровная, как столешница, артанская степь: ровно, чисто, ничего лишнего. Очень не скоро справа и слева от дороги начали появляться дубовые леса, даже не леса, а рощи, но такие густые и добротные, что дорога почтительно огибает по дуге, чтобы не пробираться, пригибаясь чуть ли не до земли под нависающими ветвями, или, еще хуже, с трудом перебираясь через великанские корни, вспучивающие мох и залежи прошлогодних листьев.

В синем небе чистые облачка, как стадо невинных овечек, но вдруг сыпанул дождь, яркий и блестящий, солнце продолжало жечь с прежней силой, и дождь еще на лету превращался в белесый пар. В небе все так же висит жаворонок, доносится его звонкая чистая песенка, не испугался ни дождя, ни короткой грозы.

Степь мчится навстречу, твердая земля сухим стуком отзывается на удары копыт. Из редких кустов или зарослей травы испуганно выпархивают птицы. Ютлан не раз видел внизу в спрятанных в траве гнездах беспомощных птенцов, что смотрели на него, задрав головы с раскрытыми клювиками, часто прямо из-под копыт выпрыгивали зайцы и кролики, а еще Алац на скаку дважды ухитрялся затоптать змей.

Дорога виляет часто, но Алац все понимал и сам срезал такие петли: герои не ищут брода в реках, а в степи смотрят не на дороги, а на далекий край неба, где он соприкасается с землей.

В полдень остановился перекусить, затем снова неслись через степь, минуя в сторонке небольшие села и города. Когда солнце начало склоняться к закату, Ютлан начал подумывать, что отъехал до Арсы достаточно, в этих местах его не узнают...

Далеко впереди он рассмотрел зад громоздкой повозки, целый сарай на телеге, тянут две лошади, по обе стороны четверо мужчин верхами, а еще трое коней, нагруженных выюками, уныло бредут следом на длинном поводке, опустив морды.

Ютлан догнал их, всадники на него посмотрели искоса, затем на усталых лицах проступил слабый интерес.

– Эй, – крикнул один из всадников дружелюбно, – ты артанин, да?

Ютлан ответил настороженно:

– Да, а что?

– Ничего, – ответил всадник, – много слышал про артан, вижу впервые. А почему у тебя конь такой худой? Он же помрет скоро!

Второй добавил со знанием дела:

– Парень еще не знает, что животных кормить надо.

– У него была деревянная лошадка? – спросил первый.

Они захохотали.

Ютлан буркнул:

– Порода такая.

Он ткнул пятками Алаца в бока, тот пошел быстрее и начал обгонять обоз. Из фургона выглянули в окошки две женские головы, хихикнули, заулыбались.

– Привет, странник!.. – крикнула одна. – Не скажешь, вода тут далеко?

Ютлан посмотрел по сторонам, вытянул руку:

– Вон там деревья, видишь?..

– Да, – ответила женщина. – Там ручей?

– Или родник, – ответил Ютлан.

Всадники начали прислушиваться к его разговору, один поинтересовался с подозрением:

– Так ты сам не знаешь?

– Там хорошие деревья, – объяснил Ютлан. – Очень зеленые. Без воды таким не выжить.

Всадник поморщился, а Ютлан пустил коня вперед. Хорт понесся крупными скачками, группа деревьев, едва видная отсюда, быстро приближалась. Когда они с Алацем прибыли, хорт уже отыскал родник и жадно лакал, содрогаясь всем худым телом.

Ютлан спрыгнул на землю, снял седло и бросил к подножию самого громадного дуба.

– Отдых, – сказал он. – Здесь заночуем.

Конь подставил ему бок, Ютлан снял все ремни, освободил даже от уздечки, Алац в ней не так уж и нуждается, как считают остальные артане. Хорт, напившись так, что пузо отвисло, поднял нос и начал нюхать воздух, потом опустил и, отбежав на пару шагов, начал бешено рыть твердую, как камень, землю.

Ютлан собирал хворост, уверенный, что хорт мышкует, однако за спиной раздался визг и тут же оборвался. Хорт в два прыжка оказался перед ним и опустил на землю задушенного барсука, молодого и толстого, успевшего нагулять жирок.

– Вовремя, – пробормотал Ютлан. – А домашние харчи побережем до следующего раза...

Хорт лег, глядя на него жуткими багровыми глазами, затем опустил веки и стал похож на вырезанную из черного камня фигурку.

Глава 6

Ютлан нанизал куски тонко порезанного мяса и терпеливо жарил их на углях, так почему-то принято, а он, если не хочет отличаться своими странностями, должен поступать так же. Топот копыт он услышал давно, но не поднимал голову, все равно по храпу, запаху и далеким голосам уже понял, что приближаются те странные люди с огромной повозкой.

Усталые кони тянули эту широкую телегу с огромным, как сарай, ящиком, возница лениво нахлестывал их по мокрым от пота спинам, кони так же лениво отмахивались хвостами и делали вид, что идут быстрее.

Всадники выехали вперед и сразу же начали покидать седла, причем кто тяжело спускался и громко охал, а кто и сползал по конскому боку, словно уже совсем выбился из сил. Ютлан посматривал с брезгливым интересом, хотя и пообещал Валдаю держаться «как все», но таким подражать точно не стоит, артане соскакивают всегда легко, как бы ни устали за поход.

– Эй, парнишка! – закричал первый всадник. – Ты не ошибся, здесь в самом деле есть вода?

Ютлан кивком головы указал в сторону деревьев в середине. Второй всадник посмотрел в ту сторону, потом на Ютлана.

– Коней напоить хватит?

– Хватит, – ответил Ютлан.

Всадник буркнул:

– Ты не больно разговорчив.

Второй пояснил:

– Он же артанин.

С пустым кожаным мешком он отправился к роднику, Ютлан хмуро подумал, что мужчина должен сперва напоить коня, потом пить сам, но эти точно не артане, видно сразу.

Сам он в их сторону поглядывал только искоса, стараясь не выказывать удивления, таких разных людей еще не видел. Главный у них – толстяк – такого маленького роста, что просто гном, голова сидит прямо на плечах, а широкая борода спускается до середины объемного живота. Ноги крохотные, кривые. Ходит на них, переваливаясь с боку на бок, но руки рельефные, мускулистые, обвитые толстыми жилами, а ладони широки, как лопаты.

Второй – гигант, выше всех людей, которых видел Ютлан, голова кажется маленький из-за толстой шеи, что шире головы, и невероятно разнесенных в стороны плеч, откуда свисают ужасающе толстые руки в узловатых мышцах. Грудь широкая и выпуклая, живот плоский, в толстых валиках мышц, ноги тоже толстые, а в его сапоги любой мужчина смог бы засунуть обе ноги...

Еще с ними очень красивая женщина с дивной фигурой, которую демонстрирует при каждом движении, а еще постоянно улыбается то хитро, то с намеком, то многозначительно, глаза тоже с поволокой, томные, сладострастные.

Вторая женщина – совсем молодая девушка, очень гибкая, словно у нее совсем нет костей, легко сгибается в кольцо, как в одну, так и в другую сторону, быстрая и светлая, глаза всегда веселые, улыбается так же часто, как и старшая подруга, только как-то светло, без намека, чисто и бесхитростно.

Еще двое мужчин больше похожи на обычных мужчин, которых Ютлан видел как в Артании, так и везде, разве что оба выглядят недостаточно... мужественными, что ли, хотя у обоих и рост, и широкие плечи, но в лицах то ли робость, то ли изнеженность, но оба не выглядят людьми, готовыми проскакать двое суток, не покидая седла, а тем более – ворваться после этого в жаркую схватку и повергать врагов.

После того как все напились и освежились, толстяк приблизился к костру Ютлана и сказал вежливо:

– Думаю, не стоит разводить еще один костер, как думаешь?.. Мы бродячие артисты, если ты еще не понял. Меня зовут Умрих, это вот Железный Анр, а это Глинк и Успенга. Женщин ты уже видел, Примка, Инженю, а в телеге осталась еще и Гарганга, но это совсем старая карга, пусть спит... Все наши женщины умеют петь и танцевать, а также обучены другим разным вещам.

– Каким? – спросил Ютлан.

Они почему-то переглянулись, засмеялись, Железный Анр открыл рот и явно хотел ответить, но толстяк ткнул его в бок и сказал мирно:

– Тебе знать еще рано. Ты ведь артанин, верно?

– Да.

– У вас строгие нравы?

– У нас хорошие нравы, – ответил Ютлан.

– Ну да, ну да... А мы вот свободный народ. Понимаешь, как птички перелетные. Никто нами не командует, ездим везде, куда хотим, клюем то, что находим...

Ютлан поинтересовался вежливо:

– А чем кормитесь? Я не видел, чтобы вы били уток, что пролетели прямо над вами.

Толстяк усмехнулся.

– Нам платят.

– Кто?

– Жители городов, – ответил он, – где мы даем представление. Вон Инженю и Примка танцуют и поют, Железный Анр рвет на потеху зевак железные цепи и поднимает коня вместе со всадником на плечи, да еще бегают по кругу!.. Народ обожает силачей. Глинк и Успенга играют на разных музыкальных инструментах, у нас их полповозки. Народ слушает, тоже пляшет и поет, а нам в уплату за полученное удовольствие бросает монеты. Нам хватает, чтобы без спешки добраться до другого города и там дать представление...

Ютлан подумал, что занятие у этих людей какое-то странное, но вслух ответил вежливо:

– Да, наверное, вам так нравится жить.

Повозка бродячих артистов, как он уже рассмотрел, состоит из телеги с широким корытом и высокого ящика из шкур со скелетом из толстых жердей. Внутри мешки с одеждой, одеяла, горшки, медный таз, котел, связка очищенных от коры длинных прутьев, уже грязных и закопченных. Ютлан сперва решил, что заготовки для стрел, потом понял, что на этих прутьях жарят мясо, лентяй всякий раз выстрегивать заново.

Толстяк проследил за его взглядом, довольно улыбнулся.

– У нас все есть для любого спектакля, – объяснил он. – Сейчас вот готовим совершенно новый... Надеюсь, горожанам понравится. Они живут мирно, потому всем им так интересны люди, что живут подвигами.

– А о чем спектакль?

– Начнем с того, – сказал толстяк, и Ютлан ощутил, что он уже примеривается, как будет выступать перед зрителями и объяснять, стараясь удержать их внимание, – что однажды в Куявию прибыли послы из Артании с предложением торговли. Среди послов был тцаревич Придон. Он увидел принцессу Итанию, дочь куявского тцара, и буквально обезумел от вспыхнувшей любви к ней. Он потребовал ее руки у тцара Куявии Тулея, а тот, не желая отдавать прекрасную дочь за дикого артанина, но и не смея отказать прямо, чтобы не вызвать новой войны, поставил условием добыть и привезти меч бога Хорса, некогда не то потерянный, не то спрятанный другими богами.

Сердце Ютлана стучало все громче и взволнованнее. Толстяк поглядывал на его лицо, подбодрился, юный артанин буквально превратился в слух, хорошо, продолжил напевно и важно:

– Однако Придон настолько был поглощен любовью к Итании, что эта любовь дала ему силы пройти все испытания и добыть легендарный меч богов. Однако Тулей меч взял, но выдать дочь за артанина отказался. Оскорбленный Придон собрал войско и вторгся в Куявию. Артания и Куявия враждовали всегда и воевали часто, но на этот раз развязалась самая страшная и кровопролитная из всех войн между этими странами...

Железный Анр прогудел насмешливо:

– Вот что любовь с людьми делает! Никогда не влюбляйся, малыш.

Толстяк досадливо отмахнулся.

– Главное в спектакле, что было пролито столько крови, что на тех местах из земли начали подниматься ужасающие волколаки, неуязвимые велеты, древники... и прочая дрянь, которую люди не знали тысячелетия, и уже сотни лет о них не рассказывали даже сказки. Люди ослабели, проливая кровь друг друга, а чудовища, наоборот, набирали силу, собирались в лесах, горах, прятались в оврагах, а потом заполонили целые окрестности, и даже жители сел вынуждены были бросать все нажитое и бежать в города.

Глинк бросил издали:

– Умрих, ты утопаешь в пояснениях.

– Разве не надо объяснить?

– Только короче, – сказал Глинк уверенно. – В двух-трех словах. А потом сразу главное, как обухом в лоб, пока зрители не разошлись. Дескать, Падшие Боги томились в своих подземельях и выйти оттуда не могли. Но к ним сверху пролились ручьи горячей человеческой крови, и древние боги, напившись вдоволь, сумели вырваться на свободу. Или вот-вот вырвутся, это решим по дороге. Теперь собирают силы, чтобы вернуть старые времена, когда правили миром, а людей не было вовсе. Для этого нас, людей, собираются уничтожить, а землю отдать тем грозным существам, от которых сейчас бегут крестьяне в города. Вы увидите сцены, что будет, если вы не дадите им отпор...

Железный Анр кивнул одобительно.

– Вот-вот. Народ ужасы любит. Особенно те, кто живет в благополучных городах за крепкими стенами.

Жаркий закат охватил полнеба, бродячие артисты укладывались спать, только юная Инженю танцующей походкой приблизилась к Ютлану, в обеих руках фляжка, взгляд хитрый и загадочный.

Он насторожился, сердце почему-то застучало чаще. Она подумала, подождала, скажет ли что, однако Ютлан молчал, и она без спроса села рядом, прижавшись к нему плечом.

Ютлан ощутил, как в него через это прикосновение начало вливаться нечто горячее, будоражащее.

Она спросила щебечущим голосом:

– Хочешь попробовать?

Он покачал головой:

– Нет.

Она расхохоталась.

– Ты в самом деле совсем ребенок? Пей, это сладкое вино! Оно придает силы и укрепляет руки.

Он помотал головой, но она почти насильно сунула фляжку ему в руки.

– Да ты хоть попробуй!

Ютлан нехотя отхлебнул, вино показалось сладким и приятным, совсем не похожим на ту кислятину, что обычно пьют мужчины. Он сделал еще глоток, побольше, если она так настаивает, и вернул фляжку.

– Спасибо. В самом деле сладкое.

– Вот видишь, – сказала она победно, – а не верил!

– А ты почему не пьешь?

– Мне нельзя, – сказала она печально, – это вино только для мужчин. А женщины от него слабеют...

Она ласково коснулась его плеча, провела кончиками пальцев по груди, сердце вообще начало колотиться, движения ее были плавными, взгляд загадочный.

– Ты путешествуешь один... значит, чувствуешь в себе силу...

Ютлан раздвинул плечи и старался выглядеть старше и значительнее, а Умрих крикнул издали строго:

– Инженю, не совращай ребенка!

Она сказала громко, не отрывая взгляда от Ютлана:

– Он уже почти не ребенок!

– Все равно не порти, – велел Умрих. – И вообще, завтра вставать рано!

Она капризно надула губки.

– Хорошо, хорошо, иду...

Она мимолетно коснулась губами его щеки и упорхнула, легкая, как только что родившаяся бабочка. Ютлан чувствовал непонятное жжение на щеке, но боялся коснуться ладонью, чтобы не исчезло. И спать лег в непонятном томлении, однако сон пришел удивительно быстро.

Проснулся от странного ощущения, что удивительная девушка рядом, даже учуял ее частое дыхание, но больно уж хриплое, с трудом открыл глаза и увидел перед собой острую морду хорта. Тот перестал вылизывать ему лицо и отпрянул, всматриваясь все-таки с беспокойством.

Ютлан помотал головой, тяжелая, и как будто сон еще не выветрился, руки подгибаются, когда попробовал привстать. Под раскидистым деревом слегка дымится полупотухший костер, конь лежа спит в сторонке, вытянув вперед шею, и... дальше только степь во все стороны.

Он сцепил челюсти и, цепляясь за кору дуба, заставил себя встать. Ноги подрагивают от слабости, голова тяжелая, будто набита горячим чугуном. Судя по отпечаткам колес, бродячие артисты уехали совсем недавно. У подножия дуба, где он сбросил мешок с едой и вещами, пояс, плащ – чистое утоптанное место! Все исчезло, даже сапоги.

Он тупо подумал, что в шипастые стремяна босые ноги всовывать не очень, но с другой стороны... стремяна тоже исчезли вместе с седлом и всеми ремнями.

– Воры, – пробормотал он в тупом удивлении. – Воры?.. И даже Инженю?.. Не может быть...

Мелькнула мысль, что она тоже украденная этими сладкоголосыми ворами, только боится признаться, чем-то ее запугали. Хорошо бы догнать их, отбить ее... потом вспомнил, что именно она поднесла ему ту флягу со сладким вином, которое вогнало в крепкий беспробудный сон.

Опоили, всплыла наконец беспощадная мысль. Уже слышал, как взрослые переговариваются насчет разных напитков, женщины гонятся за теми, что могут причаровать мужчин, мужчины все что угодно отдают за те, что добавляют мужскую силу, а самые простые из отваров как раз эти, когда пару глотков достаточно, чтобы испивший впал в беспробудный сон. Так можно проскользнуть мимо бдительных часовых, так неверная жена угощает мужа, а потом рядом со спящим принимает полюбовника...

– Алац! – позвал он.

Конь поднял голову, глаза мутные, сонные, и снова уронил на землю с таким стуком, что понятно, заснул раньше, чем морда треснулась о землю.

– Эх ты, – сказал он с укором, потом подумал, что вообще-то нужно сказать «эх я», все-таки человек должен быть бдительнее, – но хоть тебя не украли...

Он подумал, почему не украли, вообще стоило бы взять, чтобы не дать ему погнаться вдогонку, хоть какой-то конь... потом вспомнил слова Умриха насчет худобы бедного животного. Наверняка решили, что вот-вот падет, нет смысла брать. Но если вдруг даже рискнули бы попробовать украсть, все равно уводить такого приметного коня рискованно, по нему он их найдет с городской стражей в любом городе...

Хорошо, хоть дубинку не взяли да на лук не позарились, слишком невзрачный. Хотя, скорее всего, дубинку взять пытались, она сдвинута, но не смогли. А когда поняли, что такой странный мальчишка может их всех перебить с такой палицей, поспешили убраться среди ночи...

«А мы живем посвободнее», – вспомнил он слова толстяка. А еще он говорил, что женщины обучены другим разным вещам... Наверное, имел в виду воровство...

Конь совершенно равнодушно принял то, что Ютлан не стал седлать, дождался, пока тот устроится на его костлявой голой спине, нетерпеливо ударил копытом в землю. Там сухо треснуло, в узкую щель посыпалась придорожная пыль.

– Вперед, – сказал Ютлан. – Хорт, не отставай.

По дороге они обогнали два каравана, один из трех телег, нагруженный битой птицей, и пятерых сопровождающих, второй только из навьюченных коней. От огромного фургона бродячих артистов никаких следов, то ли умеют мчаться очень быстро, то ли заранее свернули на боковую дорогу.

На Ютлана караванщики смотрели без интереса, и хотя в дороге глазеешь на все, но худой босоногий мальчишка на худой лошади – зрелище слишком обычное, как и бегущая с ними собака с прилипшим к спине животом и жутко торчащими ребрами.

День на диво жаркий, а когда неслись через лес, кружевная тень бежала по хорту и коню, дрожала на вытоптанной тропке, покачивалась в такт ветвям, и казалось, что вся земля качается, как лодка на волнах. Лазающие растения ловко карабкаются по высоким деревьям и свешивают одуряюще пахнущие цветы, между ними летают, дергаясь из стороны в сторону, огромные бабочки, такие яркие, что похожи больше на цветы.

Алац мчится одинаково отмеренными прыжками, короткая грива торчит, как веник, уши словно выкованы из железа, ни разу не дрогнули, даже когда прямо из-под копыт, суматошно хлопая крыльями, взлетают крупные птицы. Весь он словно не из этого мира, а хорт бежит рядом с ним такой же равнодушно точный, нацеленный только на долгий бег, и тоже не обращает внимание на птиц, ящериц, зайцев и даже на пробежавшую совсем близко лисицу.

Впереди на дорогу вышли двое мужчин, мелкие в кости, одеты в звериные шкуры, ничем не примечательны, но когда заступили дорогу, Ютлан насторожился и пощупал, на месте ли дубинка.

Один крикнул хриплым голосом:

– Эй, парень! У нас в деревне дивы скот порезали... Не видел ли поблизости конный патруль?

Второй добавил угрюмо:

– Желательно с волхвом...

Ютлан подумал, вспоминая, кого смог видеть, когда мчались сюда, срезая повороты дорог, ответил нерешительно:

– Не видел... вроде.

Первый спросил раздраженно:

– Не видел или вроде?

Второй сказал успокаивающе:

– Да точно он не видел... Иначе бы не забыл про этих разряженных и крикливых петухов...

Первый приблизился к Ютлану сбоку, в лице проступило недоброе выражение, с таким, наверное, волк бросается на овцу. Второй зашел с другой стороны, но первый вдруг остановился, не отрывая взгляда от лица Ютлана.

– Постой, парень, что-то в тебе не так...

– Все во мне так, – угрюмо возразил Ютлан.

Мужик покачал головой.

– Не-ет, мой нюх не обманешь. Он в тыщи раз лучше людского. Ты, похоже, из наших...

– Каких это ваших? – спросил Ютлан.

Мужики переглянулись, второй сказал недовольно:

– Эх, промахнулись... Я тоже чую, он нашего племени.

– Тогда пусть едет?

– Да. А мы перейдем на дорогу ближе к городу.

– Давай...

Они отступили, присели к земле, изумленный Ютлан не успел рот открыть, как оба превратились в огромных черных волков и умчались длинными быстрыми прыжками.

Конь и хорт смотрели им вслед равнодушно. Им, похоже, с самого начала все было понятно.

– Вперед, – сказал Ютлан недовольно.

Вскоре догнали караван, с десятков нагруженных вьюками лошадей и одна телега, зато охраны почти столько же. Никто даже не посмотрел вслед, только один из охранников проводил долгим внимательным взглядом.

Потом обогнали еще и еще караваны, все сопровождает многочисленная и хорошо вооруженная стража. Когда обгонял один такой, начальник стражи, высокий чернобородый воин с суровым лицом, окликнул:

– Эй, мальчик!.. Тебя нелегкая несет со стороны Кромандола?

Ютлан не знал, что такое Кромандол, но чернобородый указывал в ту сторону, откуда они едут, так что кивнул и ответил вежливо:

– Да, оттуда.

– Ничего странного не видел по дороге?

Ютлан подумал, пытаясь вспомнить, потом подумал, что не знает, что такое странное по мнению бородача, ответил так же вежливо:

– Нет.

Бородач нахмурился.

– Странно... А нам говорили, там волколаки...

Второй воин сказал ему хмуро:

– Да ты посмотри на них! Увидь он волколака, упал бы с коня от ужаса. Правда, конь у него... гм... такого даже волколаки побрезгуют есть.

Бородач хмуро усмехнулся.

– Как и мальчонку. Они все трое кожа да кости, словно из темницы. Ладно, все равно держите оружие наготове, а доспехи никому не снимать!

– Как скажешь, командир...

Ютлан пустил коня вперед, потом запоздало вспомнил, что те двое мужчин, что превратились в волков и убежали, может быть, и есть те загадочные волколаки, которых так опасаются эти люди... но он отъехал уже далеко вперед и решил не возвращаться ради таких пустяков.

Глава 7

В излучине реки с десятков домов, удобный спуск к воде не только для людей, но и скота: дорогу Ютлану перегородила важно шествующие и с достоинством переговаривающиеся гуси, целое стадо. Старший гусак остановился и с предостережением шипел на чужаков, пока стадо не миновало дорогу.

Ютлан проводил их взглядом, страстно захотелось покинуть седло и нырнуть в холодную воду, смыть пот и грязь, но вздохнул и, стиснув челюсти, направил коня по улочке между домами, пять на одной стороне, пять на другой.

Детишки висли на плетеных заборах и с любопытством разглядывали незнакомца. Женщины горбятся в огородах, мужчин почти не видно, это понятно, в поле и в ближайших лесах, только на крыльцо самого последнего дома вышел старик, приложил ладонь козырьком к глазам.

Ютлан ощутил, что его рассматривают с нескрываемым интересом. Старик смотрел внимательно, наконец покачал головой, по губам скользнула улыбка.

– Ты прибыл издалека.

Ютлан ответил без приязни:

– По той дорожной пыли, что на мне и даже на хорте, понять нетрудно.

– На вид тебе шестнадцать, – продолжил старик, – а то и восемнадцать. Но на самом деле тебе нет и четырнадцати.

Ютлан поморщился.

– А это откуда видно?

– Артанская статья, – сказал старик, – артанская гордость! В посадке, взгляде... У нас, артан, до четырнадцати лет брать оружие в руки нельзя. Вот только лук, гм...

Ютлан ответил недовольно:

– Это не боевой лук.

– Охотничий?

– Да.

Старик скользнул внимательным взглядом по луку.

– Тогда ты хороший охотник.

– На обед настрелять удастся, – буркнул Ютлан.

– А на продажу?

Ютлан сдвинул плечами.

– А зачем?

– Так-так, – сказал он, – значит, в деньгах не нуждаешься...

– Или не интересуют, – уточнил Ютлан.

– А что интересует?

Ютлан помедлил, старик непрост, выглядит бывалым, знающим, наверняка здешний староста или кто-то из важных старейшин.

– Я хотел бы знать, – сказал он медленно, памятуя напутствие Рокоша о длинных речах, – проезжал ли здесь некий всадник... необычный всадник.

Старик ответил медленно, как показалось Ютлану, с некоторой осторожностью:

– Всяк человек необычен.

Ютлан буркнул:

– Чем? Они все одинаковые, как муравьи.

– Ого, – произнес старик, – ты не они, да?

Лицо его было обманчиво спокойно, глаза прищурены, а голос прозвучал слишком равнодушно, словно разговор шел о погоде. Ютлан вовремя удержал на языке готовый ответ, что да, он не они, пожал плечами и постарался держать голос таким же, как и начал разговор:

– Я тоже они... но я еще и странствую. Есть такие муравьи, знаешь?

– Знаю, – ответил старик, – но такие муравьи странствуют большими группами.

– Я и есть большая группа, – сказал Ютлан. – Ладно, старик. Я вижу, ты ничего не можешь сказать... Или не хочешь. Я поехал дальше. Прощай!

Он повернул коня, тот сделал два шага, как сзади раздался голос:

– Ты слишком торопишься, герой. Да и не стоит ехать в ночь. Ты проделал длинный путь... Твой конь покрыт пылью так, что не видно его масти. А пес исхудал в дороге... Отдохни у нас. Мы небогаты, но еды у нас хватает. Найдется зерно для коня, даже сладкие кости для собаки.

Ютлан ответил вежливо:

– Вообще-то... да, спасибо. Ты прав, мы в самом деле все трое очень устали.

Он соскочил, как заметил старик, легко, очень быстрый в движениях, жилистый, хотя и в самом деле усталость заметна даже в посадке.

– Как зовут тебя... юноша?

Голос его звучал так, словно старик все-таки считает его мальчиком, но из вежливости называет парнем, все молодые стремятся поскорее вырасти и стать мужчинами.

– Ютлан, – ответил он.

– Ютланд, – повторил старик задумчиво. – Хорошее имя...

– Ютлан, – поправил он, – меня зовут Ютлан!

Старик кивнул, у глаз проступили мелкие лучики улыбки.

– Необычное имя... И какое-то... утлое. Ты с ним кажешься слабым. Но если ты покинул дом и отправился в путь, ты заслуживаешь более твердого имени! К примеру... Ютланд – звучит намного лучше.

Ютлан сдвинул плечами.

– Ютланд, так Ютланд, какая разница?... Не имя красит человека, как говорил мой дед.

– Вот и славно, – сказал старик. – Разве в ваших краях не меняют имя, когда становятся взрослыми? У нас так делают по несколько раз за жизнь... Когда, например, человек хочет начать жизнь заново. Отведи коня вон в тот сарай, там свежее сено и ключевая вода, а сам помой руки, иди в дом и садись за стол.

Ютлан отвел коня в сарай и сам подсыпал из ящика в ясли крупнозернистого зерна, подумал, что он уже в какой-то мере стал взрослее, так что может в самом деле если не поменять имя, то сделать его тверже. В Артании тоже есть этот обычай, но его постепенно забывают.

Когда вышел, старик уже ждал снаружи.

– Ютлан, – повторил он медленно, словно пробуя имя на вкус, – от слова ютлый, утлый. Но раз ты решился покинуть родные земли, то ты уже не слабый. Я все думаю насчет имени, Ютланд теперь подходит больше. Это значит – скала, опора... А меня зовут Бурый. Кстати, что у тебя за пес? Никогда не видел такой породы.

– Издалека, – ответил Ютлан.

– Да это видно, – произнес старик задумчиво, – ты ее не кормишь, что ли? Таких худых я еще не встречал.

– Она всегда такая.

– И глаза всегда красные?

– Всегда, – отрезал Ютлан. – И хватит о псе. А то и у меня глаза тоже станут... красными.

В доме Бурого чисто и опрятно, его тихая и приветливая жена быстро собрала на стол незамысловатой деревенской еды, Ютлан с удовольствием вытянул гудящие ноги и ел с таким аппетитом, что Бурый довольно заулыбался.

– Хорошо, когда так едят, – сказал он одобрительно. – Говорят, что кто хорошо ест, тот хорошо и работает... А ты работу случаем не ищешь?

Ютлан вспомнил Валдая, тот настойчиво советовал прожить где-то среди незнакомых людей тихо и мирно год, научиться ладить с окружением, чтобы вернуться уже другим человеком, а это село как раз такое дальнее и дикое, никто даже имени его не слышал.

Он встретил вопрошающий взгляд старика, еще раз подумал, но все села одинаковы, что искать?

– Ищу, – ответил он.

– У нас ее выше головы, – довольно пояснил Бурый. – Наша деревня, как на грех, слишком близко от больших дорог. Всего через лес пройти и... там дорога. Молодым парням велик соблазн поискать счастья в городах... Уходят, но мало кто возвращается. Потому у нас девок на выданье тьма, а вот женихов...

– Я останусь, – прервал Ютлан. – Работы не боюсь, кони меня слушаются, волки боятся, я могу как ломать, так и строить. Или хотя бы подносить материалы тем, кто строит. И... да, отныне зовите меня Ютландом!

Он выполнял любую работу, которую ему поручали, а когда, чтобы то ли проверить, то ли посмеяться, давали работу чисто женскую, делал и ее так же старательно. Женщины тоже посмеивались, но заступались за него, еще подросток, чего хотите...

Однажды послали помочь на расчистке леса, где мужчины расширяют пашню, женщины и подростки обычно собирают там срубленные ветви. Он выполнял и эту работу, пока однажды один из мужиков, измучившись с неподдающимся корнем, не попросил помочь.

Ютланд взялся за пень, все видели, как напряглась его спина, плечи раздвинулись, а ступни начали погружаться в землю. Корни затрещали, земля вспучилась, будто оттуда полезли, разбуженные ливнем и громом, исполинские дождевые черви.

Пень противился, однако мужик и Ютланд все же вытащили, Ютланд тут же выпустил из рук, а мужик с торжеством бросил пень на кучу свежей земли и устало принимал поздравления.

С того дня этого подростка с его невероятной силищей посылали помогать корчевать, что он делал так же старательно, хотя всей мощи Ютланд старался не показывать.

Матери начали поглядывать на него с интересом. Выдать за такого дочь – девка будет как за каменной горой. Хоть угрюмый и неразговорчивый, но не драчлив, не пьяница, трудится с утра до ночи, никогда не отказывается от работы, Бурый не нахвалится на работника, уже смотрит как на приемыша, члена своей семьи...

Однажды он вернулся с поля, усталый и голодный, а с другого конца в село с гиком и свистом ворвался отряд всадников. Одни, побросав коней, сразу же бросились в дома, требуя пить и есть, другие с хохотом начали хватать молодых женщин.

Ютланд прошел мимо, не его это дело, как вдруг одна из девушек отчаянно закричала:

– Ютланд!.. Ютланд, помоги!

Он оглянулся, двое хохочущих чужаков тащат в сарай Ксану, молоденькую девушку, всего на два-три года старше, чем он, она часто ему улыбалась и строила глазки.

Один из чужаков в нетерпении начал сдирать с нее платье, Ютланд подбежал и ухватил его за руку.

– Не трогай ее.

Мужчина оглянулся с изумлением, попытался выдернуть руку, но Ютланд не отпустил. Их взгляды встретились, чужак прошипел люто:

– Сопляк, ты что о себе возомнил?

Он с силой ударил подростка по лицу. Голова Ютланда мотнулась в сторону, и сразу же вспыхнул гнев, горячий и страшный.

Он стиснул челюсти и проговорил сквозь зубы:

– Я же сказал... оставь...

Мужчина ударил его по лицу снова. Ютланд смотрел ему в глаза ненавидяще, пытался удержать в себе гнев, но тот уже перетек в лютую сладостную ярость, когда все можно и все позволено...

Перед глазами поднялась красная пелена, он пытался отступить и выйти из этого состояния, но не успел, горячая волна накрыла с головой...

Очнулся он, весь залитый кровью, быстро оглядел себя. Руки-ноги целы, ничего не болит, только всего трясет так, что зубы стучат, а по телу пробегают судороги. С головы до ног в крови, но чужая, по улице всюду зверски изуродованные трупы в лужах крови. У многих оторваны руки, головы, у кого-то разворочена грудь, из одного безжалостной рукой выдернуты внутренности, клубок кишок расплзается сизой грудой рядом...

Кто-то выплянул из дома, увидел его и вскрикнул дурным голосом, после чего исчез так, словно и не рождался на свет. Ютланд посмотрел по сторонам, нехорошее предчувствие большой беды нахлынуло внезапно с такой силой, что болезненно заняло в груди.

Улица неуверенно пошла навстречу, покачиваясь и приближаясь то одной стороной, то другой. Из домов выглядывали люди и тут же прятались, как испуганные мыши в норы.

Бурый отыскался в доме, он сидел в доме на лавке у окна, на Ютланда оглянувшись, в глазах мелькнуло беспокойство, но произнес довольно спокойно:

– Ютланд... Теперь понимаю, почему ты уехал из родных мест. Пойди смой с себя все это... Вон таз с водой.

Ютланд торопливо плескал в лицо холодную воду, она едва не шипела на его раскаленном лице, превращалась в пар, наконец он опустил туда голову и держал, пока хватило дыхания.

На лице Бурого сочувствие перемежалось с чем-то вроде испуга, но не за себя, а как будто он переживает за него, сердце Ютланда болезненно сжалось.

Он спросил глухо:

– Я много... натворил?

Бурый кивнул.

– Ты убил всех чужаков. Но если бы просто убил...

– А что... я делал еще?

Он спросил упавшим голосом и замер в ожидании недоброго ответа, что изменит всю его жизнь в этом мирном селе среди хороших и добрых к нему людей.

Бурый сказал устало:

– Ты отрывал им руки и ноги... Ты разбивал кулаками головы, а у старшего вырвал из груди сердце и... на глазах у всех... съел...

Он запинаясь на каждом слове, словно не хотел говорить, но приходится, другие вообще прячутся и правды не скажут.

Ютланд поправил горько:

– Сожрал.

– Сожрал, – согласился Бурый. – Сожрал радостно, с диким хохотом, что вообще-то... напугало, да. И печень тоже выдрал и сожрал. Народ в ужасе... Ты нас защитил, но теперь тебя будут бояться больше, чем подобных чужаков-насильников.

Ютланд повесил голову.

– Я понял. Уеду прямо сейчас.

– Сейчас уже вечер, – возразил Бурый, но по его голосу Ютланд ощутил, что старик обрадовался. – Нечего на ночь глядя. Отдохни, выспись, наберись сил.

– А сельчане? – спросил Ютланд. – Всю ночь продрожат.

Бурый отмахнулся.

– Перетерпят. Только о себе думают, а тебе сейчас горше, чем всем нам. Пойдем, сменишь одежду. А то как мясник после трех суток работы.

Алац идет ровным галопом, так он может целыми сутками, а молчаливый хорт мчится впереди ровными механическими прыжками.

Раннее утро озарило солнцем верхушки деревьев, воздух еще холодный, но солнце, едва скользя к небу, начало прогревать голову, плечи, руки. По обе стороны дороги клубится сырой пар, глубокие тени собираются под раскидистыми деревьями, но и они укорачиваются по мере того, как солнце поднимается выше.

Ютланд смотрел вперед строго и сурово. После молчаливого изгнания из сельской общины горечь долго и зло разъедала внутренности, но весь день несясь по холмам и долинам, заночевал в овраге и к утру ощутил, что осталось только чувство неуверенности перед огромным и чуждым миром, однако другие как-то уживаются?

Он дважды останавливался перекусить и напоить коня с хортом, стрелял по дороге то, что можно продать, снова и снова напоминал себе, что на этот раз надо держаться, как все, как он и жил в том селе, пока не напали те сволочи...

Далеко впереди, в сторонке от дороги, расположился под сенью десятка раскидистых деревьев небольшой караван. Работники как раз снимают с навьюченных коней тюки, ведут животных к небольшой речушке вблизи, а другие спешно ставят объемистый шатер.

Кто-то уже разжег костер, самое легкое дело, там начали рубить мясо. Ютланд смотрел настороженно, это же куявы, видно издали, а с ними хоть и нет войны, но все-таки ненависть кипит в сердце каждого артанца...

Он решительно повернул коня в сторону лагеря. Там заметили одинокого всадника, двое схватили оружие и встали на дороге, остальные занимались своим делом, только поглядывали с интересом.

Ютланд вскинул руку:

– Я с миром.

– Мы тоже, – ответил один с оружием, он уже рассмотрел, что на худом коне такой же худой мальчишка, сунул меч в ножны. – Будь гостем, раздели наш хлеб.

– Спасибо, – поблагодарил Ютланд.

Он въехал в середину лагеря, из шатра вышел крупный массивный мужик с выпирающим брюшком, похожий на ушедшего на покой кулачного бойца, весь еще налитый звериной мощью, быстрый в движениях, несмотря на массу тела, весь в движении, темно-красные волосы густо падают на плечи, усы вплетаются в бороду, а та мощно ложится на грудь, так что шеи не видать, но Ютланд не сомневался, что и шея у купца бычья.

В белой рубашке, подпоясанный красным поясом, ворот тоже пышно расшит красным, на плечи наброшена легкая волчовка, но вряд ли полы сойдутся на таком брюхе и нехилой груди. Глаза живые и острые, сразу охватил взглядом Ютланда на черном худом коне, заметили и такого же худого пса с голодными глазами.

Ютланду почудилось, что купец сразу как-то подобрался, насторожился, но ничего не сказал, только зыркнул остро. Он ожидал от него громоподобного рева, но взгляд у купца стал маслено-добрым, улыбочка сладкой, а голос прозвучал так, словно заговорила большая кадка тягучего куявского меда.

– Привет доблестному артанину! – сказал он протяжно. – Я всегда говорил, что и наших мальцов надо учить раньше ездить на конях... По делу мыкаешь или от дела лытаешь?

– Просто увидел вас, – ответил Ютланд. – Интересно стало.

Купец сказал добродушным голосом:

– Меня зовут Крумта. Вот уже сорок лет вожу караваны... как в Арсу, так и везде. В Арсе каждый сезон заключаю сделки насчет поставок на мои склады вашего знаменитого зерна. При дворе тцара меня принимают весьма охотно... И еще я один из самых почетных участников гильдии торговцев Троецарствия.

Ютланду почудился неясный намек в словах, что бывал при тцарских дворах, а это значит, мог его видеть тоже. Но купец на то и купец, не выдаст без заметной выгоды для себя, сейчас улыбается и держится, как с обычным покупателем.

Один из богато одетых мужчин прошел мимо к костру, оглянувшись, Ютланд увидел злой взгляд.

– Крумта, – сказал мужчина, – что ты распинаешься перед подростком? Да еще артанином?

Крумта усмехнулся.

– Да вот такой я... распинаюсь. И как-то стал тем, кем стал. А ты все еще помощник младшего купца, верно?

Мужчина засопел и отвернулся. Крумта взглянул на коня Ютланда, где так и остались навьюченные мешки.

– Может быть, что-то хочешь купить? Я такой, могу и в дороге торговать. Как тебя зовут, кстати?

– Ют, – ответил Ютланд, – меня зовут Ют.

– Ют, – повторил Крумта с одобрением. – Хорошее имя. Каждый десятый между Куявией и Артанией – Ют. Даже в Вантите, говорят, ют на юте ездит и ютом погоняет...

– Не знаю, – ответил Ютланд, – я простой пастух. Никаких вантитов не знаю.

Крумта отмахнулся.

– И не стоит. Они там в собственном соку варятся.

– Я хотел бы кое-что продать, – сказал Ютланд.

Крумта ответил с тем же добродушием:

– Показывай.

В отличие от других купцов он принимал всех, даже у этого мальчишки может оказаться что-то ценное, ну там украл у более удачливого, подобрал, случайно наткнулся на монету Древних...

Ютланд вернулся к коню за мешком, а потом высыпал содержимое под ноги Крумте. Тот даже отступил, потом с загоровшимися глазами начал рассматривал добычу этого странного мальчишки. Клыки и когти степных и лесных волков, в том числе самого опасного среди них – волка-людоеда, шкура вепряка, чешуя молодых зедр, жвалы гигантских муравьев, в том числе могучих воинов и даже адских, рога туратора, перья жутеня, ценнейшая шкура доргосского шакала, ее не пробивают даже стрелы героев, уши десятка рысей, метательные ножи волколаков-мародеров...

– Ого, – воскликнул он, – даже пластины чурпыра? Как ты сумел... Впрочем, неважно, не отвечай, не хочу и знать. Сколько ты хочешь?

– Мне нужна еда на неделю, – сказал Ютланд, – и... я хотел бы провести эту ночь под крышей.

– Договорились, – вскрикнул Крумта довольно. – Вон туда дальше по дороге, как ты и ехал, сразу за тем холмом небольшой городок. Езжай, я дам записку. Тебе дадут лучшую комнату, а мешок с едой принесут прямо в твою комнату.

Ютланд кивнул:

– Спасибо, договорились.

– Счастливого отдыха, – пожелал Крумта.

Он аккуратно собрал мешок, свернул и подал Ютланду. Уговаривать приходить еще и приносить добычу только ему не стал, так делают разве что новички в купеческом деле. Главное, выказать уважение покупателю, дать ему почувствовать себя важным, а там и сам придет именно к тебе, минуя других купцов, машущих ему из своих лавок руками.

Мужчина от костра посмотрел завистливым взглядом. Крумта усмехнулся в усы. С каждым покупателем нужно обращаться, как с очень важным человеком.

Среди них в самом деле могут оказаться даже очень важные, как вот этот с ценнейшей добычей, которую сам ценит не слишком высоко.

Ютланд по дороге обратно еще раз взвесил мешок с едой в руке, слишком тяжел, слегка встряхнул. Там тихо звякнуло.

Глава 8

На первом же привале он проверил содержимое мешка с едой, хотя хорт снова поймал по дороге здорового зайца. Помимо двух ковриг хлеба, большого круга сыра и мелко нарезанного мяса обнаружил и узелок с монетами. То ли Крумта узнал его, то ли решил заплатить настоящую цену за редкую добычу.

Ютланд повеселел, записка хозяину постоянного двора – хорошо, но как-то надежнее, когда есть при себе деньги...

Высоко в небе послышался крик, хорт первым вскинул голову и наблюдал равнодушными глазами. Ютланд посмотрел вверх, но никого не увидел, в это время крик повторился, уже с другой стороны.

Огромный грязно-зеленый дракон, усеянный шипами от кончика морды и до последнего сегмента хвоста, гонится за дивной птицей, от взмахов крыльев которой рассыпаются радостные искры.

Он почти догнал ее, но она ловко увернулась, его тяжелое тело пронеслось мимо, а она быстро-быстро начала набирать высоту. Дракон взревел злобно, извернулся в полете и с такой силой ударил крыльями по воздуху, что на земле затрепетала трава, а ветви кустарника испуганно закачались.

Дивная птица снова дернулась в сторону, дракон злобно взревел, его пронесло мимо. Ютланд затаил дыхание и жадно наблюдал за схваткой в небе, всем сердцем желая победы этой необыкновенно красивой птице.

Некоторое время она избегала его жуткой пасти и длинных лап, но Ютланд с жалостью видел, что уже изнемогла, дракон сохранил сил больше, вот снова попытка ухватить в момент ее рывка в сторону. Она увернулась и резко скользнула вниз. Зубастая пасть с такой силой щелкнула зубами, что Ютланд услышал хруст. Ему показалось, что дракон сожрал ее целиком, дивная птица не показывалась из-за его массивной туши долго, наконец увидел ее бессильно падающей.

Крылатое чудовище попыталось повернуться на лету, но грузное тело не позволило совершить слишком быстрый поворот. Он злобно взревел и, спланировав по кругу, попытка перехватить снова, однако она падала камнем и он промахнулся, как и в первый раз.

У самой земли она попыталась расправить крылья. Ютланд видел, как их выворачивает ветром, она все еще отчаянно борется, падает медленнее, однако все-таки чересчур быстро, он услышал сильный удар о землю и отвратительный хруст костей.

– Оставайтесь здесь! – крикнул он хорту и коню, а сам ринулся сломя голову в перелесок к тому месту, где она ударилась о землю.

Тогда он выскочил, ломая кусты, охнул и остановился на миг: на лужайке среди цветов лежит, бессильно раскинув руки, молодая женщина, брызги крови запятнали зелень, и кажется, что там расцвели дивные алые цветы.

Она еще дышала, но кровь струится из открытых переломов. Он смутно подивился, что дивная женщина жива, простой смертный погиб бы от такого удара моментально.

Он вздрогнул, когда она проговорила задыхающимся голосом:

– Я видела... тебя...

Он пробормотал:

– У тебя не было шансов. Но ты сумела обмануть этого зверя... В смысле, убила сама... он же хотел тебя сожрать...

– Я видела тебя, – повторила она, как в бреду, – и постаралась упасть поближе... Они скоро будут здесь. Возьми вот этот талисман...

Ее рука нащупала плоский камешек на изящной цепочке на груди. Он на миг вспыхнул под ее пальцами, она сорвала цепочку и судорожным движением протянула ему.

Ютланд взял машинально, но тут же возразил:

– Зачем он мне?

– Это не тебе, – прошептала она. – Я умираю, ты видишь. Но есть вещи ценнее жизни. Доставь этот талисман в Звездный Лес. Получишь большую награду...

Он сразу ошетинился, покосился по сторонам.

– Я не собирался ехать в какой-то Звездный Лес. Меня вообще воротит от любого леса, я – степняк!

– А что, – шепнула она, – ты хотел?

– Я покинул свои земли, – отрезал он твердо, – чтобы отыскать одного... человека.

Она вздохнула.

– Ты не должен был выходить из комнаты... и даже вставать с кровати. Но если вышел... будь готов... жизнь без спросу начнет вмешиваться в твои планы...

– Мало ли что начнет!

– Ты должен...

– Нет, я сказал.

Она прошептала:

– Там чародейка по имени Маринэлла...

Грудь ее судорожно поднялась, изо рта хлынула кровь. В глазах впервые проступила боль, Ютланд понял, что волшебница подавляла ее, сколько могла, но сейчас силы покинули ее вместе с жизнью.

Вдали послышался стук копыт, громкие возбужденные голоса, фыркание коней. Он насторожился, вскоре затрещали кусты, заколыхались мелкие деревца, затем зеленые ветви раздвинулись, словно трава.

На поляну с фырканием и надсадным сопением проломилась рослая коня, в седлах трое мужчин в доспехах и рогатых шлемах, щиты за спинами, мечи в ножнах. Впереди высокий бородач в дорогих доспехах, короткая черная щетина растет от самых глаз, лицо из-за нее больше похоже на звериную морду, двое других обычные стражи с чуточку пьяными мордами.

Один сразу заорал ликующе:

– Вот она!..

– Дохлая, – сказал второй.

– Убилась, – подтвердил первый.

Чернобородый высился в седле ровный, словно вбитый в него столб, на радостные вопли даже не повел глазом.

– Не убилась, – произнес он неприятным резким голосом, – а мы сумели найти и убить.

Первый воин сказал подобострастно:

– Да-да, сама бы она с чего бы!..

Они вдвоем соскочили на землю и подбежали к неподвижной женщине. Ютланд отступил, лучше бы уехать потихоньку, но один сразу заорал:

– Талисман исчез!

Чернобородый сказал резко:

– Он был на ней!

Воин сказал торопливо:

– Но сейчас нет... Может, его и не было...

– Дурак, – сказал старший с отвращением, – как бы она смогла взлететь?

Ютланд был уже у коня, когда они разом повернулись к нему. Первый воин крикнул резко:

– Эй ты, малец!.. Ты не снял с груди этой женщины ценную вещь?

Ютланд помотал головой и ответил чистую правду:

– Нет, не снимал.

Второй сказал с укором:

– Никто бы не смог снять. Там особый замочек. А сама цепь крепче всего на свете...

Чернобородый сверлил недобрым взглядом Ютланда.

– Сорвать он не мог, – согласился он медленно, – однако она сама могла передать...

Верно, мальчишка? Стой на месте!

– Стою, – пробормотал Ютланд. – И чего?

– Краеух, Кожак! – проревел вожак. – Общайте его с головы до ног.

Ютланд колебался, пусть обыскивают и забирают, но тогда могут убить, а еще он соби-
рался вести себя не так, как в Арсе, а уже по-взрослому, а кто из взрослых позволит...

Он произнес то, что должен сказать мужчина:

– Не люблю, когда обыскивают.

– Нам все равно, – прорычал старший, – что ты любишь. Стой смирно!

Ютланд сказал ровным голосом:

– Лучше не трогайте меня.

Вожак зло ухмыльнулся.

– А то что?

Двое подошли к угрюмому мальчишке с двух сторон, но, как только их руки прикосну-
лись к нему, он быстро ухватил их и шарахнул головами. Стук было такой, словно с силой
ударилась лбами два матерых барана.

Он едва выпустил их из рук, как чернобородый заорал и выдернул меч. Конь под ним
зачем-то встал на дыбы, помолотил в воздухе копытами, давая Ютланду драгоценные секунды,
и когда опустился на все четыре и понесся с места с галоп, Ютланд уже подхватил с земли
сухую ветвь вдвое толще оглобли и такую же по длине.

Чернобородый только занес меч для удара, как Ютланд ткнул перед собой как копьем.
Тупой конец должен был выбить всадника из седла, он так и сделал, но еще и пробил толстую
грудную пластину.

Ютланд отбросил ветвь, противник ворочался на земле, кашлял, захлебываясь кровью,
толстая палка торчит из груди.

– Ты, – прохрипел он, – кто?

– Какая разница, – ответил Ютланд.

Чернобородый поднял на него взгляд полный ненависти.

– Я буду ждать тебя в аду!

– Долго придется, – буркнул Ютланд.

Он повернулся к коню, за спиной раздалась хрипы, стон, послышался кашель, наконец
сдавленный голос:

– Тебя сюда послали?

– Просто иду мимо, – сообщил Ютланд. Ярость пыталась вырваться наружу, но он без
труда прижал ее в глубине и не выпустил. Никто его не оскорблял, и яриться не на кого. – И
никого не трогаю...

– Глупец, – прохрипел чернобородый. Он повернулся на спину и обеими руками сумел
выдернуть палку из пробитой железной кирасы, из открытой раны толчками начала выплески-
вается кровь, но он даже не пытался зажать рану ладонями. – Ты даже не понимаешь...

Ютланд сказал враждебно:

– Я много не понимаю. И что?

– Тебя убьют сегодня же, – прошептал чернобородый. – Дурак... Ты взял слишком цен-
ную вещь... Ее ни продать, ни обменять...

– И что?

– На ее поиски брошены слишком могучие силы...

– Мне все равно, – сообщил Ютланд.

– Дурак, – прохрипел чернобородый. – За нами всеми наблюдает тот... кто послал...

В горле у него заклокотало, веки медленно опустились на красные глаза. Ютланд не стал смотреть, как дергает ногами в предсмертных судорогах, вернулся к коню и запрыгнул в седло. Хорт понесся вперед, конь молча, не дожидаясь решения хозяина, ринулся следом.

Ютланд стиснул челюсти, некоторое время боролся с желанием выбросить талисман. У него своя цель, и как ни жаль эту молодую волшебницу, но не его дело мстить за нее или выполнять ее поручения. У него свои заботы...

Высокая трава мчалась навстречу и разбегалась в стороны, он пытался представить себе облик темного демона, что стал его отцом, мысли путались, затем почему-то всплыла мысль, что не знает, где его искать, поиски можно начать и с этого Звездного Леса точно так же, как с любого другого места. Да и по дороге никто не мешает интересоваться насчет этого странного леса.

Он ощутил, что чуть повеселел, найдя серединку между желанием исполнить просьбу удивительной женщины и жадой оставаться независимым и ни во что не вмешиваться.

Хорт далеко впереди резко остановился, остроконечные уши еще больше вытянулись. Конь взлетел на пригорок, Ютланд увидел, как семеро воинов теснят одного, закованного в неплохие доспехи, с перьями на шлеме и в богатом плаще.

Плащ на глазах Ютланда ратоборец ловко сбросил, успевая принимать на щит удары топоров и умело нанося ответные удары мечом с длинным клинком. Он все время пятился, пока не уперся спиной в толстое дерево, но когда Ютланд посмотрел на дорогу, там уже трое корчатся в лужах крови, и по всему видно, что эти трое были в числе нападавших.

Он тронул коня, собираясь ехать мимо, не его это дело, дерутся и пусть дерутся, может быть, как раз этот в доспехах и виноват... но почему-то увидел строгое лицо Рокоша, тот обязательно сказал бы язвительно, что трусил, не помог, а если двое на одного, то в любом случае пока что прав тот, кто в меньшинстве...

Он скривился, этот мальчишка может проехать мимо, но мальчишки не отправляются из дома так далеко в одиночку. Он повернул коня и понесся в их сторону.

– Эй!.. А ну прекратить!

Он и не ждал, что так все и опустят оружие, услышав от мальчишки довольно глупый приказ, но нападать без предупреждения почему-то нельзя, так с детства внушали, потому поднял дубину, и как только двое повернули к нему головы и приготовились встретить топорами, моментально пригнулся и ударил.

Лезвия просвистели над головой, вырвав клочок волос, а его дубина чуть дрогнула в его руке дважды. Когда он развернул коня и понесся обратно, эти двое уже распластались в десяти шагах, словно унесенные ветром листья.

Ратоборец отчаянно отбивался от четверых, ухитрившись еще одному расцечить плечо так глубоко, что вот-вот отвалится вместе с рукой.

– Держись! – прокричал Ютланд.

На этот раз к нему обернулись трое, лишь один продолжил бой с уже израненным воином. Ютланд налетел, ударил, развернул коня и еще раз ударил, чувствуя, как вскипает ярость. Трех унесло, четвертый в испуге оглянулся, в этот момент клинок прижатого к дереву вонзился ему в живот.

Ютланд придержал коня, спасенный покачивался, если бы не дерево, свалился бы, но Ютланду сказал хриплым голосом:

– Спасибо... Вообще-то я уже сам их почти разогнал...

Он не договорил, колени подогнулись, рухнул лицом вниз. Ютланд скривился, пустил было коня мимо и дальше, но оглянулся на радостное карканье и хлопанье крыльев.

С деревьев слетели толстые вороны и, растопырившись, начали важно и по-хозяйски опускаться на павших. Один сразу же начал выклевывать глаза свалившегося ближе к деревьям, но вороний вожак сделал круг и опустился прямо на того, что в настоящих стальных латах.

Ютланд заорал:

– Кыш!.. Прочь, я говорю!

Ворон покосился на него нагло, все понимает, чуть отступил, но улетать не стал. Ютланд рассвирепел, повернул коня и галопом вернулся. Воронья стая с недовольным карканьем снялась и улетела к деревьям, где и расселась по веткам, что сразу начали гнуться и трещать под их весом.

Ютланд спешил, перевернул спасенного на спину. Ему показалось, что это девушка, но шлем скатился с головы, нет, волосы срезаны коротко, и вообще на щеках и подбородке короткая светлая щетина.

Где-то близко звенит ручеек, Алац тряхнул головой, звеня удилами и пошел прочь, нюхая воздух. Ютланд снял с пояса флягу, воды там еще почти половина, присел возле золотоволового и поднес флягу с его губам. Тот сперва не шевелился, но когда струя полилась на лицо, вздрогнул и начал ловить губами струю.

Глава 9

Ютланд опорожнил всю флягу, спасенный наконец поднял веки, глаза удивительно голубые, даже оторопь берет, всмотрелся в Ютланда.

– Ты... кто?

– Еду мимо, – буркнул Ютланд.

– Да? Ну и ехал бы...

– Вы загородили дорогу, – сообщил Ютланд. – Ты как?

– Уже здоров, – ответил воин. – Да, сейчас вот встану... Нет, сперва полежу немного, потом встану. Тут цветочки, как видишь, тень от дуба... стрекозы...

Ютланд поднялся.

– Вот и хорошо. Отдыхай. Только смотри за воронами, вон на дереве, видишь? Уже при-
сматриваются, делят добычу. А я пошел.

Он звонко свистнул. Конь не откликнулся, пришлось свистнуть снова. Кусты затрещали, Алац проломился через сплетение веток уже бодрый, с мокрой мордой.

– Поехали, – сказал Ютланд.

Конь повернулся боком, Ютланд поднялся в седло, а сзади донесся негодующий вопль:

– Как это, поехали?.. А я?

Ютланд оглянулся. Воин поднялся и, хромая, шел к ним. Слева по щеке из-под шлема продолжала стекать кровь.

– А что ты? – спросил Ютланд. – Ты же сказал, что здоров. Да и вообще... твои хвори не мое дело.

– Правильно, – подтвердил воин. – Это мое дело. Но ты помог мне слегка, за это я тебе обязан.

Ютланд отмахнулся.

– Пустяки.

– Пустяки, – возразил воин, – если бы я тебе помог.

– Чего?

– Говорю, я тебе обязан.

Ютланд сказал пренебрежительно:

– Ничуть.

– Обязан, – возразил воин. – Ты чуточку помог мне, за это я, Аксиал из клана «Владыки Хаоса», благородный ратоборец с незапятнанной репутацией, обязуюсь идти с тобой по твоим делам, пока у меня не подвернется случай спасти жизнь тебе!

Ютланд снова хотел отмахнуться и прищипорить коня, однако любопытство заставило рассматривать Аксиала с интересом.

– Даже так?

– Да, – подтвердил тот с достоинством. – И не мешай мне. Иначе я буду опозорен. А вместе со мной и весь мой род.

Ютланд удивился.

– А род при чем?

Аксиал выпрямился, упер руку в бок и отвел с превеликим чванством:

– Я – восемнадцатый потомок воеводы Синезуба С Моря, который при Бердераке сразил Железного Дракона, пожиравшего народы!

Ютланд сказал насмешливо:

– И что?

Аксиал изумился:

– Не понимаешь?

– Нет, – ответил Ютланд. – Если такой умный, объясни.

Аксиал сказал весомо:

– Титулы и слава предков придают блеск имени, носимому с достоинством, но делают еще более презренным опозоренное имя. Мне стоит совершить хоть один... даже не бесчестный поступок!.. а просто... обиденный... ну вон как ты можешь, понял? А мне нельзя, все скажут: какой позор, это же потомок самого Синезуба С Моря! Потому я обязан пойти за тобой и спасти тебе жизнь, понял? Даже дважды или трижды, потому что моя жизнь ценнее твоей. Чтобы имя мое не было втоптано в пыль.

Ютланд смотрел с тем же холодным любопытством, что за странное существо, но нечто теплое коснулось груди, он проговорил уже без враждебности:

– Хорошо-хорошо. Но сперва все-таки сними доспехи, проверь что там у тебя.

К его удивлению ран на теле Аксиала почти не оказалось, по крайней мере, серьезных, спасибо кольчуге, а вот от кровоподтеков не спасла, все тело напоминает разбросанные повсюду клочья яркой цветной радуги.

Ютланд кивнул в сторону ручья.

– Смой кровь, охлади тело. Быстрее заживет, если поддержать в холодной воде.

– Правда? – буркнул Аксиал. – С чего бы...

Он с трудом дотоптался до ручья, с еще большими усилиями, морщась и постанывая сквозь стиснутые зубы, стащил с себя стальные латы, а затем и кольчугу. От рубашки остались лохмотья, словно была поверх доспехов, Аксиал с проклятиями бросил их на землю и припал к воде.

Ютланд с любопытством рассматривал, как этот Аксиал из клана «Владыки Хаоса», благородный ратоборец с незапятнанной репутацией, восемнадцатый потомок воеводы Синезуба С Моря, который при Бердераке сразил Железного Дракона, пожиравшего народы, согнулся над бегущей струей воды и зачерпывает ее в ладонки, но фыркает, как утопающий конь, вода вся расплескивается, а он опускает лицо в едва мокрые ладони. Наверное, чтобы не утонуть.

– Откуда у тебя такие доспехи? – спросил Ютланд. – Я сперва принял тебя за куява.

– Я добыл их в битве за столицу, – ответил Аксиал гордо. – Я был в числе первых, кто поднялся на стены Куябы!.. Там я сразил троих знатных беричей и одного бера. Потом увидел, что доспехи как раз по мне... Что скалишь зубы? Постыдно артанину прятать тело в железную скорлупу, однако носить добытые в яростном бою трофеи – почетно!

– Да я и не спорю, – ответил Ютланд. – Как раз эти куявские железки и спасли твою жизнь.

– Драгоценную жизнь, – заметил Аксиал с достоинством.

– Ну да, кто спорит...

– А драгоценную жизнь надо прожить так, – сказал Аксиал надменно, – чтобы комар носа не подточил!.. Ты вообще-то кто? Угроздило же меня быть спасенным мальчишкой... Скажи кому, засмеют. Теперь позор на всю жизнь... Может быть, лучше было красиво погибнуть?

Ютланд равнодушно, как если бы находился в теле взрослого, пожал плечами.

– Долго ли? Еще успеешь.

Аксиал подумал, лицо медленно посветлело.

– Вообще-то да. Но только сперва должен спасти тебе жизнь два... нет, три раза.

– Почему так много?

– А ты кто? – спросил Аксиал надменно.

– Ну... пастух, – ответил Ютланд замедленно. – С гор.

– Ну вот!

– Что не так?

– Ты простой пастух, а я – знатный воин! Моя жизнь намного дороже, понял?

– Перед богами, – проговорил Ютланд, – как я слышал, все равны...

– Так то перед богами! А перед людьми?.. То-то. Боюсь, придется мне ждать до старости, ты же не воин...

– Жизнь не разбирает, – ответил Ютланд словами Рокоша, – кто из нас кто. Бьет всех.

– Это хорошо, – согласился Аксиал. – Это справедливо. Доспехи, ты прав, очень уж хороши. Все из комплекта Великой Доблести, а их добывают только очень опытные воины, что прошли огонь и воду. Меч, щит, шлем, поножи, сапоги, броня, наплечники и наручи – все от одного мастера, все подогнано, комар носа не просунет! Дурак я от таких отказываться, что ли? Пусть даже и были на куяве? Так не простой был куяв! Всяк смотрит на меня и видит, кто вышел из схватки победителем... Ты сейчас куда ехал?

– В гостиницу, – сообщил Ютланд. – Хотя и постоялый двор сойдет. Это твой конь выглядит из-за кустов?

– Мой, – ответил Аксиал с неловкостью в голосе. – Он у меня осторожный. Зато красивый!

– Красивый, – подтвердил Ютланд. Он поднялся, вытер мокрые ладони о брюки. – Сумеешь взобраться?

Вместо ответа Аксиал звонко свистнул. Конь перестал прятаться за деревьями, выбежал с осторожностью и приблизился к хозяину с другой стороны, чтобы тот оказался между ним и чужаком. Когда к нему подошел хорт и обнюхал, конь задрожал, закрыл глаза и приподнялся, насколько мог, словно человек на цыпочках.

– Осторожный, – согласился Ютланд.

Аксиал взобрался в седло без его помощи, хотя покачнулся и ухватился за луку седла, позорный жест для мужчины, однако тут же выпрямился гордо и разобрал повод.

– Готов.

Ютланд вскочил на коня, чувствуя, как злость и раздражение медленно рассеиваются. Хорт посмотрел на него внимательно и неспешно побежал в сторону города.

Аксиал ехал с ним стремя в стремя, Ютланд иногда ловил на себе испытующий взгляд, но, когда поворачивал голову, воин всякий раз смотрит прямо, лицо спокойное и торжественное, как у человека, что принес все свои интересы в жертву высокому долгу.

Когда они миновали городские врата и поглядывали по сторонам в поисках приличной гостиницы, Аксиал внезапно спросил:

– Но ты же сразил пятерых из семи напавших на меня? Может быть, даже шестерых!

Ютланд пожал плечами.

– Ну?

– Что ну? – переспросил Аксиал. – Что молчишь?

– А что надо? – спросил Ютланд.

Аксиал повернул голову и всматривался в него с великим изумлением.

– Как что? Бахвалиться надо!

– Правда? – спросил Ютланд.

– Ну да, – сказал Аксиал горячо. – Я просто не понимаю!.. Все жду, жду, а ты как будто камень какой. Или приберегаешь для более удобного случая?

Ютланд подумал, кивнул:

– Ага, приберегаю.

Аксиал повеселел чуть.

– Я так и подумал. Но все равно... Можно хвастаться и сейчас. И потом. Это же здорово!

– А что хорошего? – возразил Ютланд. – Мне, например, в детстве всегда запрещали драться с другими детьми. И объясняли, как это нехорошо.

Аксиал посмотрел на него несколько странно.

– Что запрещали, это понимаю. Я бы тоже... бр-р-р! запрещал. А то и руки тебе связывал бы.

Ютланд кивнул.

– Да как-то пробовали...

– И что?

– Один раз, – ответил он отстраненно, как говорят о далеком и почти забытом детстве, – руки связали, но веревка как-то разорвалась. Другой раз привязали к столбу в доме. Я вышел на улице со столбом на спине, а дом сзади рухнул... После того меня просто убедили, что драться нехорошо. Я ж был совсем маленький, меня убедить нетрудно, я такой весь убедительный.

Аксиал охнул, но посмотрел на неподвижное лицо мальчишки, сказал с недоверием:

– И ты перестал?

– Полностью, – согласился Ютланд. Подумал и добавил неуклюже: – А то, что случается... ну, это даже не драки... так...

Аксиал повеселел, указал вперед:

– Вон хорошая гостиница!.. Что-то мне подсказывает, что удастся освободиться от клятвы раньше, чем постарею.

У коновязи под широким навесом около дюжины коней, Ютланд невольно засмотрелся на белоснежного, как снег, крупного коня с роскошной гривой. На седле слева приторочен щит небесно-синего цвета с тремя выступами вверху и лаконичным девизом «Александр Пятьдесят Восьмой».

Он не успел спросить Аксиала, почему такое странное имя, тот уже поднялся на крыльцо, громко топая и шумно отряхивая пыль с одежды. Едва отворил дверь, мощные запахи вина, браги, жареного мяса с чесноком и луком едва не сбили с ног. В корчме народу полно, от непогоды спрятались даже те, кто и не собирался сидеть здесь.

Ютланд приметил стол с двумя свободными местами. Аксиал пошел следом, демонстративно расставляя локти, готовый к веселой и такой неизбежной драке. За их столом двое мрачных торговцев скотом тут же ушли, остались двое пастухов, от них так и веет пастушеской жизнью: прокаленные солнцем, сухие, жилистые, с множеством морщинок возле глаз, хотя одному за пятьдесят, другой еще почти молодой парень.

Старший, с густыми лохматыми бровями и густой черной бородкой, кивнул Ютланду и Аксиалу, и продолжал втолковывать напарнику разницу между поведением на перевале овец куявской породы и артанской.

Аксиал сразу велел подать на стол все, что отыщется лучшее, вытянул ноги, мешая ходить между столами, и расставил локти пошире, провоцируя соседей по столу на ссору.

Ютланд сразу принялся за еду, по сторонам не смотрел, зато Аксиал с удовольствием рассматривал народ, вдруг наклонился к столу и сказал тихонько:

– Смотри, вон тот в тряпье... это сам Блудасп!

Пастухи проследили за его взглядом, потом с удивлением посмотрели на Аксиала. Тот довольный, что может поучить дураков, сказал снисходительно:

– Не знаете кто?

Старший пастух покачал головой.

– Увы...

– Великий Воин, – сказал Аксиал почтительно. – Из клана «МИБ», он вообще любит поверх доспехов одевать нищенское убранство! Вот так и странствует как по дорогам Артании, так и по всей Куявии. В последней не раз жестоко избивал тех, кто неуважительно отзывался о нашей Артании. Однажды в самой Куябе разгромил столичную корчму и перебил почти всех гуляк, когда они, распаленные вином, начали высмеивать артанский клан и его непонятный для куявов герб.

– А что этот герб означает? – спросил Ютланд.

Аксиал отмахнулся.

– Но знаю. Может быть, в этом клане и сами не знают? Не спрашивать не стоит, обидятся.

– Ого, – сказал младший пастух и посмотрел на невозмутимого странника в углу корчмы с великим уважением. – В чужой стране да еще так дерзко...

– Ничего не страшится, – подтвердил Аксиал. – Говорят, его имя с языка горных племен переводится как Кровавая Оса. Может быть, и верно, потому что жалит всегда точно и насмерть.

Им вслед за овощами принесли горячую гречневую кашу и только что зажаренный на углях бараний бок. Аксиал довольно заурчал и, вытащив нож, надолго погрузился во вдумчивое поглощение. Ютланд насытился быстро, наконец Аксиал, видя его нетерпение, указал на красавца-воина за центральным столом в окружении полудюжины витязей и начал вполголоса рассказывать, одновременно пережевывая мясо, что это и есть знаменитый Александр Пятьдесят Восьмой, имя несколько не странное для тех, кто знает, что дано в честь их великого предка племени, Александра, от которого и пошли многие отважные воины. Александр Пятьдесят Восьмой, прапрапра... и еще раз много раз правнук того первого Александра, стал Великим Воином, когда начал теснить и повергать самых могучих дивов Долунного Мира, в одиночку противостоял Старым Богам, стремившимся вернуть власть над землей.

Ютланд вспомнил белого как снег коня, с любопытством посмотрел на молодое чисто выбритое лицо героя, у него такие же черные волосы, только широкие плечи обтягивает кольчуга из тонких колец, а рядом ждет, прислоненный к лавке, длинный меч с затейливой рукоятью.

– Да, – подтвердил Аксиал, – он молод... но уже герой!.. Тебе совсем немного осталось...

– До чего?

– Тоже будешь творить и совершать такие же подвиги. Ну, пусть не такие великие, но что-то в тебе есть...

Ютланд сказал с неохотой:

– Аксиал, меня не интересуют подвиги.

– Чего? – изумился Аксиал.

– Не до подвигов...

– Как это?

– Знаю, – объяснил Ютланд, – должны интересоваться, но когда есть что-то более важное, что просто зудит внутри...

– Ого! Что это?

– Мне куда важнее, – произнес Ютланд с трудом, – отыскать одного...

– Друга?

– Нет...

– Недруга? – спросил Аксиал еще радостнее. – Тогда пойду первым! Мы его по закоулочкам, только перья полетят.

– Не скажу, – пояснил Ютланд с натугой, – что недруга... Я сам еще не знаю, кто он мне... И кто я ему. Но отыскать очень хочу.

Аксиал посерьезнел.

– Что-то непростое? Даже сложное?

– Да, Аксиал. Очень непростое.

Аксиал подумал, поглядел с угрозой на пастухов, что прервали беседу и начали с интересом прислушиваться к их разговору.

– Так-так... Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... Если сложно, то это не значит, что безнадежно. Слушай, тут недалеко живет один могучий чародей!.. Думаю, он знает все на свете... а то и дальше. Такой уж он человек странный.

– Почему странный?

Аксиал с небрежностью сдвинул плечами.

– А зачем знать все на свете? Тогда и жить неинтересно... А вот когда знания по капле, тогда за них чего только не отдашь... На люди почти не показывается, да и зачем это чародею?

Пастухи переглянулись, младший не выдержал, фыркнул громко и насмешливо:

– Это Утиные Лапы могучий?.. Ха-ха!.. Чего же он тогда себе нормальные ноги не вернет?

Аксиал буркнул:

– Зачем?

Пастух вытаращил глаза.

– Как... зачем? Да по улице ходить, к бабам подкатываться! Да мало ли зачем?

Аксиал фыркнул, сказал Ютланду негромко:

– Не слушай, мужичье ничего не понимает. Волшебник Корунберт по прозвищу Утиные Ноги когда-то, находясь в отчаянном положении, превратился в утку и чудом успел удрать от гибели. Упорхнуть как бы. Правда, две стрелы его догнали в небе, но лишь поцарапали перья. Но вот на обратное превращение не хватило то ли снадобья, то ли заклятий... В общем, в человека превратиться сумел, однако задние лапы остались утиными. Единственное, что смог сделать после нового колдовства, это увеличил ноги, чтобы держали его немалый вес. С того дня ходит в длинном халате, что волочится по полу, и никто не видит, что у него там такое. Может быть, даже хвост, как у ящерицы.

Второй пастух слушал с пренебрежительным видом, хмыкнул, проговорил медленно, словно лил мед из узкого кувшина:

– Еще молод этот ваш Корунберт!

Аксиал не успел рот открыть, как возмутился его молодой напарник:

– Молод? Да ему сто семьдесят лет!

– Умом молод, – уточнил старший, – а мудрости так нет вовсе. Для мудреца вообще нет разницы, что у него за ноги или какие руки. Это вы, молодые дурни, вертитесь перед зеркалом, подстригаете усы или бородки, приходите в ужас от прыщика на морде... Вас не волнует, что морды глупые, что дурость написана там крупными буквами, вам отсутствие прыщиков важнее всего на свете.

Аксиал подумал, криво улыбнулся.

– Ну, вообще-то я тоже не старик, но в зеркало не смотрелся уже несколько лет.

– Потому и стал героем, – сказал старший уважительно. – Умеешь отличать важное от неважного. Доспехи-то куявские?

– Они самые, – ответил Аксиал довольно.

– И чтоб добраться до таких, – продолжил старший пастух, – пришлось зарубить кучу простых воинов? Я же понимаю... Вот и говорю, герой... А насчет утиных ног все ошибаются.

Ютланд помалкивал, старшие говорят, Аксиал спросил заинтересованно:

– В чем?

– На самом деле, – объяснил пастух, – Корунберт, когда вернулся, мог бы без особого труда превратить свои утиные лапы в ноги. Потом. Но зачем? Так ему не надо снадобий, чтобы превращаться в утку! Стоит только захотеть... А внешность для мужчины разве важна?

Ютланд вспомнил, что над ними вчера дважды пролетала странная утка, свешивала голову, рассматривая так, будто она не утка, а коршун, выискивающий добычу.

– А где он сейчас? – спросил он.

Аксиал ответил торопливо:

– Сейчас доедим и пойдем. Я знаю его дом. Ты что, и не пьешь?

– Пью, – ответил Ютланд. – Но не вино.

Глава 10

Аксиал насыщался так, словно на две недели вперед, а когда поднялись из-за стола, туго набитый живот заметно нависал над поясом. Ютланд подвинулся, как ратоборец ухитрился еще и полкувшина выпить прямо из горла перед тем как встать.

Дверь распахнулась в ночь, но воздух еще теплый, настоящий на запахах сена и дорожной пыли. Тонкий серп луны висит прямо над верхушками далеких деревьев, словно не может отцепиться и плыть дальше. Звезды крупные, с вечера еще разогретые, к утру станут мелкими и колючими. Народу на улицах нет, только одинокие собаки неспешно обшаривают закоулки в поисках остатков еды.

Ютланд повернулся в сторону конюшни, но Аксиал придержал его за плечо.

– Пусть лошади отдохнут. Это не люди, их жалеть надо.

– А колдун? – напомнил Ютланд.

Аксиал сказал сытым голосом:

– А вон там, видишь, крыша дома чародея?.. Пешком дойдем быстрее. Не понимаю, почему не живут, как все люди? Обязательно надо на отшибе...

Ютланд буркнул:

– Это вон тот, где над трубой серебристый конек?

– Да...

– Это еще хорошо, – сказал Ютланд.

– Чем?

– Обычно, – ответил Ютланд, – вообще селятся то в лесу, то на болоте, а то и вовсе в горах. По крайней мере, в нашем племени.

– Вообще сумасшедшие, – сказал Аксиал убежденно. – Ни вина, ни женщин, ни плясок...

За постоялым домом пошел просторный луг, лунный свет высвечивает на той стороне просторный домик с высокой крышей, Ютланд с удовольствием прислушивался, как похрустывает под ногами и гнется сочная трава, Аксиал довольно взрыгивал, пытался затянуть пряжку пояса ту же, но получалось плохо.

В полной тиши, где никаких звуков кроме сиротливой песенки бездомного сверчка, далекий стук копыт донесся отчетливо. Аксиал сразу насторожился, в такой темноте никто не скачет просто так. Либо за ним гонятся, либо сам стремится под покровом ночи кого-то догнать и зарубить.

Он быстро опередил Ютланда и, выхватив меч, начал всматриваться в приближающегося всадника.

Мгновением позже конский топот раздался сзади, а потом справа и слева. Аксиал выругался, пригнулся и сказал зло:

– Ну вот... хорошо, хоть поели...

Ютланд молча приготовил дубину. Из тьмы вылетел, освещенным слабым лунным светом, чудовищно лохматый всадник, даже лицо покрыто шерстью, в руках огромный двухлезвийный топор. Он начал вскидывать его над головой, слегка наклонился вперед.

Сзади тоже стук копыт и конский храп, Ютланд упал на землю и откатился в сторону. Оба всадника налетели друг на друга, с руганью разворачивали коней, в стороне слышался злой крик Аксиала, страшно блестел его меч, возникая на мгновения из темноты.

Ютланд быстро вскочил и, увернувшись от неуклюжего замаха третьего всадника, тому не с руки, ударил дубиной. Седло опустело, он ухватил испуганного коня за повод, быстро вскочил. Конь хрипел и пытался его скинуть, но артане с детства умеют умирять даже совсем диких, он сдвинул коленями и направил на тех двух, кому не удался первый наскок.

Оба заорали страшными голосами, стараясь утратить, у жертвы при таком крике кровь застывает в жилах, а пальцы слабеют, выпуская оружие. Ютланд молча бросил коня вперед. Дубина встретилась в воздухе с топором и, словно и не было сопротивления, обрушилась на голову всадника.

Голова в шлеме исчезла, между плеч смутно блеснул металл, быстро заливая выемку кровью. Вогнутый верх шлема весь погрузился в грудную клетку. Ютланд развернулся, успел пригнуться, избегнув лезвия топора, а дубиной ударил в полсилы наотмашь, попав всаднику в живот.

Аксиал умело дрался с конным, а когда тот в испуге оглянулся на подъезжающего Ютланда, быстро ухватил его за ногу и стащил на землю. Тут же блеснул меч, упавший захрипел и бессильно раскинул руки, огромный топор упал на землю.

Сзади на Ютланда обрушилось тяжелое, пахнущее злобой и смертью, вцепилось острыми когтями в плечи. Он резко развернулся, но испуганный конь рванулся, Ютланд ощутил, что падает, попытался извернуться, чтобы оказаться сверху, однако ударился о землю лицом и грудью, а сильные когтистые лапы уже схватили его за шею и сжали с нечеловеческой силой.

Он рванулся, тяжелое тело свалилось с него почему-то без сопротивления. Он повернулся и дико смотрел на мохнатое чудовище... уже безголовое. Из широкой раны на месте шеи плещет горячая густая кровь, а сама голова откатилась в сторону и щелкает огромной зубастой пастью.

Аксиал нагнулся и вытер красное лезвие меча о спину сраженного чудовища. Он выглядел запыхавшимся, но лицо его было довольное, как у сытого кабана.

– Вовремя я? – спросил он хвастливо. – Считаю, один раз твою тонкую шкурку спас... Может быть, даже дважды, но для точности будем считать за один.

Ютланд отыскал взглядом отсеченную голову, похожа на волчью, только зубы вдвое длиннее, глаза еще горят, просто полыхают лютой злобой.

– Да, – произнес он и ощутил, что голос вздрагивает, – это да...

Кони, оставшись без всадников, отбежали в сторону и, не чувствуя поводьев, остановились, тревожно поглядывая в сторону недавней схватки.

Аксиал оглянулся, лицо стало задумчивым.

– Пожалуй, конячки теперь наши... Гм... Мне кажется, защищать тебя не так уж и накладно.

Ютланд отмахнулся.

– Забирай всех. А я к чародею.

– погоди минуту, – попросил Аксиал. – Кони хорошие, не крестьянские лошадки.

Ютланд ждал, сгорая от нетерпения, а его товарищ не только переловил коней и взял всех на длинный повод, но собрал все оружие, а с одного убитого снял, срезав ремни, и нагрудную пластину панциря, где затейливая чеканка изображает победу дивов над мелкими людишками.

– Здорово ты их, – проворчал он не то с уважением, не то с осуждением, – доспехи двум так смял, что теперь ни один кузнец не возьмется выправить... Что у тебя за дубина? И вообще... ты молод, но снова сумел завалить троих или четверых. Выходит, в тот раз получилось не случайно... Тебя ждут удивительные события, невероятные приключения, парень! Ты хочешь этого?

Ютланд покачал головой.

– Нет.

– Нет? – изумился Аксиал. – Но разве не сейчас, когда Темный мир пытается захватить власть, истинные герои могут показать себя во всей красе? Именно сейчас пришла пора подвигов! В твоей помощи нуждаются как простые ремесленники, так и самые могучие маги, правители! Ты сможешь получать большие награды, ты оденешь лучшие из доспехов, у тебя будет дорогой меч...

– Нескоро, – ответил Ютланд с сожалением.

– Почему?

– Мне еще рано брать в руки меч.

Аксиал вскинул брови.

– Нет четырнадцати? Знаешь, я общаюсь и с куявами, и со славами, всего набрался... Иногда мне кажется, что мы слишком строги в вопросах чести. Все-таки это некая условность, когда сегодня брать нельзя, а завтра можно. Или даже до полночи нельзя, а потом – разрешено!

Ютланд буркнул:

– Ты слишком много общался с куявами.

– Но здравый смысл...

– Не я придумывал законы, – отрезал Ютланд. – Но я их выполняю.

Он повернулся и пошел к дому чародея.

Жилище любого человека говорит о нем больше, чем он может сказать сам. Бедные живут в лачугах, богатые – в добротных домах, а беры и знатные люди – во дворцах. То же самое и с магами: деревенский колдун, способный разве что нагонять порчу на скот или лечить его же, не будет жить во дворце, а могучий маг не унижится до пребывания в земляной норе.

Ютланд приблизился к каменному дому чародея с трепетом во всем теле. Как муравьи чувствуют приближение землетрясения или близость пробуждения вулкана, так и он ощущал исполинские силы в этих стенах, заключенные неведомо когда и неведомо кем.

За спиной послышался топот, Аксиал догонял, волоча за собой смилившихся коней.

– Не спеши, – крикнул он, запыхавшись.

– Что-то чувствуешь?

– Просто будь настороже. А то снова по голове получишь.

– Я не получал...

– Ну так я получал! А мы разве не вместе?

Похоже, он никакого величия не ощущал, для него просто огромный домище, сложенный из огромных блоков камня, непонятно как вырубленных и непонятно как привезенных. К тому же вблизи никаких каменоломен... Хотя воин над такими вопросами не задумывается. Да и вообще никто не может одновременно идти и думать, это как-то не по-мужски.

Ютланд протянул руку, чтобы постучать в калитку, встроенную в створку огромных ворот, однако та моментально и с готовностью отворилась без всякого скрипа.

– Ого, – сказал Аксиал пораженно, – что за порядки? А потомить, помариновать, помуржить?

– А вдруг ему это не надо? – спросил Ютланд. – Если этот Корунберт в самом деле великий?

– Как это не надо? – оскорбился Аксиал. – Это всем надо! Или он не мужчина? Так нас даже женщины мордой по столу... Пусти, я пойду вперед. Только коней тоже затащу... Нет, не влезут.

– Оставь, – посоветовал Ютланд. – Кто рискнет воровать перед домом чародея?

– Ладно, – ответил Аксиал со вздохом. – Жалко будет потерять. Это ж теперь мои коняшки...

Он отпихнул Ютланда, выгнул грудь колесом и вошел во двор, надменный и гордый. Ютланд ступил следом, со всех сторон обрушилось разноголосое птичье пенье, хлопанье крыльев, щебетанье. Этих существ в перьях так много, все орут, хлопают крыльями, а на той стороне забора, где улица, полная тишина.

– Чары, – сказал Аксиал знающе, – пойдем, а то и мы в птиц превратимся. А я перья не люблю. Вот чешуя – это да!

Дорожка широкая, можно проехать вдвоем на конях, не касаясь друг друга ногами в стремени. Подошвы плотно ступают по каменным плитам вроде тех, из которых сложены стены. Судя по виду Аксиала, ему страстно захотелось узнать, плоские эти плиты или такие же массивные глыбы, то ли врытые в землю, то ли вбитые неведомой силой, даже глазами повел по сторонам, будто в поисках лопаты, но сдержался, он же восемнадцатый потомок воеводы Синезуба С Моря, который при Бердераке сразил Железного Дракона, пожиравшего народы, а не какой-то землекоп.

Крыльцо, больше похожее на вход в царские хоромы, приближается неспешно, ступени из дорогого мрамора, широкие, дверь огромная, пугающая размерами, с множеством накладных украшений из золота и серебра, а ручка выполнена в виде головы дракона так виртуозно, что Аксиал даже заколебался к ней прикоснуться – вдруг грызает.

– И почему никто до сих пор не обворовал? – буркнул он.

– Чары, – ответил Ютланд ему тем же тоном. – Кто рискнет, того сразу в жабу.

Дверь распахнулась, Аксиал даже отступил на шаг. Ютланд сказал в нерешительности:

– Да зачем мы ему?

– Для зверских ритуалов, – пояснил Аксиал. – Нашу кровь выпустит в котел, кишками обмотается и будет танцевать вокруг стола что-нить непотребное...

– Разве он не старик? – спросил Ютланд.

Аксиал ответил в нерешительности:

– Вообще-то уже не молод, хотя это же маг...

– Маги и молодые не танцуют... как мне кажется.

Аксиал почесал лоб в задумчивости.

– Вообще-то да, они ж умные, а кто из умных танцует?.. Тогда рискнем войти?

– Я уже, – сказал Ютланд.

Он перешагнул порог, Аксиал тихонько ругнулся, но догнал и даже пошел впереди, нарочито ставя ноги подчеркнуто твердо по всей просторной и почти пустой комнате.

Дверь в следующую открылась тоже сама, Аксиал дернулся, ослепленный ярким светом и блеском богатства. Ютланд ухватился взглядом за человека за дальним столом, тот склонился над некой фигуркой из дерева, сопит, хмурится, тщательно скребет ее коротким ножом.

Одет, как и сказали о нем, в длинный плащ, но на самом деле это не плащ, а домашний халат, пушистый, мягкий и наверняка очень удобный. Ноги в растоптанных туфлях высовываются из-под халата, но утиные или нет, Ютланд не рассмотрел да и не рассматривал, главное, как говорит дед Рокош, чтобы человек был хороший. Или хотя бы нужный.

Не поднимая головы, чародей сказал приветливо:

– Зашли, так садитесь... Сейчас закончу.

Аксиал послушно сел, а Ютланд тихонько приблизился к самому магу, стараясь ступать как можно тише. Чародей аккуратно снимал крохотные стружки с фигурки зверька со сложенными на спине крыльями.

Ютланд оглядел ее с уважением, работа мастера видна сразу, перевел взгляд на хозяина.

– Красиво, – прошептал он.

Чародей отодвинулся, повертел фигурку в руках, оглядывая свое изделие со всех сторон.

– Думаю, достаточно, – сказал он довольно. – А как тебе кажется, все сделано?

Ютланд осторожно указал пальцем.

– Я бы убрал и вот здесь.

Чародей кивнул.

– Правильно. А еще надо здесь, здесь и вот здесь, видишь?

– Да...

– Но я не стану, – сказал чародей неожиданно.

– Почему?

– Для моих целей это неважно, – сообщил чародей. – Смотри сейчас самое главное.

Он приложил лезвие острого ножа к запястью другой руки, посерьезнел. Аксиал застыл, Ютланд поежился, а чародей, не обращая на него внимания, строгим голосом произнес торжественно:

– Своей кровью и своей жизнью я даю тебе жизнь и силу!

Кровь капала на деревяшку, стекала по ней, но ни одна капля не достигла столешницы, все странным образом впиталось в твердое дерево.

Фигурка медленно преображалась, где-то уплотнилась еще больше, где-то слегка ее вздуло. Через несколько минут Ютланд с изумлением смотрел на тщательно отделанную вещицу, плотную и блестящую, словно из полированного металла.

Крылья дрогнули, с сухим треском отлипли от спины и встали торчком. Зверек поднялся на четырех лапках, настоящая химера, вскинул голову. В распахнутой пасти блеснули крохотные, как мелкие иголки, зубы. Он покачивался, словно двухнедельный щенок, крылья неуверенно опустились и снова поднялись.

Ютланд спросил тихо:

– Ты отдал часть своей жизни?

Чародей кивнул.

– Вместе с кровью, как водится.

Ютланд покачал головой.

– Это нехорошее колдовство. Так состаришься быстро.

– Да, – согласился чародей, – но разве могущество того не стоит?.. Лучше короткая жизнь, зато полная чудес... Кроме того, вдруг да с помощью подобной магии отыщу философский камень... или хотя бы эликсир бессмертия?

– Сколько уже искали, – заметил Ютланд. – Дед... мой дед говорил, что перестали искать еще в его молодости.

– Не перестали, – возразил чародей. – Просто помалкивают, чтоб дураки не смеялись над неудачами. Дураки над всем смеются, такая уж у дураков особенность. Но почему должно повезти другим, а не мне?

Фигурка переступила с лапки на лапку, посмотрела по сторонам. Выпуклые глазки заблестели, будто туда вставили кусочки сухой слюды.

– Как бы не улетело, – сказал Ютланд.

– Без моей воли? – спросил чародей. – Нет, такого еще не было. Он хорош, никакая птица не одолеет в небе. У меня предыдущий служил много лет, а погиб по нелепой случайности. Даже не случайности, а моей дурости, если говорить правду. Я довольно опрометчиво послал его в один город, не посмотрев, что в тот день все районы охватил грандиозный пожар.

– Он все еще деревянный?

– Да, но теперь это живое дерево. Мы с ним почти одно целое... Когда прежний сгорел в огне, я получил такие ожоги! Неделю ходил в повязках.

Аксиал приподнялся с той стороны стола, переспросил с недоверием:

– Так ты маг или не маг?

– Разве не понятно? – поинтересовался чародей насмешливо.

– Даже я, – сказал Аксиал победно, – могу залечить ожоги в момент! Вот у меня амулет...

Чародей отмахнулся.

– Простые ожоги я залечу одним словом. Но это не простые, когда горит птица, а чувствую все я... Ладно, вам хочется узнать, почему вам двери открылись сами?

Аксиал кивнул, Ютланд сказал осторожно:

– Да, хотелось бы...

– Еще одно из моих заклятий, – сказал чародей довольно. – Я сам его составил! Из всех людей, кто заходит в город, отсеиваются все неинтересные. Мало ли что я нужен!.. Для всех двери закрыты. Но вы двое прошли. Значит, в вас есть какая-то мощь...

Аксиал приосанился, стряхнул пушинку с плеча и выпятил нижнюю челюсть.

– Спасибо, – сказал Ютланд торопливо, – что не выгнали сразу. Я покинул родной дом, чтобы отыскать одного всадника... Он скачет всегда на огромном черном коне, у того в глазах огонь, из ноздрей пламя. Этому коню нипочем ни река, ни болота, ни высокие горы!.. Я хочу его найти. Или хотя бы напасть на их след.

Чародей слушал внимательно. Пальцы его поглаживали и почесывали спинку крылатого зверька. Тот выгибал ее горбиком, растягивался, стараясь, чтобы для чесания было больше места, довольно шипел и прижимал остроконечные ушки.

– Конь, – проговорил он задумчиво, – конь... особый конь... Честно говоря, я больше по птицам. Без похвалы скажу, что лучше меня нет знатока во всем Троецарствии, не то что в Артании или Куявии. Даже в Вантите нет, я там все осмотрел, когда очень уж ничего делать не хотелось... А вот конь, гм... Впрочем...

Он оживился, вскинул палец вверх. Ютланд смотрел с надеждой, как на лице чародея меняются десятки выражений, скользят блики мелькающих мыслей.

Аксиал замер, стараясь даже не дышать, чародея заметно побаивается.

– Есть, – сказал чародей, – есть!

Ютланд вскрикнул:

– Кто этот всадник?

Чародей посмотрел на него с легким укором.

– Ах, юноша... Сколько же у тебя впереди разочарований!.. Ты часто будешь задавать вопросы, но почти никогда не будешь получать сразу ответы. Как и я, как и все остальные люди. Увы, все ответы приходится выцарапывать ногтями. А желательно – когтями. Острыми и крепкими. Такова жизнь... В общем, ни я, ни кто-то другой тебе сейчас не ответит вот так в лоб. Но я подскажу, кто может знать...

– Кто?

Чародей с улыбкой покосился на замершего Аксиала.

– Твой молчаливый друг тоже знает их имена.

Аксиал взглянул на него исподлобья.

– Ну... если речь о Тахае и Брокие...

– Верно, – подбодрил чародей. – Никто лучше их не знает коней и все, что относится к коням. Более того, Тахай раньше приручал и подчинял себе самых могучих драконов, грифонов и крылатых випер! Так что знает он многое...

– А Броккий, – добавил осмелевший Аксиал, – с драконами дела не имел, он артаин, зато кони у него самые лучшие в Троецарствии! И он знает о них все. А коней продает не всем, а только героям, потому что у него простых коней просто не бывает.

Чародей с удовлетворением шлепнул ладонью по столу.

– Вот видите, я вам кое-что подсказал. И, заметьте, ничего не беру в уплату.

Аксиал спросил с подозрением:

– Почему?

Чародей хитро улыбнулся.

– Я вижу в смутных образах, что еще увидимся. И будем полезны друг другу. Я не прощаюсь!

Ютланд открыл рот, чтобы ответить, но блеснул яркий свет, в следующее мгновение он увидел перед собой улицу, далеко впереди высокая крыша гостиницы, а когда оглянулся, за спиной грозно и угрюмо возвышаются высокие ворота усадьбы чародея.

Лошади заржали, испуганные их внезапным появлением так близко, одна встала на дыбы.

– Тихо, тихо, – сказал Аксиал ошеломленно. – Тихо, лошадка. Это мы так, чтоб не утомились ножки, пока дойдем до калитки... Какая любезность со стороны чертового колдуна!

– Да уж, – буркнул Ютланд. – Мог закинуть прямо в гостиницу.

– Наверное, – предположил Аксиал, – боялся промахнуться. Вдруг бы шмякнул обоих о стену?

Ютланд зябко передернул плечами.

– Я всегда боялся чародеев.

– А я чародейства, – ответил Аксиал. – Хотя амулетами не брезгую. Еще как не брезгую.

Он посмотрел по сторонам, деловито собрал длинные концы поводьев в кулак, оглянувшись на коней.

– Сперва надо продать, – решил он. – Не бойсь, я быстро. Легко пришло, легко уйдет! Куда потом поедет? Когда темные дивы разорили все хозяйство Брокиа, он перебрался в Барбус. Живет теперь в Лесу Призраков.

– А Тахай?

Аксиал скривился.

– Тоже в Барбусе. Такие же темные дивы ухитрились вломиться и в его хозяйство. Но они, как полая вода, захлестнули и окрестные земли, так что от беды подальше убрался тоже в самое спокойное место в Троецарствии... Великий Мрак, если надо, лично выходит и рубит, как овец, самых страшных дивов. Потому они и не решаются вторгаться в его земли.

– Тогда все равно к кому, – ответил Ютланд. – Он в самом Барбусе?

– Нет, в Лесу Обреченных.

– А что ближе, Лес Призраков или Лес Обреченных?

Аксиал пробормотал в затруднении:

– По-моему, одинаково...

– Брось монету, – решил Ютланд.

– Потом, – сказал Аксиал, – я сейчас быстренько на базар и обратно.

Глава 11

Вернулся он уже в гордом одиночестве на своем застенчивом коне, от обоих пахнет вином, две седельные сумы заполнены. Молча дотянулся до Ютланда, опасливо поглядывая на оскалившего зубы пса, и ссыпал в карман горсть тяжелых монет.

– В дороге все пригодится, – сказал он. – Поехали?

– Как ты долго, – укорил Ютланд.

Аксиал ухмыльнулся.

– Знал бы ты, сколько я всего успел сделать! Но не скажу... И вообще, как сейчас со стыдом понимаю, нет ничего хуже, чем обманывать женщину... Но нет ничего приятнее, когда это получается.

– Наверное, – произнес Ютланд нетерпеливо.

– Тогда в путь! Галопом. Твой конь по дороге не упадет?

– Надеюсь, – ответил Ютланд. – Он уже поспал стоя, пока мы все тебя ждали.

Конь Аксиала, несмотря на робость, оказался прекрасным скакуном: под копытам долго гремели камни выжженной долины Двенадцати Всадников, потом прошли дикие пустоши Лихостава, а он все неся длинными экономными прыжками, и было видно, что сил у него пока что не слишком и убывало.

Когда промчались по Туманным Лугам, Аксиал сказал бодро:

– Ничем не хвораешь?

– Вроде бы, – озадаченно ответил Ютланд. – А что?

– В этих краях, – объяснил Аксиал, – живет Филонид, лучший в мире алхимик! Болезненное его не было на свете человека, но теперь нет никого здоровее! Он такие настои делает... ух!

– И ты пробовал? – спросил Ютланд с недоверием.

– Я нет, – признался Аксиал, – я всегда вином лечусь. Помогает, скажу честно! Хотя тебе даже говорить такое рано...

– Почему?

– Детей, – сказал Аксиал лицемерно, – и женщин надо оберегать от соблазнов.

Ветер, что постоянно дул в лицо, иногда забегая чуточку справа или слева, постепенно затих, затем просто исчез, и Ютланд догадался, что их кони уже мчатся по Просторам Безмолвия. В самом деле давящие гнетущей тишиной, серое небо, мертвая тишина. Ютланд смотрел на траву, там бабочки, кузнечики, жабы, лягушки, над цветами выются шмели и пчелы, но не жужжат, кузнечики не стрекочут, даже жабы не квакнут, хотя небо предвещает скорый дождь...

Аксиал покосился с ухмылкой.

– Не нравится?

– А тебе?

– Именно здесь, – пояснил Аксиал победно, – поселился знаменитый Дорон, тот самый!

– Ух ты, – сказал Ютланд. – Правда?

– Да уж поверь!

– Поверю, – ответил Ютланд. – А кто этот Дорон?

Аксиал всплеснул руками.

– Ну ты совсем дикарь! Лучше Дорона никто не делает украшения из дивных сердец...

Ютланд пошарил взглядом по его одежде, посмотрел на седло под ним.

– И где они?

– А мне зачем? – удивился Аксиал. – Это больше для женщин. Ну, и для тех дураков, что возле них крутятся. Но все равно его работы в цене. В них есть особая магия... Да и вообще, когда красиво, это для всех как бы хорошо.

Ютланд кивнул, хотя такое и непонятно, но надо хотя бы делать вид, что понимаешь, раз ужходишь в мир взрослых, то надо и вести себя по-взрослому.

– А почему, – спросил он, – этому Дорону не жилось в городе?

Улыбка Аксиала стала шире.

– Там скорее могут убить, – сообщил он. – Он жил в городах, но в какой бы ни переехал, тот вскоре захватывали, начинался грабеж... Так уж получилось, не везло. Едва успевал высказывать из окна голым, представляешь! Говорят, бывало весело. В общем, плюнул на войну Артании с Куявией, ушел сюда и здесь переживает, когда все закончится.

– Долго придется ждать, – проронил Ютланд недобро.

– Да уж, – согласился Аксиал. – А где еще проявить нам доблесть, как не в красивых и кровопролитных войнах?.. Эй-эй, ты куда поворачиваешь?

– Наоборот, – сказал Ютланд, – спрямляю дорогу.

Аксиал насупился.

– Если скажу, что там не проедем, то получится, что я как будто бы трус?

– Ну, почему так...

– И красивой гибели не получится, когда эгр или харн попросту схватит и сожрет!

– Может, и не сожрет, – усомнился Ютланд. – А вдруг они как раз только что пообедали?

И не обязательно их вообще встретим.

– Почему вдруг не встретим?

– У них может быть праздник, – предположил Ютланд. – Сидят в пещерах, пьют...

Аксиал сказал раздраженно:

– Они ж не люди! Они всегда при деле!

– А что, караулят на перевале?

Аксиал сказал с тоской:

– Эх, почему не спас тебе шкуру чуть раньше?.. Хорошо, едем. Теплой одежды купить не хочешь?

– Мы быстро, – ответил Ютланд и с радостным удивлением ощутил, что он в самом деле решает сам, а этот взрослый и умелый воин ему подчиняется. – Перевал здесь низенький. Промерзнуть не успеем. К тому же сейчас лето.

– Это я заметил, – проворчал Аксиал. – Едем, пока я еще круглый дурак.

По обе стороны дороги потянулись почти исчезнувшие следы великой битвы прошлых времен. Ютланд поглядывал на руины древнейшего города, а Аксиал говорил почти шепотом, что под ними еще более древний город, настоящее сокровище, но туда не пройти, под землей живут существа страшнее рарахов, а им и с рарахами лучше не сталкиваться.

Дорога медленно карабкалась вверх, из мелких оврагов по обе стороны и одиноко торчащих скал внезапно вырывается ветер, набрасывается, свистит в ушах и тут же исчезает, слышно только цоканье подков по каменистой дороге да протяжный тоскливый крик ястреба высоко в небе.

Аксиал вытащил меч до половины и настороженно поглядывал по сторонам, не зря же это место называется «Череп», слишком многие сложили головы, защищая добро от разбойников.

Справа и слева горы стали ниже, воздух холодный, что значит, уже почти достигли высшей точки перевала. Еще немного, и дорога пойдет вниз, станет теплее.

Аксиал указал вперед рукой.

– Оледенелая Долина!

– И что? – спросил Ютланд.

– Ее минуем, – пояснил Аксиал уже бодро, – и дорога ринется вниз, будто ее подгоняют большой толстой палкой! А внизу, как ты, наверное, слышал, тепло...

– Долина не кажется длинной...

Аксиал хохотнул.

– Огорчает?

– Ничуть... И не такая уж и оледенелая...

Зажатая между высоких каменных стен до неба, долина даже не долина, а скорее ущелье, но достаточно широкая, чтобы при желании гордо именоваться долиной. Неглубокий снежок прикрывает землю, бодро хрустит ледок в мелких лужах, кое-где из земли торчат в белом инее то ли острые скалы, похожие на высунувшиеся из земли зубы, то ли это упавшие с небосвода сосульки, что воткнулись в небо...

Хорт несется впереди, черный и чужой этому белоснежному миру, небо такое же белое, как и снег под лапами, и почти такое же близкое, подпрыгни на бегу – ухватишь зубами мякоть облака.

Когда миновали середину долины, впереди в горах глухо загрохотало. Кони тревожно фыркнули, хорт прижал уши и тревожно оглянулся на Ютланда.

Аксиал вытащил меч, наклонился, всматриваясь вперед, но там взвилась снежная пыль, закрывая дорогу.

Из-за белой завесы донесся тяжелый удар, земля чуть дрогнула.

– Эгры сбрасывают камни? – предположил Аксиал. – Тогда нам не уйти...

– Почему?

– А ты прорвешься сквозь каменную лавину? – огрызнулся Аксиал. – Эти твари не впереди, а наверху!

Ютланд спросил быстро:

– А если рвануться? Пока лавина еще не докатилась...

– Слепую? – спросил Аксиал с сомнением. – Там не видно, где дорога, где камни, где пропасть...

Ютланд молча пустил коня вперед. Впереди грохнуло громче, затем еще дважды, снова взметнулась снежная пыль, а в ней проступили очертания жутко огромной человеческой фигуры, вдвое выше любого мужчины, вчетверо толще и с руками, похожими на бревна, голова же вовсе как пивной котел.

– Эгр, – произнес Аксиал обреченно.

– И чего это он? – спросил Ютланд бодро, хотя сердце начало стучать быстро и тревожно.

– Ну что ж, – ответил Аксиал, – эгр так эгр...

Ютланд не дослушал, пустил коня вскачь. Эгр с ревом повернул к нему голову, Ютланд пригнулся и ударил дубиной. Ее едва не вывернуло из рук, тело эгра крепче камня, однако тот обиженно взревел и начал тереть огромной ладонью ушибленное место на бедре.

Аксиал издал воинственный клич, красиво поднял меч над головой и понесся в стремительную атаку. Ютланд, развернув коня, ринулся обратно.

Эгр изготовился схватить сверкающего доспехами воина, а дубина Ютланда с треском обрушилась ему на плечо. Для этого Ютланду пришлось встать ногами на седло, едва не свалился, однако эгра потрянуло так, что он промахнулся, хватая Аксиала, а меч воина оставил длинную рану по всему боку.

Эгр взревел, сверху грозно отозвалось эхо. Аксиал крикнул в страхе:

– Лавина?..

Ютланд прыгнул прямо с седла на каменную стену, мимо которой ехали, эгр бросился к нему, вытянул огромные, чудовищно толстые и мускулистые лапы.

– Хорошо, – процедил Ютланд с ненавистью.

Он взобрался выше, эгр попытался его ухватить, Ютланд ударил быстро по лапе. Эгр с ревом отдернул, а затем дубинка со страшной силой обрушилась на его мохнатую голову, поцелив прямо в темя.

Раздался треск, словно молния ударила в большой валун. Эгр покачнулся, припал всем телом к стене, затем колени подогнулись, медленно сполз ниже, наконец рухнул навзничь.

Аксиал подъехал на вздрагивающем коне, у обоих глаза вытаращенные, часто дышат и смотрят неверящими глазами. Эгр вытянулся во всю длину, косматый гигант, голова круглая, на щеках длинные волосы, только лицо безволосо, красное и обожженное морозами, огромные толстые руки с пальцами, каждый похож на толстый корень дуба, а когти крупнее и острее, чем у горного волка.

Под головой эгра быстро растекается красная лужа, кровь торопливо впитывается в холодный снег, делая его грязно-пористым. Трещина дошла до середины лба, хорт подбежал и жадно лакал, вздрагивая всем телом, но хвостом лупил по бокам так неистово, что оставались полосы.

Аксиал с огромным облегчением выдохнул, покрутил головой, рот расплылся до ушей.

– Очень удачно ты придумал! Я сам все прикидывал, как достать до его башки...

– Все кончено, – сказал Ютланд. – Едем дальше.

– Сперва проверим его пояс, – возразил Аксиал. – Они же были людьми когда-то...

– Думаешь, что-то осталось с тех времен?

– Они и сейчас собирают нужное... Это хоть и звери, но звери разумные...

Ютланд молча отвернулся. Эгры, как говорят старики, были людьми из некоего плени горцев, но дивы сумели подчинить могущественными чарами, постепенно превратили вот в этих могучих и опасных чудовищ.

Два других племени, что устояли против чар дивов, воины Гризлорка и Медведаря, с боями вытеснили эгров с их прежних мест. Дескать, если и уцелеют, то чтоб обитали подальше от человеческих жилищ. С тех пор эгры роют себе укрытия в ледяных пещерах, там прислушиваются к дрожи камней: не идут ли какие путники через перевал?

Аксиал деловито выгреб золотые кольца, перстни и другие украшения, часть ссыпал Ютланду в дорожную суму.

– На моей памяти, – сказал он, – это первый случай, когда через перевал удалось пройти двоим, а не целому отряду! И кому? Великолепному и отважному Аксиалу с мальчишкой-пастушонком!.. Слава Аксиалу, вот как будут кричать в любой корчме!

– Слава Аксиалу, – подтвердил Ютланд.

– Вот-вот, именно так! Только веселей и с энтузиазмом. А то ты вечно хмурый, будто зуб болит.

– Слава Аксиалу! – крикнул Ютланд.

– Лучше, – одобрил Аксиал, – но чего-то недостает... Ничего, по дороге я обучу тебя кричать мне хвалу с энтузиазмом.

– Поехали, – сказал Ютланд.

Алац подставил бок, Ютланд поднялся в седло, конь пошел в галоп еще до того, как он взял повод. Хорт догнал, пузо отвисло настолько, что чуть не задевает землю, но хребет все равно торчит, как зубья крупной пилы, а ребра туго натягивают кожу на боках.

За спиной раздался крик, Ютланд в испуге оглянулся. В их сторону несется, догоняя, Аксиал, лицо белое.

– За нами красногивые! – прокричал он. – Гони!

Однако сам первым натянул повод так резко, что конь поднялся на дыбы. Впереди по ущелью неспешно выступила такая же стая волков, каких он за приметил сзади, все намного крупнее обычных, те избегают встреч с людьми, а скот крадут только по ночам, эти же не страшатся ни огня, ни человека, умело нападают на вооруженных людей. Отличить их можно по размерам и красной гриве на холке. Особо опасными они стали после того, как некий чародей или див взял их под свое покровительство и обучил нападать на жилища людей и даже на целые села.

Ютланд соскочил с коня, загородил его собой, в руках дубина, пригнулся и обвел приближающихся волков злым взглядом.

Аксиал оказался на земле почти сразу за ним, загородился щитом и сказал рассерженно:
– Стой за моей спиной!.. Если какой прыгнет сзади – бей, но вперед не лезь!

– Хорошо-хорошо, – ответил Ютланд послушно и встал спина к спине, с той стороны волков подходит почти вдвое больше. – Только не горячись...

Аксиал огрызнулся:

– А как же без горячки боя?.. Не понимаю, что ты за сосулька зимняя...

Волки подошли уверенно, Аксиал попытался на них заорать и замахнуться, однако те как будто даже заулыбались, встали полукругом, прижимая обоих с их конями к стене. Подошли те, что сзади, плотная цепь в три ряда, внимательно оглядели жертв, затем один из волков, по всем приметам вожак, громко и страшно взвыл.

Ютланд взмахнул дубиной, как только лохматые тела в прыжке отделились от земли. Аксиал широко ударил мечом, вкладывая в удар столько силы, словно это последний, но щитом продолжал закрываться от страшных зубов.

Волчий визг потонул в свирепом вое, злом гарчании, а еще дико ржали кони, подпрыгивали, били всеми четырьмя копытами. Ютланд видел, как умело бьется Алац, он оскалил зверски зубы и хватал тех, кто успел чудом увернуться от его смертоносных копыт. Аксиал успел оглянуться на него устрешенно, черный конь с огненными глазами разбил черепов больше, чем он мечом, а громовое рычание хорта наводило ужас, этот щеночек превратился в жуткого зверя и убивал без разбору, однако Ютланд заметил с облегчением, что не останавливается потерзав жертву, а хватает других за глотки, душит, как мышей, и встречает грудью следующих.

Ютланд то и дело чувствовал, как острые клыки задевают его руки, ноги, уже окровавили бока, но в ярости все так же крушил дубиной, разбрасывая во все стороны сразу по два-три мохнатых тела, хватал свободной рукой и сворачивал шеи, наступал ногой на нижнюю челюсть и разрывал пасти.

Аксиал орал, бранился, уже весь забрызганный кровью, бой длился злой и яростный, и вдруг, чего ни Ютланд, ни Аксиал не ждали, уцелевшие волки повернули и, поджав хвосты, убежали, кто подволакивал лапу, кто скулил не переставая.

Ютланд устало опустил дубину, Аксиал долго и бурно дышал, меч острием в землю, наконец проговорил, задыхаясь:

– Они... убежали... Убежали?

– Точно, – подтвердил Ютланд.

– Мы... победили?

– Победили, – согласился Ютланд.

Глава 12

Весь перевал между двумя стенами был завален серыми трупами с ярко-красными гривами. Убитых дубиной и зарубленных мечом оказалось столько, что не видно даже снега, и так на десятки шагов вперед и столько же назад.

– Никогда бы не подумал, – прошептал Аксиал. – Ох, что они сделали, сволочи...

Его конь лежит на боку, задняя нога еще дергается, из широких рваных ран по всему телу вытекает кровь. Алац нервно вздрагивает, хорт быстро зализывает ему неглубокие раны, сам в крови, но, судя по его свободным движениям, это не его кровь.

– Тут уже недалеко, – сказал Ютланд. – Мой конь довезет двоих.

– Твой умирающий шкилет? – усомнился Аксиал. – Ну, нет... Не понимаю, что у тебя за хорт?

– Еще щеночек, – сказал Ютланд.

– А конь... жеребенок?

Ютланд кивнул. Аксиал покрутил головой.

– Хорошая у вас троица... А я думаю, чего это у него не грива, а гривка...

Он умолк и снова поднял меч, хотя и обеими руками. Сверху слышалось беспечное посвистывание, быстрые легкие шаги. Ютланд вскинул голову и увидел, как далеко вверх к ним быстро бежит, ловко прыгая по камням, массивный человек, грузный, однако передвигается с такой скоростью, что и горные козлы позавидуют его легкости.

Он сбежал в долину в десяти шагах от Ютланда и Аксиала, красноволосый, с короткой бородкой и рыжими усами, на плечах шкура харна редкой серебристой расцветки, вскинул руку с древком длинного толстого копья в кулаке.

– Я друг!

Аксиал спросил с недоверием:

– Див?

Красноволосый хмуро усмехнулся.

– Меня зовут первопроходцем Агиром, – сказал он коротко. – Увидел, как Серый Чародей собрал и послал наверх волков, решил посмотреть, что он задумал... Жаль, не успел. Но вы, как вижу, справились.

– Если бы, – сказал Аксиал сердито. – Моего коня загрызли!.. А я за него три золотых отдал! Можно было целый табун купить!

– Сочувствую, – сказал Агир.

– Да ничего, – сказал Ютланд. – На моем коне доедем.

– Кому ничего, – огрызнулся Аксиал, – а твой жеребенок что-то не ликует. Как он отбилсь?

– Он такой, – сказал Ютланд. – А покусали нас всех.

Агир вытащил из-за пазухи толстую фляжку.

– У меня мазь на такие случаи, – сказал он. – Мелкие раны затягивает почти сразу! А серьезные... за день-два, от силы – неделю. Показывайте, где вас подрали?

Аксиал хмурился, сопел, сердито двигал бровями, но протянул руку первым. Волчьи клыки красногривых ухитрились прокусить даже стальные пластины, а кольчугу так вообще порвали, как гнилой холст. Агир уважительно приговаривал, что они молодцы, от такой стаи отбились, тут можно только отрядом человек в десять-пятнадцать пройти... да и то, бывало, одного-двоих теряют.

– Ну вот, – сказал Ютланд, – ты и спас мне жизнь второй раз.

– Да, – согласился Аксиал, потом брови его сдвинулись. – С другой стороны, тут не разберешь, спас или нет...

– Спас, спас...

– И я так думаю, – сказал Аксиал задумчиво, – но все-таки, чтобы точно не ошибиться, будем считать, это не в счет. А то если начнем копать, может получится, что и ты мне спас, тогда хоть «караул» кричи, я в еще большем долгу!.. Нет уж, это не считается.

Агир молча скалил зубы, он не воин, такие заморочки смешат, у него все проще: найти и убить самых могучих горных дивов. А в такой охоте выгоднее бывает одному, чтобы не думать о попавшем в беду напарнике.

Когда закончил, хорт уже зализал раны на боках Алаца и остервенело вылизывался сам, тряся от усердия, рычал, сверкал багровыми глазами.

– Всего лишь покусали, – обронил Агир. – Пустяки. А вы их побили... Как вас зовут, ребята? Ваши имена будут славить в долине. И пить за ваше здоровье.

– Аксиал, – сказал Ютланд. – Из клана «Владыки Хаоса».

Агир взглянул на него пыливо, но Ютланд смолчал.

– Так и скажу, – согласился Агир, – Аксиал из клана «Владыки Хаоса». Не слышал про такой клан, но, думаю, теперь услышат многие.

Аксиал приосанился, лицо все еще бледное от потери крови, но глаза уже блестят, а сам Агир сказал внезапно:

– Вообще-то могу предложить вместо коня козла. Временно, чтобы доехать... куда вы едете?

– До Тахая.

– До Тахая, – повторил Агир и посмотрел на Аксиала. – Ну как?

Тот отшатнулся.

– Я? Восемнадцатый потомок воеводы Синезуба С Моря, который при Бердераке сразил Железного Дракона, пожиравшего народы? Да я буду опозорен, как никто не свете!.. Подумать, на козле!

Агир сказал с сожалением:

– Жаль, я хотел как лучше. Вообще-то на одном из таких козлов ездил... и сейчас ездит один из молодых богов... самый известный среди них драчун... Правда, у него не меч, а молот...

Аксиал посмотрел заинтересованно:

– На козле?

– Да.

– А... что за козлы?

Агир усмехнулся.

– Ну, не простые же деревенские!

Он громко свистнул по-разбойничьи, через минуту наверху послышался частый цокот. Все трое увидели, как по камням ловко прыгает, совершая исполинские скачки, огромный козел с витыми рогами, массивный, крупный.

Аксиал невольно отступил, когда горный козел подошел к Агиру и посмотрел на него в упор большими коричневыми глазами. Ростом козел даже выше коня, ноги толстые, лохматые, как и весь, а рога просто чудовищные.

– Я на нем не усiju, – признался Аксиал. – А седло... можно?

– Конечно, – сказал Агир. – Разве что понесешь на себе.

Аксиал долго снимал седло и ремни с убитого коня, а опутать ремнями козла и закрепить на его горбатой спине помог Агир.

– Как только слезешь, – сказал он успокаивающе, – этот рогатый сразу же вернется ко мне. Так что, если хочешь оставить седло себе...

– Понял, – сказал Аксиал. – Сразу же сниму.

– Залезть сумеешь?

Аксиал оскорбился.

– Я?.. Всего лишь на козла?.. Конечно! Только поддержите его, пусть не дергается под таким героем, как я... и меня тоже чуть, пока не сяду... а потом я сам... постараюсь.

Агир, пряча улыбку, помог Аксиалу взобраться на козла, тот не двигался, и Аксиал ерзал в седле, словно его укрепили на вершине огромного валуна.

– Ну вот и прекрасно, – сказал Агир. – Ты просто бог на этом звере! Только спину чуть ровнее...

Аксиал приосанился.

– Вообще-то я мог бы и на драконе, – сообщил он. – Только не попадались как-то... Ютланд, готов?

Ютланд кивнул Агиру и молча пустил коня к выходу из долины. Хорт понесся вперед, козел сделал гигантский прыжок и помчался с ним рядом. Аксиал вскрикнул дурным голосом, его то бросало вперед, то отбрасывало назад, козы передвигаются совсем не тем аллюром, как кони, а козел то ли понял так, что надо держаться рядом с тем, кто впереди, либо просто не терпит, когда его обгоняют.

Ютланд мчался следом, лишь изредка догоняя, и тогда посматривал сбоку на Аксиала, воин выглядит на козле достаточно комично, а еще Агир предупреждал, что за рога хвататься нельзя, любое животное в таком случае тут же мотает головой и сбрасывает наездника, и Аксиал стоически удерживал равновесие, а хорт все набирал скорость, кося на козла недружелюбным глазом, но козлы – народ упорный, не отставал, неся огромными скачками, хотя хорт пронизывал встречный ветер, как выпущенная могучей рукой стрела.

Они слетели с перевала с такой скоростью, что Аксиал не успел опомниться, но, как только сполз по козлиному боку на землю, козел тут же развернулся, громко взмекнул и понесся обратно гигантскими прыжками еще быстрее, чем прибыл.

Аксиала качало, он изгибался, дергался, словно все еще сидит на спине козла, голова двигается так, будто то и дело что-то глотает, наконец прохрипел:

– Гад, седло унес... ладно, я не жадный. Другое куплю... Не понимаю, какой бог на нем ездил? Дурак какой-то.

– Зато быстро, – сказал Ютланд. – На простых конях мы бы полдня ползли.

– Это так, – буркнул Аксиал. – Да вот только твой конь... жеребенок, жеребеночек, даже жеребяшечка, не отставал. Да и собачка почему-то не запыхалась даже. Потому, наверное, что щенок.

Ютланд сделал вид, что не услышал.

– Лес Обреченных... это он самый?

Перед ними зеленая долина на десятки верст, широкая и привольная, но вольный бег с размаха разбивается о высокую стену угрюмого темного леса на той стороне. Даже сюда докатываются незримые волны тягостного страха и ожидания больших неприятностей.

Аксиал измерил расстояние до темной массы, там над вершинками взлетала потревоженная стая воронья, донеслось приглушенное расстоянием злобное карканье.

– Да, это тот лес, – согласился он. – Неужели Тахай живет в самом лесу?

– Сказано, в лесу...

– А кони? – переспросил Аксиал. – Коням нужен простор. Или хотя бы широкий загон.

Ютланд успел ощутить волну запаха, падающую сверху, развернулся в седле и выставил перед собой руки, но тяжелое тело ударило с такой силой, что хрустнула спина, едва не переломившись, острая боль пронзила все тело.

Земля и небо поменялись местами, он вылетел из седла и больно ударился о землю, но продолжал удерживать на вытянутых руках бешено рвущееся к его обнаженному горлу крылатое чудовище.

Существо, похожее на огромную птицу, но с толстыми мускулистыми руками, крупное и почему-то покрытое блестящей чешуей вперемешку с волосами, било его по голове крыльями, страшно клекотало и тянулось к горлу крючковатыми лапами.

Ютланд изо всех сил удерживал сильное тело, закованное в скользкую чешую, даже сумел отстранить чуть, в это время издали прозвучал боевой клич, затопали ноги, и над ними появился запыхавшийся Аксиал.

– Не двигайся! – заорал он.

Ютланд видел сверкнувшее лезвие меча, напрягся, однако вместо рубящего удара из груди крылатого дива высунулось окровавленное стальное лезвие. Кровь полилась на Ютланда, он собрался с силами и спихнул с себя обмякшее тело.

Аксиал вскрикнул, потеряв меч, однако крылатый зверь подпрыгнул пару раз, пытаясь взлететь, но тяжелый и длинный меч ратоборца мешал, к тому же одно крыло сразу повисло, выдавая перерезанные мышцы.

Ютланд хотел было добить гадину, но посмотрел на Аксиала, остановился. Тот исхитрился ухватить меч за рукоять, выдернул с усилием и тут же начал рубить крылатую тварь по голове, по шее, пока весь не забрызгался кровью.

Крылатый див долго дергался, пытался даже уползти, живучий, но Аксиал упорно шел следом, пинал, рубил, наконец тот затих, Аксиал отрубил голову и с торжеством принес Ютланду.

– Ну как? Думаю, шкуру твою спас!

– Точно спас, – согласился Ютланд.

– Хочешь голову?

– Я такое не ем, – ответил Ютланд нерешительно.

Аксиал расхохотался.

– Ну и шуточки у тебя!.. Я такое не ем... Надо запомнить, расскажу своим... На стену повесишь, чудак.

– У меня нет стены, – ответил Ютланд.

Аксиал сказал живо:

– Тогда повешу на своей?

– Отлично, – одобрил Ютланд. – В спальне. Проснешься, а она на тебя смотрит. И когда засыпаешь, тоже... смотрит.

Аксиал задумался, потом сказал:

– Ладно, где-то пристрою. Если не ошибаюсь, это же громовая хлад-птица! Как говорят, жуткое порождение лютых морозов, один из самых древних дивов, способный существовать только в северных землях среди горных вершин. Я понимаю, если бы напала в Оледенелой долине на перевале, но здесь...

– Не успела, – предположил Ютланд. – Кто-то поздно узнал, где мы идем. А вот если бы эгр, красногивые и эта птичка напали вместе, как и предполагалось...

Аксиал содрогнулся.

– Ты вообще-то улыбаться когда-то пробовал?.. Если уж гналась за нами всю дорогу, пока я несея на козле, то очень кому-то понадобились. Признавайся, кому в суп плюнул?

– Пойдем, – сказал Ютланд. – Тахай объяснит, что сумеет.

Аксиал отмахнулся.

– А что он сумеет? Тахай помешан только на конях. Даже про драконов теперь забыл.

Глава 13

Хорт за их спинами тявкнул, Аксиал запихивал голову крылатого дива в мешок и не слышал, во всяком случае, не оглянулся, хотя земля грозно загрохотала под ударами крепких копыт. Он подумал, что скачут кони Тахая, уложил добычу, затянул веревку на горлышке и только начал поворачиваться, как нечто огромное и страшное со страшной силой ударило в бок.

Он взлетел в воздух, перевернулся там дважды, прежде чем упасть, и видел, как Ютланд ударил дубиной в бок чудовищно огромного барана с причудливо закрученными рогами. Тот пронесся мимо, быстро развернулся и бросился в атаку снова.

Ютланд отступил, но теперь его дубина ударила прямо в лоб. Раздался треск раскалываемой скалы. Баран пробежал еще, вяло развернулся и ринулся на смельчака снова. На этот раз Ютланд уклоняться не стал, вскинул дубину над головой и обрушил ее точно между глаз взбешенного зверя. Треск раздался еще громче, блеснули искры.

Баран сделал два неверных шага и упал на бок. Аксиал, сильно хромая, подошел, волоча за собой меч.

Ютланд спросил зло:

– Чего это он?

Глаза Аксиала полезли из орбит, он потыкал носком сапога в могучий рог зверя.

– Шальной таргор, – прошептал он. – Чудовище Рипейских Гор!.. Он никогда раньше не покидал вершин... Зато там он убивает всех, кто рискует подняться.

– В общем, – сказал Ютланд хмуро, – баран. Большой баран. Огромный... Но все-таки баран.

Аксиал с подозрением посмотрел на сраженного таргора, тот еще дергает копытами, из расколотого черепа, крепкого, как скала, струей бежит и разливается широкой лужей кровь.

Хорт подбежал и радостно принялся лакать, куда только и влезает, хотя щенкам нужно есть больше, чтобы расти...

Аксиал вздрогнул, посмотрел на Ютланда с подозрением.

– Эй-эй, – сказал он, – этот гад не на меня бросился? Точно? Скажи правду!

– Нет-нет, – заверил Ютланд, – просто задел тебя боком.

Аксиал вздохнул свободнее, но на лице оставалась тень недоверия.

– Это хорошо, – проговорил он, – а то бы я снова попал на долг... Ты, того, не спасай больше! А то так и буду таскаться за тобой хвостом. Ничего страшного, если мужчина погибает, мы для этого и рождены. Главное, погибнуть красиво!

Ютланд кивнул.

– Да-да, конечно. А еще бы и жить красиво.

Аксиал фыркнул негодуя.

– Ну, это скучно. Погибнуть – это ярко, это заметно, это вспышка!.. А жить... гм... Все почему-то стремятся к спокойной старости... а вот мне что-то в ней не нравится.

Темная громада леса приближалась медленно, как тяжелая грозовая туча. Ютланда охватило нехорошее предчувствие, что как только въедут под кроны этих мрачных деревьев, что-то нехорошее и неотвратимое произойдет сразу, немедленно, не успеют и хрюкнуть.

Аксиал тоже ежился, поглядывал на застывший в ожидании лес с испугом, но отважно держался так, чтобы в случае опасности закрыть Ютланда собой.

Один массив высоких темных деревьев сдвинулся в сторону, блеснула небольшая речка, через нее перекинута два сильно выгнутых кверху спинками мостика, на том берегу мерно шумит широкими колесами большая водяная мельница.

Речка уходит в лес, деревья тут же закрывают ветвями и своими толстыми телами беглянку. Даже не расступились, словно растут прямо из воды. Или же, мелькнуло в голове Ютланда, речка тоже убита этим страшным лесом.

Аксиал радостно вскрикнул:

– Вон загон для коней!..

Ютланд приподнялся в седле, загон у самой кромки леса, тень деревьев зловеще падает на часть участка, но кони бегают и резвятся, не чувствуя зловещей мощи черной чащи.

– А вон и домик Тахая, – прокричал Аксиал ликуя. – Я сам готов разводить коней, если ошибаюсь!

Тахай, хмурый, неразговорчивый, крупный мужчина с небольшой бородой и недоверчивыми глазами, заметил их издали, повернулся и ждал, почесывая молоденького жеребенка между ушами. Ютланду сразу бросился в глаза островерхий стальной шлем с опущенной стальной стрелой, прикрывающей нос. Пластика настолько широка, что закрывает нос целиком и опускается до верхней губы. Ютланд вспомнил рассказы, что Тахай успешно сражался с темными дивами, еще когда был заводчиком драконов. В одной из битв ему так страшно раздробили нос, что отныне он его постоянно закрывает металлической пластиной шлема.

Аксиал остановил коня, готовый защищать Ютланда со стороны леса, а Ютланд подъехал к Тахаю, соскочил на землю и вежливо поклонился.

– Великому Тахаю наше почтение...

Тахай взглянул без приязни, моментально признав в нем артанина, пусть еще ненастоящего.

– Коней, – ответил он холодно, – не продаю.

– У меня есть конь, – ответил Ютланд мирно.

Тахай презрительно взглянул на Алаца, поморщился, затем взглянул снова, хмыкнул еще пренебрежительнее, подошел ближе и, уперев руки в бока, осмотрел с таким видом, словно от одного взгляда конь должен упасть на бок.

– Бабки у него хороши, – буркнул он. – А так... шкилет... Хотя, если откормить... гм... но он наверняка болен...

– Я вижу, – сказал Ютланд, – какой ты коневод. Аксиал, мы зря сюда прибыли.

Он развернул коня, за спиной раздался разозленный рев:

– Стой, мальчишка!.. Я тебя еще не отпустил!.. Мне жалко, когда животных мучают. Лучше бы уж друг друга убивали, людей всегда есть за что. Вот тебе монетка, я покупаю твоего коня.

Ютланд фыркнул:

– Не продается.

– Если не продашь, – предупредил Тахай, – он помрет, когда отъедешь на пару шагов. И так еле жив...

– Я вижу, – повторил Ютланд, – какой из тебя коневод. Аксиал, возвращаемся.

– погоди! – крикнул Тахай. – Я хороший коневод и добрый к лошадям. Вот тебе две монеты... ладно, три!.. Да столько и хороший конь не стоит!.. Ты совсем с ума сошел?.. Ладно, бери любого из табуна, а эту рухлядь оставь здесь, пусть умрет в покое.

Ютланд ухмыльнулся.

– Я вижу, ты все-таки хороший коневод.

– Хороший, – подтвердил Тахай сердито. – А ты... хоть знаешь, что у тебя за конь?

– Потому и не продаю, – сообщил Ютланд. – Говорят, у тебя есть такие подковы, с которыми конь может промчаться по горящей лаве из вулкана и не обжечь копыта?.. И даже проскочить с берега на берег широкой реки, погрузившись не глубже, чем по бабки?

Тахай хмурым улыбнулся.

– Конечно, у меня все это есть. Но не для продажи. Если они тебе позарез нужны, просто добудь кое-что нужное для меня.

Ютланд поморщился.

– Если и буду добывать, то не ради подков. Если ты лучший в Барбуссии заводчик коней и все про них знаешь, то ты должен знать про одного особого коня... черного, как ночь, глаза у него, как звезды, а когда в ярости, то горят огнем, из ноздрей вылетает дым, из пасти – пламя. Еще он может мчаться по воде, как посуху, для него никакие горы не преграда...

Тахай помрачнел, подобревшее было лицо стало враждебным снова.

– Таких коней на земле нет, – отрубил он.

– Их видели, – возразил Ютланд.

– Таких коней на земле нет! – повторил Тахай с нажимом. Посмотрел на расстроенное лицо Ютланда и процедил сквозь зубы: – А что под землей... понимаешь, если начать интересоваться теми вещами, о которых даже могучие чародеи стараются не говорить, чтобы не навлечь беды, то понятно, чем все кончится... А я люблю коней и хочу ими заниматься еще долго.

Ютланд прошептал потерянно:

– Так кто же мне подскажет?

Тахай сказал неохотно:

– Кто спрашивает достаточно долго, в конце концов получает правильный ответ. Мне кажется... но учти, это только моя догадка, лучше всего смогут ответить те... кто на той стороне. Понимаешь?

Ютланд подумал, кивнул:

– Догадываюсь.

Аксиал сказал с достоинством:

– Я слышал, уважаемый Тахай, ты не продаешь коней кому попало. Тебя не деньги интересуют, а будущие хозяева коней. Я – Аксиал из клана «Владыки Хаоса», благородный ратоборец с незапятнанной репутацией, восемнадцатый потомок воеводы Синезуба С Моря, который при Бердераке сразил Железного Дракона, пожиравшего народы...

Тахай рассматривал его молча из-под нависших бровей, молчал. Аксиал, не дождавшись реакции, спросил задиристо:

– И что?

Тахай поморщился.

– А сам ты кто?

– Я? Аксиал из клана «Владыки Хаоса»...

Тахай прервал:

– Ты только потомок? Пусть твои славные предки придут, им и продам.

Аксиал вспыхнул, рука легла на рукоять меча, но сдержался и проговорил с достоинством:

– Я вот с пастушком прошел Оледенелую долину, где мы завалили эгра и побили стаю красногривых волков... штук тридцать там осталось воронью на поживу. Или сорок, не считал!

Тахай хмыкнул, покачал головой.

– Вдвоем?

– Вдвоем!

– Ну-ну, мне всякие сказки рассказывали... Кто такое видел?

– Агир видел, – сказал Аксиал злорадно. – Он подоспел как раз, когда последние волки уползли, заливая снег кровью.

Ютланд сказал серьезно:

– Коня моего друга волки порвали, Агир дал козла доехать сюда... Козел, правда, уже унесся, но вон там следы. Их ни с чем не попутать.

Аксиал хлопнул себя по лбу.

– Да, мы тут немножко напачкали в твоих владениях... Вон там громовая хлад-птица лежит.

Тахай спросил недоверчиво:

– Громовая?

– Гналась за нами, – объяснил Аксиал со скромным достоинством, – с самого перевала.

Правда, голову я ей отрубил, но если хочешь посмотреть, вот мешок...

Тахай внимательно всматривался в лицо Аксиала из клана «Владыки Хаоса», благородного ратоборца с незапятнанной репутацией, восемнадцатого потомка воеводы Синезуба С Моря, который при Бердераке сразил Железного Дракона, пожиравшего народы.

– Громовая хлад-птица? Она никогда не покидает заснеженные горы!

Аксиал поморщился.

– Ну, это ради простых не покидает. А мы что, похожи на каких-то сопливых?

Тахай покачал головой, в глазах наконец-то проступило выражение уважения и даже почтительности.

– И вы ее вдвоем убили?

Аксиал приосанился, стряхнул с плеча пушинку.

– Там еще и шальной таргор. Тоже, дурак, гнался... Конечно, если бы мы не на козле, пободались бы раньше, а то далековато ему пришлось бежать. Тут и помер. Во-о-о-он там лежит!

Глаза Тахая стали огромными, он охнул, посмотрел, куда указывал Аксиал, там в самом деле горбится туша барана слишком огромного, чтобы оказался простым бараном.

– Я таких людей еще не встречал, – сказал он медленно. – Почему ты здесь?

Аксиал нехотя кивнул в сторону Ютланда:

– Я должен спасти ему жизнь еще пару раз.

– Уже один, – поправил Ютланд.

– Или один, – согласился Аксиал. – И я свободен.

Тахай впервые улыбнулся.

– А-а, понятно. А то я думал тут... Хорошо, тогда пойдем, покажу коней. Есть у меня парочка для продажи. Не кони – драконы!

– А мне простой и не нужен, – ответил Аксиал высокомерно. – Я на козле богов ездывал!

Глава 14

Тахай уважил Аксиала и подобрал ему настоящего богатырского коня: крупного широкогрудого красавца буланой масти. Аксиалу пришлось расстаться почти со всем запасом золотых монет, но он сам видел, что покупка того стоит.

Все это время, как заметил Тахай, странный мальчишка не проронил почти ни слова, молча и угрюмо зыркает черными глазами, как и его конь, а также жутковатого вида хорт. Все трое худые, обозленные, постоянно ждущие неприятностей и... несущие их сами, несмотря на подростковую всех троих.

Аксиал долго благодарил, хотя и намекал, что дороговато, надо бы скинуть, но не слишком настойчиво, воин не должен уподобляться торговцу, потом Тахай молча смотрел, как странный мальчишка поднялся в седло, а второй всадник, теперь уже на купленном коне, поехал за ним следом, как телохранитель.

Этот пастушонок, как называет его закованный в доспехи ратоборец, не понимает еще, что если зайдут со своими вопросами слишком далеко, то и сто тысяч телохранителей не спасут, не помогут.

Их кони шли резво, Аксиал сиял, гордо ерзал в седле богатырского жеребца, тот так и пышет силой и удалью, без нужды потряхивает гривой, пышнее некуда, просится пойти вскачь.

– Подковы тоже особые, – повторял он счастливо. – По морю могу!.. Ну, не по морю, конечно, это я так, для красоты, но через реку или небольшое озеро проскачет, не замочив бабки!.. И по огненной лаве тоже, представляешь?

Ютланд не отвечал, далеко впереди на дороге появилось несколько темных точек. Только что их не было, а потом вдруг так сразу... И хотя еще далеко, может быть, просто не замечал раньше, но все равно ощутил нечто тревожное.

Аксиал рассказывал, как удивит всех в клане таким конем, а он все всматривался в приближающиеся точки, пока те не оформились в древнюю старуху, что бредет, опираясь за длинную толстую палку выше ее головы, а за нею тащится, поджав хвосты, целая стая тощих облезлых псов.

Теперь и Аксиал заметил ее, поморщился.

– Ох, эти нищие!.. Сами живут подаванием, да еще собак подкармливают!

– Так собаки тоже нищие, – сказал Ютланд.

– Сидели бы в одном городе, – проворчал Аксиал недружелюбно. – Наверное, всем осточертели.

– На новом месте своих нищих хватает, – согласился Ютланд.

– Вот-вот!

Старуха опасливо сошла с дороги, собаки тут же перебрались на обочину, низко поклонилась.

– Славные герои, подайте хоть корочку хлеба!

– У тебя зубов нет, – ответил Аксиал грубо, – корочки грызть.

– Собачки сгрызут, – ответила старуха кротко.

Ютланд окинул взглядом тощих псов, голодных настолько, что голов не поднимают, а хвосты волочатся в пыли, сказал участливо:

– У меня есть лишняя краюха. Но и сама поешь, а то некому будет заботиться о собаках...

– Спасибо тебе, добрый человек!

Ютланд развязал мешок и сунул туда руку, краем сознания отметил, как что-то произошло, но пальцы нащупали еще теплую краюху хлеба, что дал в дорогу Тахай, а за спиной уже раздался яростный крик Аксиала:

– Берегись!

Ютланд бездумно пригнулся, на спину обрушилось тяжелое, остро пахнуло звериной шерстью. Напавший не рассчитывал, что жертва увернется и, ударившись о спину, скатился на ту сторону.

Аксиал уже рубил мечом во все стороны, конь под ним тоже бьет копытами, хватает зубатой пастью и топчет огромных волков, в которых моментально превратились мелкие тощие собачонки.

Старуха стала крупнее, а палка в ее руках удлинилась и стала блещущей косой.

– Послушница Ящера! – прокричал Аксиал.

Ютланд бросил к ней коня, она замахнулась для удара, Ютланд прыгнул с седла и успел сбить ее с ног, а лезвие косы просвистело над его головой и вонзилось в землю. Старуха оказалась на удивление сильной, Ютланд ударил несколько раз в лицо, напоминая себе, что бьет дива, принявшего такой облик, наконец руки послушницы Ящера ослабели, а он ухватил ее за горло.

– Отвечай, – потребовал он. – Кто тебя послал?

Она хрипела, закатывала глаза, губы шевелились, но ни слова не слетало с них.

– Отвечай, – повторил он.

– Все равно, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, – ты обречен и умрешь...

– Но ты сейчас, – сказал он жестко. – Говори, иначе...

Она прошипела еще злее:

– Что, убьешь? Напугал...

Он сжал пальцы на горле, но чуть ослаблял то один палец, то другой, как будто играя на сопилке. Послушница Ящера долго крепилась, наконец прохрипела:

– Убей...

– Нет, – ответил Ютланд злобно, – ты еще меня не знаешь...

Она посмотрела в его глаза, что быстро становятся безумными, вздрогнула, затряслась в его руках.

– Господин, меня послал сам Серый Колдун.

– Почему он хочет моей смерти?

– Не знаю... Клянусь, не знаю.

– Где он живет?

– В городе Черное Устье...

Он сдавил сильнее, а когда перестал чувствовать под пальцами биение жизни, поднялся, хмурый и разочарованный еще больше.

Аксиал, весь забрызганный волчьей кровью, подошел измученный, хромающий, но с сияющим лицом. За его спиной виднеются подтекающие кровью трупы волчьей стаи.

– Сволочь, – прохрипел он, – как же она умеет глаза отводить!.. Я же видел мелких жалких собачек...

– Но мы отбились, – сказал Ютланд, – благодаря тебе. Как ты почуял?

Аксиал оперся о меч, воткнув острие в землю, сказал прерывающимся голосом:

– Я вообще женщинам не верю... Фу-у-ух, ну и драчка была... Но теперь мы в расчете!.. Третий раз... И так быстро... Даже не знаю, может быть, поехать за тобой и еще пару раз спасти твою шкурку?.. Веселая у тебя жизнь, парень!.. Похоже, монстры скоро передерутся за право тебя убить.

Ютланд буркнул:

– На этот раз знаю, кто их шлет. Теперь пойду и убью змею в ее же норе.

Аксиал посмотрел на него очень серьезно.

– Да, – протянул он, – кем же ты станешь, когда придет время брать в руки оружие?

– Самому бы понять, – огрызнулся Ютланд.

– Успей понять раньше, – сказал Аксиал с предостережением. – А то когда берут оружие... уже не выпускают.

Ютланд кивнул, пошел к своему коню, Аксиал крикнул поспешно:

– Я с тобой! Разделаемся с той сволочью... или она с нами. На том и пожмем друг другу руки. И пожелаем доброго пути.

Ютланд взглянул на него с благодарностью.

– Спасибо, Аксиал. Для меня мало кто делал что-то доброе. Я ценю.

Аксиал отмахнулся:

– Это мой долг.

– Долг ты уже выплатил, – напомнил Ютланд.

Аксиал широко улыбнулся.

– Просто я решил ценность своей шкуры чуть-чуть повысить.

Глава 15

Город Черное Устье показался Ютланду в самом деле темным и гнетущим, хотя прямо над его крышами яркое солнце изливает ласковый золотой свет, полный любви и заботы, а к распахнутым воротам ползут из деревень телеги с мукой и зерном.

Аксиал спросил тревожно:

– Уверен, что нас еще не рассмотрели?

– Ты же сам говорил, – напомнил Ютланд.

– Да-да, – сказал Аксиал торопливо, – и сейчас уверен, чародей не так уж и силен, если не мог послать на перевал всех тварей разом... Но все-таки что-то внутри дергается. Я вообще-то отважен до безумия, но бываю осторожен.

– Тогда сразу к его дворцу, – предложил Ютланд.

– Сперва оставим коней, – сказал Аксиал твердо. – И твою собачку. Теперь даже мой конь приметный, чародей уже знает, что мы ехали к Тахаю. А коня от Тахая всякий узнает...

– Надо торопиться, – сказал Ютланд, – он сейчас старается понять, получилось у его слуг или нет. Надо успеть раньше, пока не понял, что мы уже рядом.

Аксиал вздохнул.

– Эх, правила бы Ясная Зорька, как раньше... зачем передала всю власть чародею?

Ютланд спросил:

– Ясная Зорька?... Так она правительница здесь или нет?

– Пока еще, – отрезал Аксиал.

– Почему пока?

– Потому что женщина, – сказал Аксиал зло. – Женщина, которая очень мудро могла бы управлять огромной страной, завтра же создаст себе господина, которому и десяти кур нельзя дать в управление! Она сейчас изучает способы разведения черных тюльпанов с тремя лепестками. Очень важное дело, как ты догадываешься.

Ютланд развел руками.

– Извини, я не знал...

Аксиал сказал покровительственно:

– Мальчик... сколько тебе еще придется узнать! А пока запомни базовое: все женщины – лживые предательницы. Не только блондинки, брюнетки и рыжие, но даже седые, как вон та послушница Ящера. Начнешь узнавать женщин, и перед тобой откроется такой богатый и причудливый мир лжи, коварства, измены, алчности, похоти... что просто и покидать его не захочется!

Ютланд слушал краем уха, Аксиал разговаривает больше сам с собой, не думает же, что пастушонок будет всерьез принимать такие мудрости, женщины пока что для него люди без отделения в некую особую группу...

Конь его двигался через мирную тишину города ровно и уверенно, вдоль густых садов с такими сочными и крупными плодами, что, пригибая своей сладкой тяжестью ветви, опускаются через ограды и задевают Ютланда по голове и плечам, просясь в руки.

Он дважды срывал и вонзал зубы в приторно сладкую мякоть, возвращенную для нежных женщин. Мимо скользят то выступающие из зарослей невысокие стены, сплошь увитые виноградными лозами, то древние могилы, давно забытые и со стертыми знаками на плитах, то тихо и бесшумно выступают двухэтажные и даже выше дома, но стены и там покрыты зелеными плетями винограда, что упорно карабкается до самых крыш, стараясь закрыть даже окна.

На редких перекрестках высятся груды огромных камней, из-под которых бежит родниковая вода. Иногда прохожий оmyвает усталые ноги в этих хрустально-чистых струях, абсолютно равнодушный к тому, что реальная власть в городе принадлежит не тцарице, а некоему

колдуну. Тут же выются и деловито жужжат пчелы, предпочитая пить из бегущей струи и только в совсем уж отчаянном положении довольствуясь стоячей.

Ютланд осторожно посматривал по сторонам, плодовых деревьев столько, что чувствует себя в саду, а домики выглядят робко, словно попавшие сюда нечаянно. Деревья здесь хозяева, да и не только деревья, вон трава забралась даже на крыши, растет там свирепая и злая, первая встречает солнце, ветер и капли живительного дождя!

Аксиал вытянул руку:

– Вон там дом моего старого друга!

Хорт посмотрел на него внимательно и побежал в ту сторону. Аксиал удивленно повертел головой.

– Казалось бы, безмозглая тварь, а понимает!

– Почему безмозглая, – обиженно сказал Ютланд.

– Извини, все так говорят, – сказал Аксиал. – Но у тебя хорт... это в самом деле еще щенок?.. просто умница.

Ютланд промолчал, город выглядит мирным, сытым и благополучным. Может быть, под жестокой властью колдуна, безжалостно истребляющего преступников, народу живется привольнее, чем под рукой более добродушных и милосердных правителей.

В доме старого друга Аксиала их встретили со смесью радости и настороженности. Женщины вышли, поздоровались и тут же исчезли, чтобы больше не показываться, дальше принимал только хозяин, тучный и лоснящийся довольством немолодой уже мужчина, назвавшийся Тугарином, сразу похвалился, что он уже дважды дед, вот внучке четыре года, а внуку пять месяцев, Аксиал тут же горячо поздравил.

Ютланд подумал и тоже вяло сказал, что ага, как здорово, надо же, если так принято, да и в самом деле Тугарин не смотрится дедом, под слоем жирка чувствуются мощные и тугие мышцы.

На столе появлялось жареное, печеное, вареное, все со специями, разжигающими аппетит горькими и пряными травами. Для Ютланда почти в диковинку, он ел их сперва потому, что надо, потом разохотился, и взгляд Тугарина потеплел, все любят, когда гости не откушывают, а лопают, а еще лучше, если жрут.

Когда принесли в конце травяные отвары, а также легкое вино, Аксиал начал расспрашивать о правлении Серого Чародея, сильно ли угнетает простой народ, как на узурпацию смотрят другие города, но Тугарин лишь сдвинул плечами.

– Спроси чего проще, – предложил он. – Как будто овцам не все равно, кто их стрижет!

– А знатные люди?

Тугарин покачал головой.

– Даже им все равно. Их интересы он нигде не задел, понимаешь?.. А Ясная Зорька не сумела ни прорасти родственными корнями в их среду, ни завести крепкую дружбу. А Серый Чародей городу даже пользу принес...

– Какую?

– При нем все ворье притихло, – сообщил Тугарин. – Он как-то заранее знает, когда замышляется ограбление, и когда воры прибывают на место, их там уже ждет стража. После того, как повесил десятка два самых дерзких и неуловимых, остальные то ли пошли работать, то ли перебрались в другие города. А что вам там дался этот Серый Чародей? Не все ли равно, кто правит? Да по мне пусть бы даже дивы его захватили, лишь бы нас не трогали и жить не мешали!

Аксиал к удивлению Ютланда поддакивал, кивал, поднимал чашу с вином в знак полнейшего одобрения, но все косил блудливо в сторону открытой двери, где иногда мелькают женские платья.

Ютланд спросил наконец сам:

– Серый Чародей живет во дворце? Там же, где и правительница?

Тугарин кивнул.

– Там... Постой-постой, что-то ты чересчур какой-то... Тебе сколько стукнуло?.. Правда?.. А такой серьезный, что просто мухидохнут. И смотришь волком. Вы что-то пришли у него просить?

Ютланд не успел открыть рот, Аксиал толкнул его под столом и сказал с веселым смехом:

– Не совсем.

– А что?

– Наоборот, дать.

Тугарин хохотнул.

– А-а-а, тогда все в порядке. Серый Чародей подарки любит! Только если не то принесли, он будет лют... Он только взглянет на кого, сразу видит насквозь...

– Гм, – сказал Аксиал, – тогда это не годится...

– Так что все-таки задумали?

Аксиал сказал невинно:

– Да вот замыслилось нам явиться к нему и побить всю посуду на столе, ха-ха!

Тугарин тоже расхохотался.

– Да, хорошее желание. Посуду в чужом доме бить так приятно! Плохо, что иногда зачем-то бьют и в твоём. Да только к Серому так просто не зайдешь.

– А как не просто? – полюбопытствовал Аксиал.

– А никак, – объяснил Тугарин.

– Что так?

– Посетители ему не нужны, – сказал Тугарин, – он и так узнает, что у него в городе. И вообще ему его нечестивое колдовство больше нравится, чем поклоны придворных подхалимов. Он и правителем стал для того, как говорят, чтобы больше возможностей для занятий черной магией было.

Аксиал сказал задумчиво:

– Значит, во дворец никак?

– Дворец охраняют чародеи попроще, – сказал Тугарин снисходительно, – но все же достаточно могучие... А как же иначе? Правитель должен держать между собой и народом охрану. Все пространство перед дворцом просматривается во все стороны. Муравей не проползет незамеченным!

Аксиал вздохнул.

– А как же туда попасть?

Тугарин весело заржал.

– Все еще не отказался от идеи лично поклониться Чародею?

– Ага, – сказал Аксиал, – поклониться.

Молодая женщина внесла новый кувшин с вином, игриво стрельнула в Аксиала хитрыми глазами и ушла, вихляя бедрами. Аксиал не успел даже рот открыть, не то что заикнуться насчет того, чтобы налить гостям собственноручно.

Тугарин сказал ехидно:

– Есть один путь, но он тебе не понравится.

– Что за путь?

– Через тюрьму, – сказал Тугарин с издевкой.

Аксиал зябко передернул плечами.

– Нет, благодарю.

– Я ж говорил!

Ютланд посмотрел на одного, на другого, Тугарин вроде бы намекает на что-то конкретное, поинтересовался осторожно:

– Через тюрьму... это в каком смысле?

Тугарин хохотнул.

– В прямом, – ответил он. – Смотри в окно, видишь на той стороне площади мрачное здание из крупных камней? Набито сверху донизу, еще и под землей четыре этажа с темницами. Говорят, Серый Чародей туда приходит подземным ходом ежедневно. Вернее, еженощно. Вроде бы сам любит пытать и медленно убивать пойманных с поличным преступников, дабы другие боялись и не преступничали, но я думаю, что таким способом увеличивает свою мощь некроманта.

Ютланд подумал, лицо стало мрачным, поднялся, злой и собранный.

– Тогда не будем медлить.

Аксиал смотрел с недоумением, потом вскрикнул:

– Что?.. Ты с ума сошел! Я не собираюсь попадать в тюрьму!

– А я и не просил, – ответил Ютланд. – Аксиал, ты и так сделал для меня больше всех людей на свете. Дальше я сам.

Он снял с пояса дубинку, поставил ее стоймя в угол. Аксиал качал головой, а Ютланд быстро вышел из комнаты. Тугарин в недоумении посмотрел на Аксиала.

– Что с твоим слугой? Какие-то странные у него шуточки...

– А у него на месте юмора вообще пропасть, – сказал Аксиал горько. – Мрачный, будто всех на свете потерял.

Конь спал, тихо похрапывая, хорт поднял голову и очень внимательно посмотрел на Ютланда.

– Спи-спи, – произнес тот шепотом и прошел мимо.

Хорт уронил голову на лапы и заснул снова, только на этот раз по-щенячьи свернулся в клубочек.

На улице тепло и солнечно, открыты все лавки, народ выглядит мирным и ленивым. Городская стража еще не попадалась, если страшная слава Серого Чародея действует лучше их копий, то можно и посидеть в корчме вместо унылого хождения по улицам.

Никто не выглядит несчастным или угнетенным, Ютланд вспомнил слова Тугарина насчет беспощадности Серого Чародея к вора и разбойникам. Простым людям, как и торговцам, всегда есть что терять, но лев мышей не давит, мирными да спокойными чародей не интересуется...

На одном перекрестке двое музыкантов устроили представление, народ окружил их плотной толпой. Ютланд остановился и прислушался. Один из играющих на дуде отнял ее от губ и запел красивым чистым голосом, лицо обращено к небу, а слова показались Ютланду знакомыми...

Он стоял и слушал рвущую душу песню, сердце застучало чаще, кулаки сжались до скрипа, а в глазах начинали закипать злые слезы.

Эти песни, как говорят, поют в Куявии, в Вантите и даже в Славии, хотя насчет Славии никто ни в чем не бывает уверен, никто не заходил в ее леса дальше самого краешка. И только в Артании знают, что их сложил неистовый Придон, обезумевший от дикой и непонятной любви к дочери куявского тцара.

Мудрые старики сказали как-то горько, что от Придона остались только эти песни, их распевает весь мир, но даже не знает, кто их сложил. То, что их великий Придон сумел разгромить Куявию, завоевать ее и поставить свой победоносный шатер в центре городской площади стольного града Куябы как символ победы, постепенно забудется, а вот песни будут звучать и в таких далеких землях, где даже не слыхали ни о какой Куявии или Артании, и даже вообще о великом и грозном Троецарствии.

В народе откровенно всхлипывали, вытирали слезы, девушки рыдают, ухватившись за своих парней, а те стоят молча и сурово, они же опора, но в глазах блестит такая же влага.

Ютланд напомнил себе о своей великой цели, с трудом заставил оторвать подошвы от брусчатки улицы и пошел к стороне городского центра.

На главной площади идет шумный праздник, звучит музыка, парни и девушки танцуют, славят вступление некого Анемаса в Союз Светлых, поздравляют, вешают ему на шею венки.

Ютланд медленно пробирался через ряды танцующих, из разговоров гуляк слышал, что Бен Гиют отказался от профессии рыбака, у Лелика проблемы с законом, но подпадает под прощение, а вот Николаха вряд ли помилуют, Сантанка стал сторонником Братства Непобедимых, выполнив все трудные задания, а хитрый Амма сумел войти в Гильдию Торговцев...

Дальше Ютланд не слышал, пробираясь все дальше, но на выходе с площади его перехватил вербовщик, уже сильно выпивший, обрюзгший ветеран многих битв, видно по шрамам на его лице, обнаженным плечам и рукам.

– Мальчик, – закричал он жизнерадостно, – о, да ты уже почти готовый боец, только мяса нарастить тебе на кости, но это мы быстро!.. Не желаешь поступить в отряд героев?

Ютланд скривил лицо.

– Я думал, – сказал он хмуро, – по мне видно, что я еще не могу брать в руки оружие.

– Да? – удивился вербовщик, но Ютланд видел, что тот хитрит. – А с виду тебе уже давно четырнадцать, а то и пятнадцать!.. Ты силен и крепок, я вижу, какие у тебя жилы. Но я зову не сражаться, будешь пока носить щиты ратоборцам, следить за их конями, а когда исполнится четырнадцать – уже будешь все знать и уметь!

Ютланд покачал головой:

– Нет.

Вербовщик продолжал тем же громким голосом глашатая, обращаясь к Ютланду, но считывая, что слышат и другие:

– Не спеши отказываться! Сейчас не можешь брать меч в руки... завтра сможешь. Но и без него у тебя есть шанс добыть для себя и для своей Артании легендарный меч Хорса, за который ваш великий Придон заплатил такую цену!.. Возможно, твой удар палкой будет последним, что прикончит последнего охранника Меча! А с мечом Хорса сможешь сойтись в двобое с самим Ящером!.. Да что там Ящером, все Старые Боги будут на равных с тем, у кого у руках окажется этот меч!.. Пойми, ты увидишь насколько мир огромен, ты сможешь побывать в таких местах, которые сейчас и представить просто не можешь!

Ютланд кивнул.

– Да, наверное... Но сейчас у меня другая цель.

– Какая? – спросил вербовщик заинтересованно. – Может быть, могу помочь?

Ютланд сказал сумрачно:

– Я ищу всадника на большом черном коне, что дышит огнем, глаза горят, как раскаленные угли, из ноздрей бьет пламя, а ржание его подобно грому... Еще с ними большой хорт, такой же черный и ужасный.

Вербовщик поморщился, сразу поскущел.

– Какие страсти говоришь, – сказал он неодобрительно. – Всадник, наверное, под стать своему коню?

Ютланд кивнул:

– Да. Лик его ужасен.

Вербовщик покачал горловой.

– Сомневаюсь, что кто-то тебе сумеет ответить. Иди к Серому Чародею. Если он ответить не сумеет, то больше никто.

– Спасибо, – сказал Ютланд. – Но, говорят, к нему пройти никому не удастся?

– Точно, – согласился вербовщик, он уже потерял всякий интерес к мальчишке и шарил взглядом поверх голов, высматривая среди захмелевших парней кандидатов в воинские группы. – Он сам выбирает тех, с кем... общаться.

Ютланд кивнул и пошел дальше, народ пугающе чуждый, и он держался в нем гордо и независимо, плечи развернуты, взгляд прям, но сердце сжималось и от того, что в чужом городе, нет даже знакомых лиц, не то что родни, и что, похоже, нет другого пути попасть к Серому Чародею, как последовать совету Тугарина, хотя то был не совет, а шуточка.

Ребенок делает то, что ему хочется, вспомнил он слова Рокоша, а мужчина – что нужно. Даже если очень-очень не хочется...

Глава 16

Он свернул на соседнюю улицу, оттуда доносится бодрящий рокот, азартные голоса торгующихся, открылась небольшая площадь, так плотно заставленная лавками, что пробираться между некоторыми проходится боком.

Ютланд вышел в ряд, где на лотках разложены сочные спелые яблоки, булочки, спокойно взял с ближайшего самую поджаристую и начал хладнокровно есть. К нему подбежала лохматая собачонка, заискивающе вильнула хвостом.

Ютланд разорвал булку пополам и бросил ее псине. Торговец смотрел выпученными глазами, заорал, выскочил наружу, однако Ютланд не убегал, напротив, взял сдобную булочку побольше и тоже бросил собачонке. Она поймала на лету и, чувствуя беду, умчалась прочь.

Торговец ухватил Ютланда за плечо, поднял крик, еще двое прохожих схватили наглого мальчишку за руки и плечи.

– Вор!

– Да еще такой наглый!

– Вешать их надо сразу, а не руки рубить!

Расталкивая народ, протиснулись двое дюжих стражей в кожаных доспехах, огромные и устрашающие одним своим видом.

– Кто вор? Ты вор?

Ютланд сглотнул последний кусок и объявил:

– Это лавка моего отца. Этот человек обманом завладел ею.

Торговец завопил:

– Что за ложь? Это лавку я сам и строил!

Начальник стражи посмотрел на него, на Ютланда, снова на торговца.

– Я тебе верю, – сказал он торговцу, – но если вор сразу не признается, завтра утром его ждет, как и других, суд. А там не отделается отрубленной рукой.

Торговец крикнул Ютланду:

– Ты слышал? Лучше признайся сейчас!

– В чем? – спросил Ютланд.

– Что украл! – закричал торговец. – Тебе всего лишь отрубят руку! Не губи свою жизнь!

– Ты хороший человек, – сказал Ютланд.

Ему скрутили руки за спиной, потащили прочь. До тюрьмы недалеко, запястья занеметь не успели, а его уже затолкали в темное подземелье, там приняли угрюмые тюремщики и повели узкими коридорами ниже и ниже.

Наконец заскрипела металлическая решетка, за ней видно с десятков мужчин на охапках гнилой соломы, запах зловонный.

Ему развязали руки и с силой толкнули в спину.

– Наслаждайся до завтра.

Он упал со ступеней, растянулся на полу и ждал, пока решетка перестанет звенеть, а шаги тюремщиков затихнут.

Первое, что он услышал, довольное сопение совсем рядом, смешок с другой стороны. Медленно поднялся, в темнице двенадцать человек, одни худые, изможденные, другие совсем свежие, явно схваченные недавно, с яростным блеском глаз и раздувающимися в гневе ноздрями.

К нему неспешно приблизился огромный мужик, настоящий гигант, черная борода от самых глаз, осмотрел его критически.

– Кожа да кости... Но ничего, сойдет.

Ютланд спросил настороженно:

– Для чего?

Одни захохотали, некоторые скривились, а гигант сказал с насмешливым сочувствием:

– Ты такой молоденький... Как тебе не повезло, малыш.

– Почему?

– Ты заперт с такими, как мы.

Он подошел ближе и опустил громадную ладонь на шею Ютланда. Пальцы почти обхватили ее целиком.

– И что? – спросил Ютланд.

– Тебе придется делать то, – сказал гигант почти ласково, – что мы велим. И никто не придет на помощь, кричи не кричи.

Ютланд положил свою ладонь поверх пальцев гиганта, не давая тому их убрать, а другой рукой с силой ударил по локтю. Раздался треск, словно переломили небольшое деревцо. Рука неестественно изогнулась в другую сторону.

Гигант вскрикнул тонким поросычьим голосом. Обломок кости пропорол мясо и высунулся наружу, зазубренный, окровавленный и страшный.

– А это для равновесия, – сказал Ютланд.

Гигант вскрикнул снова, когда снова страшно затрещало, вторая рука изогнулась в локте и бессильно повисла. Кость точно так же пропоролась плоть и высунулась на свет, ощерившись острыми обломками.

Ютланд обвел мрачным взглядом заключенных.

– Это не я, – проговорил он тихим, словно говорила сама смерть, голосом, – заперт с вами. Это вы заперты со мной!

Гигант скулил, как мелкая побитая собачка, потащился в угол, как-то сел и продолжал повизгивать, пытаясь остановить кровь. Ютланд обвел всех мрачным взглядом, его начало трясти, но он сделал пару глубоких вдохов и удержал ярость на поводке: рано давать ей выход, рано.

– Здесь есть люди, – спросил он прерывающимся голосом, – или только такие же мелкие шакалы?

На него смотрели кто с испугом, кто с интересом, один молодой парень даже с восторгом. Он и ответил первым:

– Меня зовут Долтон. Я здесь потому, что не успел в срок выплатить долг меняле.

– Тебя выпустят? – спросил Ютланд.

– Да, – ответил Долтон. – Как только верну долг.

– Ты вернешь?

– Конечно!

Ютланд сказал громко:

– Тогда не годишься. А есть тут такие, кого приговорят к смерти?

Один из сидевших под стеной сказал лениво:

– Ну я, а зачем тебе?

– Ты здесь за что?

– Проблемы с законом, – ответил мужчина. – Меня зовут Тамриэль. Если что-то есть на уме, зови. Мне терять нечего.

Ютланд спросил яростно:

– Есть тут еще такие, кому тоже терять нечего?

Несколько головой из разных концов отозвались:

– Ну, есть...

– Есть...

– Мне уж точно нечего...

– Если что, я здесь...

Ютланд молча слушал, рассматривал всех, наконец сказал негромко:

– По слухам, сюда приходит по ночам чародей, чтобы выбирать жертву для своих колдовских обрядов. Где этот ход? Я не вижу.

Тамриэль сказал хмуро:

– Вон в той стене отодвигаются камни. Но сперва оттуда выходят закованные в железо настоящие гиганты... Так что и не мечтай сквозь них прорваться.

– И не мечтаю, – ответил Ютланд. – Ты прав, тогда у нас шансов не будет. Зато есть сейчас, когда те гиганты спят или пьют. Какие именно камни?

Тамриэль поднялся, очертил пальцем по стене невидимую дверь. Ютланд приблизился, ощупал холодные сырые камни. Все одинаково крупные глыбы, человеку не поднять и даже не сдвинуть. Явно их двигают по несколько человек.

Все следили, как он пытался подцепить края, наваливался всем телом, упирался ногами так, что скрипел пол.

– Слышите, – прохрипел он наконец, – дует!.. Это здесь.

Тамриэль подошел и подставил плечо. Лицо его побагровело, когда уперся в камень, дыхание стало сдавленным. Подошли еще двое, Ютланд задержал дыхание и жал плечом изо всех сил, чувствуя, как под ногами каменная плита начинает погружаться в твердую землю.

Легонько скрипнуло, щель расширилась, оттуда потянуло сильнее холодным воздухом с примесью изысканных ароматов. Заключенные уже вскакивали и давили изо всех сил не на стену, места нет, а на Ютланда и Тамриэля.

Каменные глыбы медленно пошли в сторону, начал мерно поскрипывать некий поворотный механизм. Когда проход стал достаточно широким, чтобы пройти крупному человеку, Ютланд остановился, и все отодвинулись.

Он вернулся к скулящему в углу гиганту, с силой ударил ногой. Голова глухо ударилась о стену, череп треснул, как глиняный горшок. Гигант затих, уронив голову на грудь.

Все с ужасом смотрели на Ютланда, а он пояснил холодно:

– А вдруг бы поднял крик и вызвал стражу?

Никто не проронил ни слова, а он шагнул в тайный ход, обернулся:

– Мы можем все погибнуть. Но можем и победить.

– Погибнуть, – возразил Тамриэль, – это совсем не то, что сложить голову на плахе. Я иду с тобой. А то и впереди тебя.

– И я, – сказал рядом с ним мужчина с живыми глазами. – Меня зовут Краз.

– А я Дигарн, – сказал третий, – я иду с тобой.

– Я Нанекс, – сказал четвертый, – я с тобой.

Вызвались также Гноми, Медный Страж, Геокс, трое смолчали, но когда Ютланд двинулся по ровному и хорошо уложенному камнями проходу, он с некоторым недоумением увидел идущего следом за Тамриэлем молодого Долтона.

– А тебе зачем рисковать?.. Тебя все равно выпустят.

– Обидеть хочешь? – спросил Долтон. – Да чтоб я отсиживался? Да мои предки в гробах перевернутся от стыда!

– Хорошо-хорошо, – сказал он успокаивающе, – не шумите, где-то должна быть оружейная...

Тамриэль сказал хмуро:

– Уже скоро. Там мы и поляжем.

– Или их положим, – сказал Ютланд. – Кто настраивается на поражение, как говорил мудрый дед... мой дед, тот проиграет точно.

Тамриэль усмехнулся, но смолчал, зато Дигарн спросил с недоумением:

– Если ты герой... а по замашкам ты он и есть... то как попал в эту выгребную яму?

– Захотелось, – буркнул Ютланд. – Надоели цветы нюхать.

Тамрюэль хрюкнул, но смолчал снова, только придержал Ютланда и взглядом указал на далекую дверь в левой стене.

Ютланд приблизился быстро, торопливо оглядел дверь. Массивная, обитая широкими медными полосами, открывается вовнутрь...

Он примерился, лихорадочно вспоминал рассказы старших братьев, что в таких случаях делали они, а у них всегда получалось, так почему бы и не...

– Будьте готовы, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал хоть и негромко, но властно. Они хоть и убедились в его силе, но прежде видят все-таки мальчишку. – Действуйте быстро, пока неожиданность с нами, а не против нас.

– Да уж, – сказал Тамриэль нервно, – постараемся... А может, пойдем просто мимо?

– Без оружия? – спросил Ютланд.

– Но как его достать...

– Достанем, – пообещал Ютланд.

Подземный ход не узок, двое пройдут рядом. Ударить в дверь плечом – ничего не выйдет, вес его слишком мал, однако если упереться спиной в стену напротив двери, то ногой легко достанет до двери оружейной...

Он уперся спиной, кровь зашумела в черепе, пошла нагнетать жар, он страшно скрипнул зубами.

– Поддержите, – прохрипел он измененным голосом, – поддержите меня...

Тамриэль и Дигарн первыми сообразили, ухватили его, не давая упасть. Ютланд уперся спиной и плечами в стену, а подошвами со страшной силой ударил в дверь.

Раздался звон, грохот, скрежет, а с потолка посыпалась пыль и мелкие камешки. Дверь влетела в оружейную, часть дверного косяка унеслась следом, расщепленное дерево ощерилось свежим разломом.

Тамриэль и Дигарн, уронив Ютланда на пол, ринулись в оружейную, однако их опередили Долтон и еще двое.

Ютланд вскочил, вбежал следом, ухватил дверь, что легла на стол, оглушив четверых стражников, принял на ее поверхность три брошенных дротика и два ножа, а Тамриэль, Дигарн, Долтон и другие, расхватав оружие, быстро и беспощадно порубили сонных стражников, тут же начали хватать развешенные на стенах доспехи и торопливо облачаться.

Тамриэль спросил Ютланда:

– Что возьмешь? Смотри, какой меч!

Ютланд покачал головой.

– Мне нельзя...

Тамриэль сперва вытаращил глаза, потом понял:

– А-а-а, ты из Артании!.. Что у вас за такие законы...

Ютланд оглядел всех, уже смотрят, как на жоака, и не скажешь им, что самому страшно от того, что не знает, что сказать дальше.

– Надо спешить, – сказал он. – Наша цель – отыскать и убить Серого Чародея!

Все затихли, кто-то испуганно охнул, а Тамриэль спросил нерешительно:

– А может... просто вырваться на свободу и разбежаться?

Долтон сказал по-взрослому:

– Из дворца так просто не вырвешься. Артанин прав, у нас только один путь. Если не убьем чародея, то хоть о нас поговорят... а если убьем, это решит все. И даст нам свободу.

– И не только свободу, – сказал Дигарн с надеждой. – Вот только дожить бы...

Ютланд повернулся и пошел быстро по туннелю. Не оборачиваясь, слышал сзади топот множества ног.

Под городской площадью, как он прикинул, караульная тюрьмы, а примерно под воротами дворцового сада попала еще одна дверь, Тамриэль озабоченно пожал плечами, Ютланд

подумал и решил рискнуть, шепотом велел идти как можно тише, сам выждал, прислушиваясь к звукам за дверью, а когда шаги затихли, догнал всех и снова пошел впереди.

Тамрюэль спросил сзади шепотом:

– А ты знаешь расположение комнат в дворце?

– Нет.

– Эх, – сказал Тамриэль, – ладно. Только ты зря с голыми руками.

– Что-нибудь схвачу, – пообещал Ютланд.

– Успеть бы...

– Мы должны двигаться быстрее их, – сказал сзади Долтон. – Неожданность с нами.

– И против них, – сказал Дигарн.

Воздух потеплел, запахи дорогих притираний стали сильнее и отчетливее. Ютланд старался не показывать, что его бьет дрожь, руководить другими еще не приходилось, но здесь все так легко согласились, что ими командуют, явно привыкли быть ведомыми.

Тамрюэль прошептал:

– Вон та дверь...

За их спинами Долтон сказал тихо:

– Чую, это уже последняя.

– Сейчас, – произнес Тамриэль сдавленно, – или никогда.

– Тогда сейчас, – сказал Ютланд.

Он разбежался и ударился в дверь плечом, чувствуя, как все тело налилось горячей тяжестью, а кровь превращается в расплавленный свинец.

Дверь разлетелась в щепки, он упал на роскошный мраморный пол в узорах и покатился, а через него перепрыгивали и бежали со всех ног заключенные, уже с оружием в руках, а кое-кто и в доспехах.

Небольшой зал пуст, в дальнем конце широкая лестница ведет наверх, ступеньки усланы ковровой дорожкой, перила из дорогого дерева покрытого лаком.

Дигарн бросился по ступенькам, прыгая сразу через две, но наверху остановился, оглянулся со странно беспомощным выражением на свирепом лице. Ютланд обогнал, на самом верху еще дверь, но распахнулась от сильного толчка, жалко звякнул сорванный засов.

В комнате мощно пахнет женскими притираниями, воздух горячий, на широких диванах с десятков полураздетых женщин, из мужчин только слуги вдоль стен, одинаковые, неподвижные, каждый с широким подносом в руках. Все ожидающе поглядывают на полуоткрытую дверь в следующий зал, откуда доносится музыка, веселые голоса, у каждого на лице готовность ринуться туда по первому окрику.

Дигарн пронесся вдоль стен, опрокидывая светильники. Масло разливалось широкими лужами, сразу вспыхивало, а с ним загоралась моментально обивка стен, ковры.

Тушить ринулись с криками даже те, кто должен был с оружием в руках защищать дворец от нападения, если сторит дворец – погибнут все, а группа нападающих прорвалась в следующий зал, где с их появлением оборвалась музыка, танцующие полуголые женщины замерли в странных позах, а потом разом поднялся визг, крик, раздались дикие вопли, все бросились в стороны, сбивая друг друга с ног.

– Вот он! – победно закричал Тамриэль.

Он вскинул меч и ринулся через замерших на ложах знатных вельмож. Ютланд видел, как человек на самом дорогом ложе сделал небрежное движение кистью руки, и Тамриэля швырнуло через весь зал. Долтон умело метнул дротик, однако тот лишь коснулся груди чародея, тут же развернулся и понесся на Долтона.

Тот прыгнул в сторону, однако дротик задел плечо и, пробив кольчугу, пригвоздил его к стене.

Ютланд забежал сзади, прыгнул и, сдавив колдуна в объятиях, с силой прижал к себе.

Тот прохрипел:

– Ты... кто?

– Не узнал? – прошипел Ютланд люто. – Кто тебе сказал, что ты чародей?

Чародей процедил сквозь зубы:

– Ах, это ты, мальчишка... Ты не понял, с кем пытаешься бороться? Я великий маг и правитель здешних земель, известный здесь как Серый Чародей.

– А в других?

– Это тебе уже не узнать...

– И не надо, – согласился Ютланд. – Обойдусь. Что тебе от меня нужно? Кто велит меня преследовать?

– Велит? – переспросил чародей надменно. – Кто может велеть мне, самому могущественному во всех известных мне землях?.. Ты взял талисман, который должен принадлежать мне. Я чувствую... ха-ха... что ты принес мне его...

– Даже так?

– Он у тебя под рубашкой, – сказал чародей. – Спасибо за доставку.

– Не за что, – сказал Ютланд. – Только ты его не возмешь.

Чародей сказал победно:

– Возьму. И отныне никто меня не остановит!

– Уверен? – спросил Ютланд.

Голос чародея становился все сильнее, грудная клетка перестала сминаться под нажимом рук Ютланда, напротив – это его руки слабеют, чародей же явно откуда-то черпает силы...

Отчаяние, что проиграл так глупо, ярость, злость, сшиблись воедино. В глазах угрожающе быстро начала нарастать красная пелена.

Он закричал страшным голосом:

– Всем из дворца!.. Долтон, уводи людей!.. Сейчас!

Он еще успел услышать голос Тамриэля, затем багровый огонь ударил в мозг и затопил все.

Он ощутил дикую и необыкновенную свободу, ничем не скованную, сладкую и желанную, счастье быть свирепым и безжалостным...

...сильная усталость затопила тело, он ощутил запах гари, воздух, горячий от близости огня, тряхнул головой и увидел сквозь быстро редющий розовый туман в глазах чудовищные разрушения в зале, где не только столы, ложа и лавки превратились в щепы, но и от величественных колонн остались только пни, а мрамор разбросан по всему залу, везде кровь, тела изуродованы самым страшным образом, многие разорваны пополам, у других оборваны руки или ноги...

От чародея осталась только голова с расколотым черепом, где страшно зияет окровавленный провал, словно кто-то достал его мозг жадной пятерней...

Ютланд содрогнулся, торопливо вытер лицо, чувствуя во рту вкус теплой крови. В соседнем зале грохнуло, через дверной проем ворвалась широкая струя огня и жадно охватила ближайшую мебель.

Когда он выпрыгнул через окно во двор, там шум и гам. К изумлению Ютланда, бывшие заключенные не разбежались, а обезоруживают сдавшихся охранников дворца.

Среди них шумно орал и крикливо распоряжался высокий воин в красном плаще, Ютланд с изумлением узнал Аксиала.

Тот обернулся, глаза его радостно расширились.

– Ты... цел?.. Ну... мы и орлы, оказывается!

– А ты как сюда попал? – спросил Ютланд.

– Я был наготове, – сказал Аксиал гордо. – И когда что-то началось, я с Тугарином... вон он там, видишь?.. и с двумя орлами, которых подыскали за это время, ринулись во дворец с центрального входа...

К Ютланду подбежали Тамриэль, Долтон, Дигарн, Нанекс и другие, побитые, кое-кто ранен, но злые и очень довольные. За их спинами страшно полыхает дворец, народ сбежался со всего города, но все залезли на крыши своих домов, надо следить, чтобы какую горящую тряпку не занесло ветром, а дворец... это не их дело.

Часть 2

Глава 1

Через час он уже взобрался на Алаца, дубинку подвесил к седлу, а лук сунул в чехол за плечи. Аксиал взял его коня под уздцы и вывел на улицу.

Тугарин напрасно тыкал хорту в нос кусок жареного мяса, тот неотрывно смотрел на Ютланда.

– Спасибо, – сказал Ютланд, в груди защемило, странное чувство, никогда раньше не испытывал, – спасибо... что пришли на помощь. Аксиал, уж в этот раз тебя никто не заставлял идти, рисковать жизнью!..

– Никто, – весело согласился Аксиал. – Но разве мы не сумасшедшие герои?

– Теперь ты точно должен остаться, – сказал Ютланд, стараясь говорить серьезно и выглядеть взрослым. – Город без правителя, а это нехорошо. Пока не начались грабежи и беспорядки – берите власть в свои руки. Не ждите, когда придет тцарица... Пусть и дальше выращивает тюльпаны. У кого раз отобрали власть, у того будут отбирать всегда, как говорил дед Ро... мой дед.

Тугарин поинтересовался:

– А ты куда?

– У меня долгий путь, – ответил Ютланд.

Аксиал прокричал вдогонку:

– Только свистни, я примчусь!

– А если, – спросил Ютланд, – придется мчаться далеко?

Аксиал картинно улынулся.

– Что такое «далеко»?

Едва город остался за спиной, навстречу повеяло теплом прогретой солнцем земли, пошли волны запахов сочной травы, свежей зелени кустарников, древесного клея. С одной стороны потянулись ржавые пашни, затем почва стала суше, каменистей, дорога пошла на подъем, очень медленный, спокойный и такой уверенный, что Ютланд настроился так ехать до ночи, но перевал открылся неожиданно быстро, впереди гостеприимно распахнулась зеленая долина, и дорога ринулась туда с такой поспешностью, словно там могут не впустить, если опоздает.

Хорт несется впереди ровными механическими прыжками, ни разу не оглянулся, конь идет ровными галопом, с виду неторопливым, но никакой другой скакун за ним не угонится, а Ютланд перебирал мысленно все события с момента, как украл на рынке булочку, и до убийства Серого Чародея. Если не считать его безумия, все-таки сорвался, остальное на удивление удачно.

И то, что за ним пошли, а он командовал взрослыми мужчинами, и то, что сумел все решить быстро и правильно, – просто здорово. И если бы не безумие... правда, никто не увидел, а кто увидел – не выжил. По крайней мере все его товарищи тогда выскочили из дворца вовремя, подчиняясь команде, а потом увидели снова нормальным, когда он пришел в себя и выпрыгнул наружу...

Город вырос прямо на дороге, жадно проглотив ее широко распахнутыми воротами. Ютланд замедлил бег коня, хорт тоже пошел тише, всегда чувствует, у самых ворот обогнали телегу, доверху нагруженную глиняными горшками, а по ту сторону город распахнулся яркий, цветущий, весь в ровных рядах аккуратных домиков с красными черепичными крышами, небольшими, но богатыми садами в каждом дворе.

Он отыскал единственный постоялый двор, хорош, нашел хозяина.

Хозяин быстро поглядел на гостя, сказал замученным голосом:

– Все так, парень... Но прибыл большой отряд из самого Вантита!.. Везут их принцессу в Сколотию, это вообще где-то на другом конце света... Вантитские бере, у них они зовутся как-то иначе, заняли комнаты, а всякие беричи спят в сарае и на конюшне.

– Подумаешь, – сказал Ютланд.

– У меня такого позора еще не было! – воскликнул хозяин. – Чтоб я да всех гостей не разместил... Часть пришлось вообще по домам друзей распихать!

– Ладно, – ответил Ютланд. – Я могу и на земле, я артанин.

– Мешок с харчами дам, – сказал хозяин обрадованно. – Спать на земле не надо, иди во-о-он в тот дом, там моя родня, у них свободная комната. Правда, на чердаке.

– Хорошо...

– Скажешь, я послал, они все понимают! Покормят, выпишься, а утром будешь готов ехать дальше...

Городок бурлил слухами, гости из Вантита выглядят иначе, чем артане или куявы, да у них все иначе, от коней до одежды, а еще ожидается приезд гостей из какой-то дальней страны, называемой Сколотией, а здесь все они должны встретиться. В истории городка такого еще не было, чтобы сразу столько знатных гостей, все горожане высыпали на улицы и возбужденно судачат.

Ютланда приняли радушно, показали комнату, где будет спать, усадили за уставленный едой стол, а сами тут же на улицу, перемывать кости приезжим.

Ютланд подумал завистливо, что если у людей своих проблем нет, они жадно интересуются чужой, более насыщенной на их взгляд жизнью. А вот ему не до чужаков из Вантита или еще кого-либо...

Он вышел проверить, как там конь, хорт подремывает возле его стойла, сам Алац спит стоя, бросил пару горстей зерна в ясли, вернулся в дом и сразу же завалился в постель.

Снилось его последнее путешествие в Холодный Лес, а когда вынырнул из тяжелого сна, сперва решил, что все еще идет бой с крылатыми гарпиями: слышатся дикие крики, плач, а в окно полыхнуло багровое зарево пожара.

Когда понял, что всё наяву, подхватился, будто с силой пнули, сердце стучит в страхе и тревоге. За окном по улице прогрохотали копыта скачущего коня, мелькнул силуэт всадника, бросающего факел на крышу дома напротив. Следом пронесся целый отряд, алые отблески играют на вскинутых лезвиях мечей и топоров, воинственные вопли, крики испуганного люда, женский плач...

Он быстро оделся, подхватил дубинку и вышел в сени. Оттуда, приоткрыв двери, смотрел, как жители выбегают из домов и бросаются тушить дома, еще больше усиливая сумятицу и панику, мешая обороняться тем немногим, что выскочили на улицу с оружием в руках и пытаются встать в ряд.

Налетчики быстро и безжалостно рубили всех по пути, иногда врывались в некоторые дома, особо зажиточные, так что нападение, скорее всего, из-за богатой добычи...

Он видел, как из ворот постоялого двора выскочили трое в настоящих доспехах из железа, что закрывают с головы до ног, приняли бой с конными, сразу же двое нападавших вылетели из седел, но защитников забросали топорами. Упал один, пошатнулся второй, но третий рубился отчаянно и очень умело, четверо сползли с седел с разрубленными головами, а он бросился бежать к дому с разрисованным петухом на крыше.

Его нагнали новые двое, один занес над головой топор, однако вантиец ухитрился перехватить его руку и сдернул с седла, зато второй на скаку вонзил ему в спину копьё, что пробило металлический панцирь и вышло острием из груди.

Вантиец ухватился одной рукой за копьё, а другой замахнулся мечом. Ютланд не поверил своим глазам, когда тусклое лезвие развалило всадника почти до седла.

Шатаясь, вантиец попытался идти дальше, однако ноги подломились, он упал в двух шагах от Ютланда, древко копья торчит из спины на целый локоть.

Из рта хлынула кровь, он повернул голову, затуманенный взгляд отыскивал Ютланда. Губы шевелились, залитый кровью рот кривился в попытке что-то сказать.

Ютланд без охоты спустился с крыльца, последнюю волю умирающего надо чтить, некоторые говорят, что даже выполнять, хотя непонятно почему.

– Говори, – сказал он, – услышу.

Умирающий прошептал:

– В том доме Мелизенда... Это наше... сокровище...

По улице прогрохотали копыта еще двух запоздавших всадников. Один замахнулся копьем, целясь в Ютланда, Ютланд перехватил древко и с силой дернул. Всадник вылетел из седла, ударился о землю и затих.

Второй, что промчался уже мимо, быстро развернул коня, выхватил топор и с диким воплем понесся на мальчишку. Ютланд швырнул копье первого всадника навстречу.

Нападавший выронил топор, копье пробило его насквозь, а когда он рухнул рядом с первым, стало видно, что копье высунулось из спины.

Вантиец прохрипел:

– Не знаю... кто ты... но ты... можешь спасти Мелизенду...

Ютланд сказал недовольно:

– Кто такая Мелизенда?

– Принцесса из Вантита...

Ютланд поморщился:

– Зачем она мне?

– Отвези, – прохрипел умирающий, – отвези... обратно в Вантит...

Ютланд покачал головой, но умирающий ухватился за его пояс, Ютланд с недовольством отцепил его пальцы.

– У меня свои заботы.

– Спаси, – прошептал умирающий уже едва слышно, – и тебе откроется все...

Ютланд быстро оглянулся. Конники напавших уже промчались далеко вперед по улицам города. Встречных рубят безжалостно, везде крики, плач, отчаянные мольбы и жестокий глумливый хохот победителей. Дураки, подумал Ютланд хмуро, ясно же, что надо запереться в домах, прятаться в подвалах. Гибнут те, кто выскакивает на улицу, то ли драться, то ли спасаться бегством, будто от конного воина можно убежать.

– Забери ее, – прохрипел вантиец. – Я слышал, ты искал ответы... тебе все скажут в Вантите... И даже помогут...

Он упал лицом вниз, кровь хлынула из рта широкой струей. Тело дрогнуло и вытянулось. Ютланд оглянулся в сторону конюшни, крикнул громко коню и хорту:

– Ждите здесь!

Ответа не было, но он знал, что все поняли и выполнят. Он взбежал в тот дом, который указал вантиец, поскользнулся в спешке на мраморном полу первой комнаты, во второй тесно от изысканной мебели, роскошных статуй вдоль стен, а третья оказалась запертой изнутри.

Стучать он не стал, некогда, от сильного удара ногой доски затрещали и разлетелись в щепки. В глубине комнаты толстая женщина прижимает к себе нарядную девочку с длинными кудрявыми волосами цвета солнца на закате, голубоглазую и с пухлым ротиком капризного и очень избалованного ребенка, хотя на вид ему ровесница или почти ровесница.

Женщина вскрикнула отчаянно:

– Нет!.. Только не ребенка!

– Я увезу в безопасное место, – бросил Ютланд.

– Куда?

- Обратно!
- В Вантит?
- Да хоть и в Вантит...

Девочка уцепилась за женщину и сразу залилась слезами, та отчаянно прижимала ее к себе, на Ютланда смотрела со страхом, хотя он видел, что не считает его одним из напавших, возможно, видела, как он искал место на постоялом дворе.

– Отпусти, – велел он и грубо вырвал девочку из ее рук. – Позаботься лучше о себе... За конными могут прийти пешие, а эти будут врываться во все дома. Закройся на все запоры.

Женщина причитала жалобно, цеплялась за его одежду, однако он ухватил девочку и потащил к выходу. Она визжала и отбивалась крохотными кулачками. Он выскочил на крыльцо, конь и хорт еще на месте, но трое набежавших ратников из числа напавших пытаются ухватить коня за узду. Тот сперва мотал головой, потом просто поднялся за дыбы и обрушил на обоих острые и тяжелые копыта.

Третий не успел пикнуть, как конь повернулся к нему задом. Удар копыт был страшен: несчастного отшвырнуло через всю улицу и с такой силой шарахнуло в стену каменного дома, что с крыши посыпалась труха.

Ютланд поднялся в седло, не выпуская из рук девочки. Она все еще сопротивлялась, но уже без визга, просто тупо отпихивалась, он повернул коня в сторону городских ворот.

За спиной раздались крики:

- Задержать этого!..
- Это же Мелизенда?
- Он увозит принцессу!..
- Стреляйте в коня!
- Вперед, – прошипел Ютланд и наклонился, чтобы мишень для стрелков стала меньше.

Придавленная его грудью к конской шее девочка запищала. – Заткнись, дура.

– Я... не... дура...

Стрелы просвистели мимо, одна больно дернула волосы. В воротах еще нет стражи, но в город вбегают распаленные страстью наживы воины. Конь вломился в одну группу, почти всех свалил на землю, там вопили растерянно, никто не успел выставить перед собой копья, а Ютланд видел, как бегущий рядом хорт точно так же сбил с ног двух ратников и понесся длинными прыжками рядом.

Город остался позади, и хотя редкие всадники виднеются среди пеших воинов то здесь, то там, никто не погнался за одиноким подростком, удирающим из города.

Он повернул коня, некоторое время неслись через лес, девочка наконец сама прижалась к конской шее, спасаясь от веток, что бьют больно и стараются сорвать одежду. Ютланд увидел, как она пытается зарыться лицом в короткую гриву, словно в одеяло, усмехнулся презрительно, но коня пустил в просвет, где между деревьями проступил свет открытого пространства.

Лес остался за спиной, они вылетели галопом в степь. Копыта застучали чаще, конь перешел в карьер, ветер завыл в ушах. Мелизенда молчала и не дергалась, Ютланд даже подумал, что задавил нечаянно, но она повернула голову и взглянула на него с ненавистью.

- Ты... кто?
- Я не с ними, – ответил он.
- Ты вантиец? Один из слуг? Я тебя не видела!
- Нет, – сказал он.
- Тогда... почему? Хочешь получить выкуп?
- Он буркнул:
- Лучше молчи.
- Почему?
- Да что за тебя дадут? – ответил он. – Ты еще и коров доить не умеешь, да?

Она что-то прошипела молча и отвернулась. Ее пушистые волосы щекотали ему подбородок и горло, странное ощущение, не такое уж и отвратительное, совсем не отвратительное...

Некоторое время они уходили карьером, затем в стороне от дороги начала вырастать густая роща, деревья стоят плотно, ветви переплелись, что значит на конях туда не сунутся.

Ветер то и дело распушивал волосы маленькой принцессы, Ютланду приходилось смотреть поверх, но иногда их вовсе поднимало дыбом, и он видел мир сквозь странную золотистую дымку, нереальную и словно сказочную, где нет даже темных красок, а все светлое и солнечное...

Она неподвижно сидит впереди, свесив обе ноги в одну сторону, руками держится за теплую конскую шею с короткой гривой, плечом упирается в твердую грудь похитителя, лицо его вне поля зрения, разве что слегка повернет голову, но она не поворачивала, что-то в нем тревожит...

Но повернула, пересилив себя, она же принцесса, должна уметь повелевать, посмотрела строго и вопрошающе, однако этот пастушонок ничуть не смутился, буркнул негромко:

– Сейчас заедем в лес, переведешь дух. И подумаем, что делать дальше.

– Как что? – сказала она надменно. – В сам Вантит ты меня отвезти не сможешь, зато в состоянии передать любому встречному патрулю. Даже артанскому.

– Это упрощает дело, – буркнул он.

– И тебя наградят, – пояснила она милостиво.

Он буркнул:

– Главное, тебя так спихнуть, чтоб не отказались. А то будто у меня поважнее нет дел...

Она ахнула:

– Поважнее? Да какое дело на свете есть важнее? Я – принцесса!

– Тогда я принц, – буркнул он.

Она задохнулась от возмущения, а Ютланд молча и бесстрастно смотрел вперед. Чем ближе роща, тем огромнее и пугающе вырастали деревья, огромные и раскоряченные. Конь фыркнул и начал осторожно переступать через вылезшие из земли толстые корни, а самые высокие пришлось перепрыгивать.

Глава 2

Ютланд высматривал полянку, но подходящей не усмотрел, однако из-под одного могучего дуба журчит ручеек, земля в несколько слоев усыпана скорлупками желудей и чешуйками коры, а в кустах поблизости тихо и вроде бы ничего не ползает.

Он остановил коня.

– Здесь переведем дух, – сказал он, – и решим, что делать с тобой дальше.

Быстро соскочив, он протянул к ней руки. Она фыркнула и отвернулась. Он взял ее хрупкое тельце и, сняв с коня, поставил на землю. Макушкой ему как раз в подбородок, из-за чего ей пришлось задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо, но взглянула дерзко и бесстрашно.

– Ты кто?

– Ты уже спрашивала, – напомнил он.

– Но ты не ответил!

– Ответил, – сказал он. – Зовут меня... Ют. Пока этого достаточно. И еще... эту золотую цепь сними.

– Зачем? – спросила она задиристо, хотя прекрасно понимала, что ехать вот так с крупным бриллиантом на груди глупее не придумаешь. – Это красиво!

Он поморщился.

– Просто сними.

Она с неудовольствием наблюдала, как он принял из ее рук эту драгоценность и небрежно сунул в кармашек седла.

– Это стоит очень-очень дорого, – напомнила она. – За нее можно выстроить целый город!

– Или снарядить войско, – согласился он.

Он отвернулся и начал снимать заседельный мешок. Она возмущенно топнула ногой, но туфелька только провалилась глубже в рыхлую смесь измельченной коры и скорлупок.

– Позавтракаем, – сказал он.

Она сказала твердо:

– Я не желаю!

– Не желаешь, – сообщил он, – не ешь.

– А ты будешь сидеть, – спросила она с возмущением, – и есть? При мне?

Он поднял от мешка голову и смерил ее взглядом. Девчонка красивая, но слишком кукольная, изнеженная, ненастоящая. Крупные голубые глаза, длинные загнутые ресницы, маленький пухлый рот, как у ребенка, маленький носик, да еще и вздернутый, приподнятые брови, из-за чего на лице постоянное выражение удивления и некоего укора, будто он что-то не так сделал. Птичий щебечущий голосок, слишком тонкий, пищущий, капризное выражение на мордочке...

Ладно, потерпим. В деревне, где корчевал лес, он терпел намного больше.

Она в свою очередь рассматривала его с неприкрытым вызовом. Высок, широк в плечах, но еще не набрал достаточно мяса, как у взрослых мужчин, хотя кости массивные, а жилы везде объемные, толстые, что говорит о будущей или уже нынешней силе. Пластины грудных мускулов почти плоские, но уже очерчены будущие объемы, будет нечто громадное. Тонок в поясе, это понятно, еще мальчишка, ноги мускулистые, значит, не всегда в седле, приучен бегать и сам...

Но главное – лицо: бесстрастное, холодное, где ни одна черточка не двигается, глаза иногда просто сонные. Лишь однажды в них загорелся красный огонь, а радужка стала пурпурной, ее охватил тогда холодный ужас, будто посмотрела в глаза самой смерти, но он лишь стоптал конем загородивших дорогу напавших на город. Вырвались на простор, и глаза снова стали холодными и равнодушными, как у рыбы.

Ютланд разложил на чистой тряпице мясо, сыр и хлеб, опустился на землю и довольно потер руки.

– Тебе сколько лет? – спросил он внезапно.

– Двенадцать, – ответила она с вызовом. – Скоро будет тринадцать!

Он оглядел ее снова. Слишком много драгоценностей на слишком пышном платье, что делает ее старше, а на самом деле, оказывается, даже моложе на целый год.

– И такая дура, – сказал он сухо.

Она вскипела:

– Это почему же?

– Должна знать, что в походе даже тцары не капризничают. И жрут все, что попадается в дороге.

Она сказала капризно:

– Это что, я должна такое есть?

Он кивнул:

– Да.

– Я не хочу, – заявила она и гордо вскинула мордочку. – Я эту гадость кушать не буду!

Он сдвинул плечами.

– Как знаешь.

Она некоторое время с великим удивлением следила, как он ест с великим удовольствием, кости сочно хрустят на крепких, как у волка, зубах. Высосав сладкий мозг, он небрежно отбрасывал раздробленные осколки, смачно облизывал пальцы, брал, не глядя, другой кусок и снова хрустел с удовольствием и даже сладострастно, словно в нем пробуждался лесной волк.

– И что, – спросила она с великим изумлением, – ты не собираешься меня кормить?

Он снова сдвинул плечами.

– Это как, с ложечки?

Она выкрикнула:

– Как положено!

– Там еще остался кусок, – сказал он и указал взглядом.

– И что? – повторила она.

– Возьми, – сказал он равнодушно, – если хочешь. Пока я не взял.

Она заявила громче:

– Я это есть не буду!

Он поморщился.

– Не будешь и не будь, но зачем кричать?

Она взвизгнула:

– Но я изволю кушать! Я хочу есть.

– Так ешь, – буркнул он.

– Это, – повторила она отдельно, – я... есть... не... буду!

Он зевнул, закинул руки за голову.

– А зачем мне об этом сообщать? Болтливая ты какая-то... Хотя чего ожидать от женщины?

Она с великим изумлением смотрела, как он лег прямо на том месте, где только что ел, почти рядом с затушенным костром, подложил под голову седельный мешок и сразу закрыл глаза.

– Ты чего делаешь? – взвизгнула она. – Спишь?

– Думаю, – буркнул он. – Хоть можно бы и поспать...

Некоторое время он наслаждался тишиной, и вдруг она завопила отчаянным голосом. Ютланд вскочил, в руке палица, дико огляделся. Мелизенда, сидя у костра, отползает на заднице, упираясь в землю пятками.

– Что?

– Паук! – завизжала она. – Убей!

Он ответил раздраженно:

– С какой стати?

– Он меня укусит!

– С какой стати? – повторил он.

– Он... злой!

– Это ты злая, – ответил он. – Убийца.

Она, не веря глазам, смотрела, как он снова лег, укрылся походным одеялом и снова прикрыл глаза. А паук остановился на том месте, где она только что лежала, нагретое ее телом место понравилось, он прижался толстым пузом к земле и замер. Она рассердилась на бесчувственного пастуха настолько, что забыла про страх, цапнула сухую ветку и начала колотить по земле.

Паук вздрогнул приподнялся на всех восьми лапах и... опрометью ринулся в темноту. Она с сильно бьющимся сердцем опустила на землю, не выпуская ветку из рук. Этот молодой пастух дрыхнет, абсолютно уверенный, что спасти ее от злобного и ужасного паука занятие ниже его мужского достоинства.

Он вдруг спросил резко, не открывая глаз:

– Если ты принцесса из далекого Вантита... то как и почему ты оказалась посреди Артаннии?

Она поморщилась, вообще-то он должен сперва испросить у нее разрешения задать вопрос, но, похоже, этого дикаря хорошим манерам не обучить.

– По своей дурости, – ответила она неохотно. – Меня хотели отдать замуж за принца Антангал Золотое Стремя. Это в Сколотии, есть такое могучее государство...

Он перебил:

– Замуж? В двенадцать лет?

– Отдать замуж, – повторила она отдельно, – но не в двенадцать. В двенадцать решили обручить нас. Я сама настояла! Не хочу, чтобы выдавали замуж, как овцу, хотела сперва посмотреть на жениха. Если бы не понравился, я бы отказалась. Я – любимая дочь, единственная, отец меня очень любит! Он не стал бы принуждать.

Ютланд подумал, кивнул.

– Значит, ты поехала ему навстречу, чтобы встретиться на полдороге и посмотреть на него.

– Да.

– Посмотрела?

– Нет, – ответила она со вздохом. – Мимо нас то и дело проносились конные отряды артан... Когда мы прибыли в город, оказалось, что принц Автангал так и не появился, хотя должен был быть здесь раньше нас. Я даже не знаю, что с ним.

– Артания бурлит, – буркнул Ютланд. – Несколько кланов, что не участвовали в войне с Куявией, борются за власть... К Арсе пока не подступают, но в схватках друг с другом силы пробуют. Ты со своими берами попала между жерновов... Ладно, можно ехать дальше. Думаю, наш след либо потеряли, либо гнаться дальше просто неинтересно, есть и получше добыча.

Она фыркнула и надменно задрала нос. Он негромким свистом подозвал своего жутко худого коня, хорт перестал смотреть на нее недружелюбно и подошел к хозяину.

Ютланд вскочил в седло, нетерпеливо протянул руку. Мелизенда сделала вид, что не поняла.

Он сказал раздраженно:

– Дай руку! Или побежишь за конем?

Она вскипела:

– Почему это? Что ты за дурак?

– Дурак отказывается от протянутой руки, – бросил он, – а не протягивает ее.

Она нехотя подняла руку, еще придумывая, как посильнее уесть этого грубого мальчишку, а он ухватил ее за кисть, дернул к себе, и она неожиданно легко оказалась в его объятиях. Опешив, она уперлась в его грудь кулаками.

– Как ты посмел?

– Хочешь ехать сзади? – спросил он. – Хорошо, хорошо...

Она снова не успела вспикнуть, как он легко и просто пересадил ее себе за спину. Она от страха сперва обхватила его стан руками, потом опомнилась и крепко взялась за пояс.

– Уселась? – спросил он, не оборачиваясь. – Тогда вперед!

Конь шел настолько резво, что в полном безветрии Мелизенда ощутила, как встречный ветер свистит в ушах и треплет ее волосы. Ют сидит в седле ровно, словно скала, за его широкой спиной можно прятаться, как за стеной. Она рассердилась на себя за такую льстящую ему мысль, даже попробовала высунуться, но ветер едва не оторвал ей голову, а в рот надуло столько, что ощутила себя лягушкой с огромным животом.

Однако небо спокойно, мягко обрисованные облака почти растворяются в синеве, вдали проступают белые вершины гор, земля под копытами то сухо звенит, то отзывается дробным стуком. Иногда конь несется почти беззвучно, а следом за ними в воздух взлетают черные ковриги влажной земли, выброшенные копытами.

Однажды конь выметнулся на невысокий перевал в гористой местности, Мелизенда успела увидеть впереди роскошную степь с редкими островками деревьев, особо могучих и крепких, какие вырастают только в степи, а дальше только зеленый и ровный простор с редкими балками и оврагами.

Ютланд с разгону направил коня в рощу, но тот мудро сбавил ход, как только проскочил между первыми же деревьями. Мелизенда ощутила, насколько же здесь прохладно, могучие дубы с их роскошными кронами ухитряются не только обеспечивать тенью, но и держат тут свое особое лето, без зноя и иссушающего ветра.

Ютланд прыгнул на землю, снял ее бесцеремонно так быстро, что она не успела возмутиться, кивнул на стену зеленого кустарника в нескольких шагах.

– Там малина созрела. Иди пожри, пока я соберу костер.

– Принцессы не жрут, – возразила она с достоинством.

– А что?

– Кушают. Если изволят.

– Все равно сходи, – посоветовал он.

Она повернулась и пошла медленно и величаво, хотя уже хотелось побежать, чтобы донести.

Зеленая стена в самом деле оказалась роскошным малинником, спелые налитые соком ягоды свисают в таком количестве, что у нее разгорелись глаза, а некоторые, переспев, медленно сползают с восково блестящих штырьков и падают на землю...

Ютланд не то жарит на огне куски мяса, не то просто подогревает, не ее дело разбираться в кухне, оглянулся на нее с равнодушным любопытством.

– А чего морда красная?

Она потеряла рот ладонью.

– Во-первых, у меня не морда, это у тебя морда, хоть и худая, но все равно морда. Во-вторых, ты же сам сказал, что там малина. А малина поспела.

– А-а-а, – сказал он, – жрала, пока из ушей полезло?.. Правильно, ее сезон отходит.

– Куда отходит?

– В никуда. Мясо будешь?

Она брезгливо посмотрела на ломоть, грубо проткнутый деревянным прутком, совсем не похожим на спицу из серебра высшей пробы.

– Нет.

Вместо того, чтобы уговаривать, как втайне рассчитывала, он лишь сдвинул плечами.

– Как хошь. Мне больше будет.

Правда, все остальное не сожрал, но сделал еще обиднее: побросал противному хорту, а тот ловил на лету и сразу глотал с таким аппетитом, что ей захотелось самой перехватить еще в воздухе последний кусочек.

Она сжала кулачки и отвернулась, а он дожевал и сказал с тем же равнодушием:

– Во-он под тем дубом ключик. Если хочешь, умойся. Или тебе надо воду только подогреть?

– А здесь есть?

Он ухмыльнулся.

– Тебе не повезло, ходи немытая.

– Размечтался, – бросила она.

Ручья в указанном месте не оказалось, просто корни дорылись до тонкой струйки, бегущей под землей, и ей едва хватило сил, чтобы подняться к поверхности.

Мелизенда брезгливо зачеркнула пригоршней воду, но та в самом деле чистая, хотя и холоднющая даже в такой жаркий день, приятно обожгла разгоряченное лицо. Зеркала тоже нет, пришлось умываться вслепую, она долго терла щеки и губы, вымазанные малиной, наконец надменно вернулась к костру.

Конечно же, этот пастух не вскочил при ее появлении, не поклонился и не спросил насчет повелений, но это придется терпеть, он не вантиец и не обязан ей повиноваться. Правда, как говорила ее мама, любой мужчина обязан повиноваться красивой женщине, но он еще почти мальчик, так что пока еще не мужчина, как и она не женщина, хотя все говорят, что уже красавица, а во взрослости будет вообще чем-то неопишным...

– Жрать будешь? – еще раз спросил он.

– Сам жри, – отрезала она.

– Жру, – согласился он. – Ладно, как захочешь, скажи. Я не жадный.

Он шевелил прутиком в углях, время от времени поглядывал наверх, хотя там зеленый свод в несколько слоев, плотный и тяжелый, неба не увидеть, только толстые ветви, на которых что-то скачет, ползает и шуршит.

– Я уже отдохнула, – заявила она и капризно топнула ногой.

Он посмотрел на нее с интересом.

– Правда? Молодец. Тебя мог бы взять в жены кто-то из артан, если вырастешь такой же выносливой. Тогда едем дальше, мой конь может вообще без отдыха.

– А хорт?

– И хорт.

– А ты?

Он гордо ухмыльнулся.

– Разве мы не похожи?

Глава 3

Он подождал их свистом, конь примчался весело, что-то в нем совсем жеребячье, пастух легко поднялся в седло и протянул ей руку. Жест показался ей слишком требовательным, корчит из себя мужчину, потому подошла медленнее, чем собиралась, руку подняла неспешно и плавно...

Его пальцы грубо обхватили ее кисть, не успела вспикнуть, как оказалась за его спиной, и с минуту хлопала глазами, ухватившись за его плечи.

– Вперед, – сказал он, как она поняла, обращается к коню. – На Вантит, говоришь?

Она произнесла сквозь зубы:

– Ты спрашиваешь у коня?

– Зачем? – удивился он. – Конь и так все понимает. А вот ты...

– Я тебе не... На Вантит, конечно! Как будто есть еще страны!

– А это?

– Это просто земля, – объявила она.

– Мы будем в твоём Вантите раньше, – заверил он, – чем ты думаешь.

И больше не сказал ни слова, хотя долго мчались по тихой задумчивой долине, проскакивали между жестких холмов, на колючую траву нельзя смотреть без содрогания, затем снова сочная зелень хрустит под копытами, шелестит по брюху и стремянам, иногда задевает даже ее изящные башмачки.

Потом в бледно-прозрачном небе начали появляться розовые краски, облачка стали обретать мутно-фиолетовый оттенок, далекие горы тоже стали багрово-фиолетовыми, отделились и как бы повисли в воздухе, а внизу туманная мерцающая бирюза сумерек...

Конь сделал едва уловимый поворот, Мелизенда догадалась, что направляются в лес, нахмурилась, но промолчала. Возражать нужно, когда с тобой считаются, а вот так – умаление достоинства принцессы.

Когда деревья расступились, и лес принял их, она спросила в спину:

– Будем ночевать в лесу?

– Здесь все еще беспокойные земли, – объяснил он.

– А в лесу спокойнее?

– Да, – ответил он. – Ты не знала, что люди опаснее? И в города, в отличие от волков, они заходить не боятся?

Она восхитилась:

– Ах, какой ты умный!

– Еще не то услышишь, – пообещал он, – прежде чем я тебя удавлю.

– Я тебя удавлю раньше, – сказала она независимо.

Он соскочил на землю, протянул к ней руки, да снова так требовательно, что она задержалась и всерьез задумала прыгнуть сама, однако он перехватил и опустил на траву мягко, словно котенка.

– Я разведу костер, – сообщил он зачем-то, хотя это само собой разумелось, или считает ее совсем такой дурочкой, способной предположить, что всю ночь просидят в темноте. – А ты пока... побудь или прогуляйся не дальше вон того куста.

Сгорая от унижения, на этот раз даже не малину послал есть, она гордо вздернула мордочку и удалилась, а Ютланд быстро собрал упавшие сухие сучья и принялся стучать кресалом по кремню.

Мелкие искорки падали на собранные комья сухого мха, гасли, наконец одна сумела воспламенить тонкие ниточки, дальше вспыхнула береста, слабые огоньки побежали по тонким палочкам.

Когда Мелизенда вернулась, костер уже полыхал вовсю, а Ютланд с треском сдирал шкуру с крупного зверька. Она присела тихонько и наблюдала, как он короткими скупыми движениями разделал тушку, нанизал ломти мяса на тонкие прутики, когда только и успел их наломать и очистить от коры, такие растут только там, где она... только что искала несущестующую здесь малину.

Она стиснула челюсти и, развернув красиво плечи, надменно смотрела в пламя.

– Спать можно у костра, – сказал он деловито, – а можно вон в той яме.

– Яме?

– Яма не простая, – объяснил он.

– Чем?

– Там было чье-то гнездо, – сказал он довольно. – Звери натаскали туда мха...

Она покосилась в ту сторону. Гигантское дерево упало то ли от веса своей же кроны, то ли вывернуло ветром, но вместе с корнями ушла и немалая часть земли, яма не такая уж и глубокая, но какие-то звери там устроили логово, теперь покинутое.

– Я останусь у костра, – заявила она.

– Зачем?

– Я не зверь!

– Да? А мне показалось...

– Что тебе показалось, невежда?

Он сказал миролюбиво:

– Неважно. У костра так у костра. Вообще-то неплохой выбор.

В голосе было такое снисходительное одобрение, что ей тут же назло захотелось в яму на самое дно или же влезть повыше на дерево.

– Я всегда выбираю правильно!

Он хмыкнул, за что она возненавидела его еще больше, но смолчал, только медленно поворачивал над углями ломтики мяса, стараясь, чтобы на них не веяло дымом и не достигали язычки огня.

Над вершинками пронесся неожиданный ветер, ветки заколыхались, вниз посыпались редкие чешуйки коры, упала пара тонких сухих веточек.

Ютланд вскинул голову, Мелизенда видела, как сдвинулись брови, а руки стали двигаться медленнее.

– Это ветер, – объяснила она снисходительно.

– Правда? – спросил он. – Какая ты умная...

Он вышел из-под кроны дуба, стало видно, как темные тучи двигаются по звездному небу угрожающе быстро, сталкиваются краями, сминая кромки, доносится сухой треск. Луна бежит по ту сторону большого облака, изредка слабо просвечивая, обозначая, где сейчас, и подсказывая, когда и где выскользнет.

– Лучше в яму, – посоветовал он таким жутко спокойным голосом, что она бездумно юркнула в то самое покинутое звериное логово, куда даже смотреть не хотела. – Это недолго...

И хотя вроде бы успокоил, но она с ужасом ощутила, что послушалась моментально, безропотно, даже не пикнула, куда и делась ее женская независимость, достоинство принцессы, и сразу же возненавидела его страстно и люто, ну не может тупой невежественный пастух иметь над нею больше власти, чем она позволит! Вообще не должен иметь власти...

Ютланд медленно переходил от дерева к дереву, в руке дубинка, другой отводит от лица ветви. Мелизенда затаилась в ямке под огромным упавшим деревом, согнувшись в три погибели, а над ней возник хорт и предостерегающе оскалил зубы. Конь еще дальше, неподвижный, словно причудливо раскоряченное дерево с вросшими в землю ветвями, но в отличие от деревьев даже не раскачивается под порывами внезапного ветра.

С высоты донесся скрипучий крик, жуткий, полный голодной ярости. Мелизенда затряслась, ее помимо воли скрючило в комок, а Ютланд, оглянувшись, сказал тихим голосом:

– Не двигайся.

– Я даже не дышу, – прошептала она.

– И не чешись, – напомнил он. – Принцессы не чешутся.

Она зло оскалила зубки, но смолчала, сейчас этот мальчишка выглядит мужчиной, суров и уверен, взгляд прямой, брови сдвинуты, весь в готовности к схватке.

Голодный вой раздался ближе, Ютланд вышел из-за дерева и выпрямился в полный рост. Мелизенда замерла, а напротив Ютланда раздвинулись темные кусты, на залитую лунным светом поляну из черноты вышел громадный волк.

Он и выглядел как сама тьма, только белые зубы блестят да раскрытая пасть похожа на ковш с раскаленными углями, а Ютланд перед ним совсем мальчишка...

Волк прыгнул, Ютланд чуть сдвинулся в сторону. Мелизенда успела увидеть его вытянутые навстречу зверю руки, чересчур тонкие, чтобы остановить.

Оба упали, покатались, Ютланд обхватил чудовище, так они докатились до дерева и уперлись в ствол. Гарчание быстро перешло в хрип, Ютланд поднялся, отряхнул ладони и проговорил слегка задыхающимся голосом:

– Больше не побеспокоят...

Она вскрикнула, не веря в случившееся:

– Но их много! Еще воют...

– Это был вожак, – объяснил он. – Стая без вожака либо разбредается, либо начнет выбирать другого.

– А если другой...

– Это будет не сегодня, – оборвал он. – Ты спать собираешься?

Она хотела сказать, что после такого не заснешь, но он выглядит слишком уж надменным и заносчивым, и сказала с пренебрежением:

– Ну конечно! А что ты так долго возился? Подумаешь, какой-то полудохлый волк...

– Тогда ужинаем, – сказал он таким непререкаемым голосом, что она ощутила желание прибить его на месте, – и спим. Хорт и конь посторожат.

– А они что, – съязвила она, – еще и никогда не спят?

Он отмахнулся от ее вопроса, как от назойливой мухи, взялся за прут с нанизанным ломтиком мяса. Она ощутила одуряюще ароматный запах и, чтобы не ронять достоинство принцессы, поспешила закрыть глаза и сделать вид, что уже спит.

Ютланд проснулся на рассвете, свежий, бодрый и сразу настороженный, как чуткий зверь. Везде тихо, в ветвях дерева вовсю горланят хорошо выспавшиеся птицы, по стволу пробежала, часто цокая коготками, крупная белка с орехом за щекой.

Мелизенда лежит у самого костра, свернувшись в клубочек, маленькая и жалобная, совсем не та надменная и тупая дура, что донимала его вчера придирками. Пухлое детское личико осунулось, капризно надутые губы стали еще капризнее, но, пока молчит, это даже мило, румяные щеки потеряли цвет, сейчас просто бледно-серые...

Хорт принес здорового барсука, еще брыкающегося, Ютланд похвалил шепотом, быстро разделал тушку и заканчивал жарить на углях, когда Мелизенда вздрогнула и подняла веки с такими громадными длинными и загнутыми ресницами, что просто жутко. Глаза после сна показались ему еще огромнее, а синева в них ярче, чем в небе.

Говорить ему не хотелось вообще, а с этой капризной дурой тем более, но вспомнил, что он, как старший и как мужчина, должен быть приветлив и любезен, порывшись в памяти и буркнул:

– Ну, что снилось?

Она посмотрела с ненавистью.

– И не надейся!

Он пожал плечами.

– Не хочешь есть – не ешь.

– Что? – вскрикнула она с негодованием. – Это почему решаешь за меня? Или решил уморить меня голодом?

Он буркнул:

– Но ты же... вчера...

Она проговорила с непередаваемой надменностью:

– Вчера я не изволила! У меня не было аппетита. Я была занята высокими и печальными размышлениями о королевстве!

– Чего? – перепросил он. – Ты?

– А что? – отпарировала она. – В семье королей детей с колыбели приучают заботиться о королевстве и его подданных.

– Ага, – сказал он, – ну ладно, тогда заботься обо мне.

Она задумалась, во взгляде появилась нерешительность, затем победно сказала:

– Ты сам признался, что не наш подданный!

– Верно, – согласился он. – Так что мы на равных. Я не подданный, а ты никакая не принцесса. Для меня. Хочешь есть – ешь. Не хочешь – уговаривать не буду.

Она посмотрела сердито, еще с минуту выжидала, то ли надеялась, что он с поклоном подаст, то ли подумывала вообще отказаться, но голод пересилил, она протянула руку и величественно взяла прутик с нанизанным на него жареным кусочком мяса. Одурачивающий запах давно уже тревожил ноздри, а сейчас просто шибанул в них, она почти всхлипнула и с трудом удержалась, чтобы жадно не вгрызться, забывая о манерах.

Он наблюдал хмуро, как она брезгливо прикусила ровными красивыми зубками первый ломтик.

– Скажешь, – предупредил он, – что плохо прожарено, в следующий раз готовь сама.

Она в удивлении вскинула красиво очерченные брови.

– Я что, повариха?

– Я тоже не повар.

– Простолюдины все одинаковы, – заявила она, – и должны делать любую работу.

– Вот и делай, – сказал он равнодушно.

– Что-о?

Он пояснил злее:

– Я сдуру пообещал довезти тебя до Вантита. Я это сделаю быстрее, чем любой другой.

Она буркнула:

– На этом худом коне с его торчащими ребрами?

– Он показался тебе медленным?

Она хотела сказать, что да, просто черепаха, но решила, что это будет чересчур, конь неся, как ветер, и сразу будет видно, что она врет и говорит назло.

– Нет, – ответила она, – не такой быстрый, конечно, как у нас в Вантите все кони... но для этих диких земель... терпимо.

Он сказал раздраженно:

– Так вот, отвезу, но я не обещал кланяться. Если будешь дурить – просто придушу и поеду дальше. У меня своих дел хватает.

– А закопаешь в лесу? – спросила она ехидно.

Он удивился:

– Зачем закапывать?

Она умолкла, ела молча, хорошие манеры время от времени давали трещину, и тогда жадно вгрызалась в сочное мясо, глаза блестят, щеки порозовели, видно же, что не просто ест, а жрет, но когда вспоминала, что она – принцесса, тут же напускала на себя надменный вид, выпрямляла спину и начинала откусывать с гримаской отвращения.

Он молча злился, дурочка настолько уверена в своем величии, что не приняла его слова всерьез. А зря, он чувствует, как в нем привычно быстро поднимается ярость, бурлит, затем опускается, но никогда не ложится на самое дно.

Наконец она произнесла снисходительно:

– Ну какие могут быть дела у пастушонка? А вот мясо ты приготовил... не совсем плохо. Что ж, хоть что-то в жизни должен уметь делать? Наверное, это единственное, что тебе удастся.

– Может быть, – согласился он. – Но если тебе противно есть то, что приготовил я...

Она смерила его надменным взглядом, не устыдится ли, что такое брякнул, он ответил холодным взглядом, хотя внутри что-то прошептало насчет перегиба. Все-таки женщина, а что с дур требовать, как с людей, надо просто заботиться о них, невзирая.

– Воды я уже набрал, – сказал и добавил без необходимости: – Там ручей, вода чистейшая.

Она милостиво наклонила голову. Прутик держит обеими руками за противоположные концы и быстро-быстро обгрызает сочное горячее мясо острыми белыми зубками, поглядывая на него исподлобья, как мелкий хитрый зверек. Он с удивлением ощутил, что злость непривычно быстро испаряется. Ярость вообще затихла, едва успев подняться до опасной грани. Почему-то уже не сердится на эту пустоголовку, что то и дело втыкает в него колючки как степная роза, вся усеянная острейшими шипами. Пока доберешься до такой, весь исколешься, исцарапаешься...

И вообще трудно сердиться на того, кого великодушно кормишь, укрываешь и еще ни разу не бил.

Глава 4

Она аккуратно отложила опустевший прутик и взяла другой, где десяток ломтиков мяса еще и переложены горькими лесными травами, что придают жареному мясу особый привкус.

– Ты уверен, что еще не заблудился? Ты же не пастух даже, а так... пастушонок?

Он поморщился.

– Я же тебе уже говорил, – сказал он со скукой в голосе, – это наша последняя ночь в Артании... потом проскочим за три-четыре дня Куявию, а там за горным хребтом увидим и твой паршивый... как его там...

– Вантит, – подсказала она с негодованием.

– Ага, Вантут, – сказал он.

– Вантит! – поправила она строго и добавила с непередаваемым чувством гордости: – Это лучшее в мире королевство!.. И единственное в землях, полных дикости и всяких подобных дикарей.

Он отмахнулся.

– Да пусть будет хоть... Но сейчас мы в Артании! И здесь обычное дело то, что вы называете междоусобицей. Все постоянно нападают друг на друга, как только хоть чуть ослабевают власть тцара. А сейчас ее почти нет...

– Артания? – повторила она. – Кто не слышал про эту удивительную страну богов и героев... Я с детства слышала, что мужчины здесь все гиганты. Могут голыми руками задушить волка или медведя! На бегу догоняют оленей...

Он презрительно хмыкнул, она обратила на него надменный взор.

– Я помню, – произнесла она с неохотой, – ты вчера задавил волка голыми руками, если это мне не приснилось, но то был какой-тодохлый волк. Он уже пришел мертвым. А что оленя ты как-то догнал...

– То был хромой олень, – закончил он за нее.

Она оживилась.

– Да-да, точно! Я видела, как он хромал и бежал еле-еле!

– А потом он сам себя зарезал, – сказал Ютланд, – содрал с себя кожу и нанизался кусочками на этот вот прут. Да, я подтверждаю... Хотя, правда, мы жрем уже не оленя, а барсука... но какая разница?

Она нахмурилась, этот дикарь не стал спорить в лоб, а ее же слова умело поворачивает против нее же.

– Все равно, – заявила она с апломбом, – ты ничто против настоящих артан!

Он сдвинул плечами.

– Я разве спорю? Значит, ты отказываешься от этого мяса?

– Я так не сказала! – запротестовала она.

– Да? – удивился он. – А я думал, что отказываешься...

– С чего бы?

– Как-то совсем не по-принцессы, – обронил он, – жрать дохлого оленя. Ты во дворце наверняка все живьем глотаешь.

– Я не отказываюсь, – сообщила она надменно, – а великодушно принимаю твой дикарский дар, снисходительно понимая, что у тебя больше ничего нет. Я добрая и милостивая.

– Жри-жри, – ответил он. – Не торопись только, а то удавишься. Принцесса!

Она опустила ресницы, но рассматривала его пристально, стараясь, чтобы он не заметил ее внимательного взгляда. Похоже, этот пастух не позволит собой командовать, даже не сообщает, дурак, что от ее слова зависит, дадут ему большую награду за то, что привез ее, или же бросят из милости пару серебряных монет.

За спиной шелестнуло, она пугливо оглянулась. В дереве, под которым устроили ночлег, дупло такого размера, что там может поселиться семья медведей. А то и что-то пострашнее.

Вчера она полночи ждала, когда оттуда что-то вылезет страшное и сожрет их, но как-то незаметно заснула, сама даже не поняла, как это случилось.

– Почему у тебя такой худой конь?

Он буркнул:

– Я сам не толстый.

– И хорт у тебя, – сказала она с презрительной жалостью. – Он не больной?

– Не больше, чем ты, – сказал он враждебно. – У тебя тоже кости торчат, как у голодающей. Принцесс таких не бывает.

– А какие они?

Он подумал, ответил уверенно:

– Конечно, толстые и пышные! Целый день сидят у окна и жрут сало с медом.

Она скривилась.

– Фу, какая гадость...

Он, судя по его виду, уже насытился, а она продолжала есть, хотя в животе уже потяжелело. Вчера из гордости довольствовалась только малиной и земляникой, все ночь в животе бурчало от голода, а сейчас пора бы уже остановиться... но только после вон того кусочка...

Ютланд терпеливо дождался, когда она закончит трапезу, а чтобы не смущать пристальным взглядом, отвернулся и рассматривал лес, вроде бы такой же, как и раньше, но что-то в нем изменилось из-за массового появления дивов.

Она продолжала поглядывать на него из-под припущенных ресниц, благо он отвернулся и точно не встретится с нею взглядом. Худой, как и его животные, такой же постоянно угрюмый, словно взялся за что-то очень трудное и боится, что не получится, а для мужчины поражение бывает горше смерти.

Правда, он еще не мужчина, однако у него широкие плечи и толстые кости, жилы под тонкой смуглой кожей выступают такие рельефные, что понятно, вырастет большим и могучим. Такого охотно примут в воинский отряд и обучат пользоваться оружием...

Он повернулся, она поспешно опустила взгляд.

– Хорошо, – сказал он одобрительно, – очень хорошо.

– Что? – спросила она враждебно.

– Хорошо жрешь, – пояснил он. – Как здоровый такой кабан. Из тебя получится крепкая женщина.

Он свистнул, ужасающе худой конь подбежал и с готовностью повернулся боком. Этот пастух вставил ногу в стремя, хотя мог бы и запрыгнуть с разбега, она уже видела, как он это делает, поднялся в седло уверенно и спокойно.

Она не знала, что он именно и хотел взпрыгнуть, но после препирательств с этой надменной дурочкой решил, что она лихость расценивает как мальчишество, а ему надо показать, что выглядеть солидно ничего не стоит, потому поднялся в седло медленно и важно.

Мелизенда смотрела на него со снисходительным любопытством, будто все поняла, Ютланд резко протянул ей руку. Она чуть вздрогнула, в глазах на миг метнулся испуг, но руку подняла, и снова он вздернул ее к себе так легко, словно тощего котенка, на этот раз посадил впереди себя.

Конь сразу же пошел рысью, а когда Ютланд что-то шепнул, перешел в стремительный галоп. Хорт неся в сторонке, молчаливый и с пугающе неподвижным телом, словно только лапы двигаются, а все тело застыло, будто отлитое из одного куска темного чугуна.

С обеих сторон дороги то и дело поднимаются и проплывают за спину курганы, усыпальницы древних народов. Некоторые уже настолько размыты дождями и разрушены ветрами, что почти сровнялись к землей, но к другим искателями сокровищ удалось пробить ходы, где

изумленные грабители могил обнаруживали огромные залы на большой глубине, там стены отделаны изумительнейшей мозаикой, секрет изготовления которой давно потерян, а гробы и постаменты для них сделаны из чистого золота.

Говорят, в таких хранятся и великие сокровища, но для артан гораздо ценнее золота и драгоценных камней похороненные там рядом с легендарными героями их мечи и топоры, овеванные славой, подвигами.

Кроме того, в курганах, где похоронены великие чародеи, волхвы, кудесники и волшебники, с ними лежат могущественные амулеты и даже талисманы, что дают воинам великую силу, а остальные – здоровье и мудрость.

Солнце время от времени выныривает из-за плотных облаков, и тогда на головы и плечи обрушивается волна жара. Ютланд не обращает внимания, но он же пастух, дикарь, а ей открытое солнце вредно для белой кожи, она станет похожей на простолюдинку, хотя, как говорил ее мудрый отец, в каждом правиле есть исключения...

Она поерзала, чтобы вывернуть голову и взглянуть в его неподвижное лицо.

– Куда мы едем?

Он буркнул:

– В твой Вантит.

– А дорогу знаешь?

– Другие знают, – ответил он. – Не бойся, едем в ту сторону. А дальше подскажут.

– Тебе дадут большую награду, – напомнила она важно, – сможешь купить себе целое стадо коров.

– А мудрецы в Вантите есть? – спросил он.

Она удивилась:

– Зачем тебе?

– Не твое дело, – ответил он с таким пренебрежением, будто отмахнулся от мухи.

Она сказала резко:

– Конечно, есть! В Вантите величайшие мудрецы и прорицатели! Вантит не любит воевать, потому у нас умные люди учатся наукам, а не истязают себя прыжками через коней с топорами в руках!

Он презрительно поморщился, но смолчал, с женщиной спорить, что с эхом, все равно последнее слово останется за ней.

Солнце, как ладошкой, прикрылось мелким пушистым облачком, детям так и объясняют: «солнышко зевнуло», Мелизенда ощутила, как жаркий зной отпустил наполовину. Они все еще несутся через глухие долины, чаще всего пустые, ни следа жилья, далекие горы горят под прямыми лучами солнца вызывая ярко, конь то и дело перепрыгивает шумящие горные потоки, хотя и гор почти нет, а хорт то убегает, то появляется...

Справа быстро проносятся почти голые холмы, странно облезлые, траве и кустам почти не удается зацепиться в каменных россыпях. Несколько раз под конскими копытами появлялась древняя каменистая дорога, но хорт несется напрямик, и конь тоже постоянно срезает эти петли.

Он поинтересовался, не опуская на нее взгляд:

– Не устала?

– А если бы устала? – огрызнулась она.

– Ну, не знаю, – ответил он. – Конь и хорт не отказались бы остановиться у ручья с чистой холодной водой. Но они могут мчаться и без отдыха.

– А если бы они не восхотели остановиться у ручья?

– Мы поехали бы дальше, – объяснил он.

– Какой ты заботливый! – восхитилась она злобно.

– Да, – согласился он, – я животных люблю. Они лучше людей.

– Ну тогда давай желей их, – сказала она мстительно. – Заботистый ты наш!

Он свистнул, хорт моментально изменил направление бега, и через несколько минут бешеной скачки они остановились под огромным дубом.

Ютланд соскочил, снял Мелизенду, она не успела даже хрюкнуть, сказал благожелательно:

– Вон там вода. Если хочешь напиться первой, поспеши.

Мелизенда фыркнула, но заторопилась к воде. Однако противный хорт успел раньше, сунул рыло в воду и не лакал, как все собаки, а просто втягивал в себя воду так, что со дна поднимаются золотистые песчинки. Потом пришел, мелодично позванивая уздечкой, конь, но его Мелизенда опередила, опустившись на четвереньки и растопырив локти.

Коню пришлось встать ниже по течению и пить там. Этот тоже вел себя странно: кони обычно пьют медленно, брезгливо цедят сквозь зубы, фыркают на любой подплывший по воде листок, а этот опустил губы в ручей, и Мелизенда устрешенно увидела, как ниже по течению из воды выступили камешки, а потом и вовсе показалось мокрое дно с прыгающими по песку мелкими рыбешками и нечего не понимающими рачками.

Ютланд за это время развел костер, Мелизенда с недоумением увидела разложенные на чистой скатерти хлеб, сыр, ломти мяса, головки лука.

– Ого, – сказала она, – а я думала, у тебя только мясо.

– А оказалось, что у меня еще и кости, – согласился он.

– Нет, ты так любишь жарить...

– Я жарил для тебя, – пояснил он. – Ты же злая, тебе надо мяса побольше. Может быть, даже сырое...

Она фыркнула, молодой пастух слишком уж старается выглядеть взрослым, потому постоянно держит спину ровной, эмоций не выражает, голос всегда контролируемый, ни разу не закричал, не разозлился... Даже взгляд прямой и холодный. Наверное, полагает, что так выглядят мужчины или должны выглядеть такими вот собранными.

– А ты такой добрый, – произнесла она ядовито-сладеньким голоском и аккуратно села возле скатерти, красиво изогнув ноги в сторону. – Просто сам удивляешься, да?

– Удивляюсь, – согласился он. – Придушил бы и ехал по своим делам. А я, как дурак...

– Почему «как»? – спросила она. – Ты сильный, храбрый, отважный, а вообще ты – мужчина!.. Этого достаточно. А я, как будущая правительница, вынуждена быть умной, никуда от судьбы не денешься.

– Ешь, – сказал он угрюмо. – Выдадут замуж, будешь сидеть в высокой башне и рожать, как крольчиха. Ты кролей видела?.. Это такие домашние зайцы.

Она аккуратно и красиво ела, не забывая о манерах, не успела проголодаться настолько, чтобы хватать все руками и совать жадно в пасть, что так характерно для мужчин.

– Я не кроль, – отрезала она. – А заяц из меня такой, что и волки разбегутся.

Некоторое время ели молча, Ютланд старался даже не смотреть на нее, а то обязательно прицепится, не так смотришь, не так сидишь, не так поворачиваешься...

Мелизенда насторожилась, когда он медленно отложил кусок мяса и застыл, глядя неподвижными глазами в стену леса, где деревья выстроились как по струнке, смотрят завистливо на этот дуб, сумевший выжить в одиночку на просторе.

– Что там?

– Тихо, – шепнул он.

Она послушно умолкла, а он подтянул к себе дубинку, медленно поднялся. Хорт посмотрел в том направлении, повернул голову к хозяину.

Ютланд сделал ему знак лежать, хорт с великой готовностью опустил морду на лапы. Конь остался возле роскошного дуба, такой же неподвижный, даже не сонный, а как будто одеревеневший.

Мелизенда начала приподниматься, но поняла, что самое благоразумное вообще забиться под корягу, как лягушка, и ждать, пока пройдет это нечто грозное, что появилось в воздухе.

– Я пойду посмотрю, – произнес он негромко, – а ты пока смотри за костром.

Она сказала независимо:

– А что с ним случится? Во всяком случае, не погаснет!

– Конечно, – согласился он, – но когда поленья начнут рассыпаться на уголья, у некоторых тут возникнут соблазны.

Она посмотрела в удивлении.

– Какие?

Он кивнул в сторону мирно дремлющего Алаца.

– Видишь, прикидывается?

Она кивнула и даже изобразила улыбку в ответ на такую шуточку, у пастухов свой юмор, Ютланд исчез за деревьями, Мелизенда в присутствии хорта уже не чувствовала прежнего страха, ждала возвращения пастуха, но когда толстые сучья начали прогорать, превращаясь в раскаленные уголья, багровые и пурпурные, Алац очнулся, она услышала его осторожные шаги за спиной.

В коричневых глазах отражается багровый отблеск прогорающего костра, ноздри жадно раздуваются. Он бросил на нее короткий взгляд и тут же вытянул шею. Мелизенда смутенно наблюдала, как он понюхал угли, затем к ее ужасу схватил губами один, неосторожно откатившийся от других, она услышала сочный хруст, из пасти на миг полыхнул огонек, и тут же все исчезло, по конскому горлу вниз опустился комок, а Алац посмотрел на нее осторожно и, как ей показалось, умоляюще.

– Да что ты за конь, – прошептала она в ужасе, – ну ладно... возьми вот еще один...

Она выкатил палкой крупный багровый уголь, с него слетела темная корочка, весь сразу засветился ярким пурпуром. Алац тут же жадно схватил всей пастью, даже не стал вскидывать голову, как утка, что проглатывает мелкую рыбку, а просто начал с хрустом жрать, как если бы сочный стебель травы. Из пасти полыхнуло огнем, посыпались искры, а сама конская морда стала... Мелизенда не верила глазам, такой довольной, словно у ребенка, которому дали сладкую конфетку.

Сжевав уголь, он повернул голову и посмотрел на нее с вопросом в глазах. Она пролепетала трусливо:

– Ладно-ладно, я понимаю, если не дам, возьмешь сам, ты же мужчина... вы все такие настойчивые, когда вам чего-то хочется... Мы, правда, тоже...

Глава 5

Алац нетерпеливо наблюдал, как она выкатывает новые угольки, хватал торопливо и жрал, наконец она выкатила целую горку, он всю сожрал с таким наслаждением, будто она дала ему невесть какое лакомство, а потом обнюхал ее и подышал жарким огнем в ухо.

– Хорошо-хорошо, – прошептала она, замирая от ужаса, – только меня не ешь... Я же вся сырая, мокрая и противная...

Он снова подышал и неторопливо вернулся к дереву, прислонился боком и заснул, стоя. Мелизенда торопливо набросала толстых сучьев в остатки костра, тут же взвилось яркое пламя.

Кусты затрещали, выметнулся хорт, страшная пасть дружелюбно оскалена, следом вышел Ютланд с убитым оленем на плече. Мелизенда встретила их сияющей улыбкой, но хорт подбежал к ней и с подозрением обнюхал, потом быстро посмотрел в сторону мирно спящего Алаца.

Ютланд буркнул:

– Еще и углей нет, а почти все ветки сожгла? Эх, не возьмут тебя замуж в Артании.

Она сказала язвительно:

– Да? Ну как я тогда жить буду?

– Сам не знаю, – сказал он с сочувствием, – бедняжка...

Он принялся разделять оленя, хорт жадно следил и облизывался, но он первым поднял голову, зарычал, ноздри начали часто раздуваться.

Деревья, как ей показалось, шатнулись в стороны, когда между ними выметнулись три огромные кошки, очень уж огромные. Длинными мягкими прыжками понеслись на них почти бесшумно и с такой скоростью, что превращались в неких причудливых гусениц с десятком пар лап.

Мелизенда в жутком ужасе сжалась в комок, сердце кольнуло и оборвалось, а страшные звери мчатся прямо на нее, в желтых глазах смерть, в раскрытых красных, как горящий костер, пастьх длинные острые зубы.

Ютланд встал на их пути, Мелизенда успела увидеть начало его замаха, затем был треск, одна гигантская кошка рухнула и забилась в конвульсиях, вторая перепрыгнула их и ринулась на Мелизенду.

Она закрыла глаза, по плечам ударило нечто твердое и острое, исчезло, затем услышала совсем рядом тяжелый двойной удар, не выдержала и открыла глаза.

Рядом хорт с гарчанием ухватил кошку за холку и треплет ее, как тряпку, хотя та втрое больше его, а третья, последняя, кувыркается по сухой земле и не может остановиться.

Ютланд ринулся за нею и двумя страшными ударами дубины разбил ей голову так, что из нее брызнула желтая кровь, будто разбил переспелую дыню.

Мелизенда прокричала в страхе:

– Хорт!.. Помоги ему!

Ютланд посмотрел, покачал головой.

– Пусть учится. Он еще щенок...

Она вскрикнула:

– Щенок? Это щенок?

– Я ж говорил, – буркнул он с презрением. – Хорт – щенок, конь – жеребенок, а я – невежественный пастушонок... пастушишка с гор по имени Ют. На этот раз запомнишь? А тебя зовут Мелизенда.

– Спа... си... бо, – выговорила она.

Ее трясло с головы до ног, как тонкое молодое деревцо, по которому бьют палками, сердце колотится, она задыхалась от пережитого страха и все не могла остановиться, дергалась, разводила руками, поводила плечами и зябко ежилась.

Ютланд посмотрел внимательно, покачал головой.

– Перестань, все закончилось. Но это что-то новое. Кошки всегда охотились поодиночке.

– Какие же это кошки? – вскрикнула она.

– Дивьи, – ответил он. – Значит, и здесь появляются. Какие же гадкие твари... Недаром люблю собак.

Она потеряла поцарапанные плечи, запоздало понимая, что это хорт прыгнул ей на плечи, а оттуда сверху на кошку, где и сшиблись в полете оба. Последнюю лягнул обоими копытами конь, жеребенок, как говорит этот пастух...

– Что у тебя за звери, – проговорила она и ощутила, что нижняя челюсть трясется, а зубы полязгивают. – Щеночек... жеребенок... Как же, лапочки...

– Еще какие.

– Тебе повезло! – сказала она обвиняюще.

– Да, – согласился он. – Так везет, так везет... А тут еще ты на мою голову... Да-да, я не спорю, это же такое счастье мне рухнуло!

– Вот-вот, – пролязгала она зубами. – Счастье... Наконец-то понял...

Он оглянулся на сиротливо расстеленную скатерть.

– Доедать будешь?

Она вздрогнула, зябко передернула плечами.

– Я теперь неделю есть не стану!

– Хорошо, – сказал он, – а то тебя прокормить... Жрешь, как стадо кабанов. Тогда поехали? Или тебе нужна свежесодранная шкура на плечи?

– Поехали, – ответила она с такой поспешностью, что не придумала даже, как куснуть. – Как можно дальше отсюда!

– Хорошо, – ответил он. – Значит, готова проскочить мимо Вантита. Алац!

Конь подбежал с готовностью, глаза у него уже темно-коричневые, теплые, совсем не те раскаленные угли, что она со страхом видела при нападении кошек.

Ютланд собрал скатерть и еду в седельный мешок, поднялся в седло солидно, она видела, что мог бы вскочить, как кузнечик, но это не совсем по-взрослому, хотя многие из них тоже умеют и бахвалятся лихими прыжками на конский круп, демонстрируя крепкие молодые мышцы. И ей руку протянул властно, как мужчина женщине, сопляк, старается играть героя... хотя, если честно, он в самом деле показал себя настоящим...

Она сбилась в определениях, но явно этот пастушок поднялся в ее глазах, все-таки кошки-гиганты любого другого растерзали бы. Правда, ему помогли конь и хорт, но первую убил сам... И все еще молчит, как только и терпит, явно же всего распирает от бахвальства, от жажды покрасоваться, как бы не лопнул...

Конь неся, как стрела, встречный ветер ревет, огибая Ютланда, как скалу. Мелизенда прижалась к его спине, обхватив руками. Чувство надежности и защищенности медленно и сладостно вошло в грудь и неслышно распространилось по всему телу.

Впереди снова роща, они промчались по самому краю под густой пахнущей зеленью, дорога по кромке леса настолько укатанная, что из-под копыт вылетали длинные красные искры, а затем снова бескрайняя степь, и когда рядом с дорогой она увидела небольшой караван, остановившийся на отдых, она обрадовалась, как близким людям:

– Смотри, мы не одни в этой пустыне!

Он буркнул, не поворачивая головы:

– Пустыне? Не видела ты еще пустынь...

– А ты видел? – спросила она задиристо и боднула в спину лбом. – Я имею в виду, пусто, безлюдье, не обязательно же горы раскаленного на солнце песка!

– Обязательно, – буркнул он.

– Ты дикарь, – сообщила она.

Он ничего не сказал, однако конь чуть изменил направление, Мелизенда ощутила себя польщенной, пастух уловил ее желание и молча выполняет, хотя вслух не признается, дурак такой, все мужчины этого страшатся больше смерти.

Десяток лошадей у ручья, двое мужчин вытирают им мокрые спины пучками травы, остальные караванщики собрались у двух костров, из котлов поднимаются ароматные запахи вареной баранины, слышатся веселые разговоры.

На подростков, едущих на одном коне, посмотрели с вялым интересом, лишь один поднялся навстречу и поинтересовался:

– В Барбус?

– Да, – ответил Ютланд. – Здесь могут подсказать дорогу в Вантит попроще и покороче? Мужчина засмеялся.

– Если кто-то и может, то это мы, ты обратился верно. Мы путешествуем не только ради прибыли, но и ради интереса повидать разные земли.

Ютланд соскочил на землю, Мелизенда дала себя снять безропотно, на людях не стоит выказывать неудовольствие, хотя не так протянул руки, не так взял, не так опустил на землю, ладно, потом припомнит, а сейчас очаровательно улыбнулась и сладенько пропела:

– Ах, как у вас здесь мило...

Мужчина сказал довольно:

– Мы умеем устраиваться. Даже если останавливаемся всего на час. Меня зовут Кленовник, а это вот Змысл и Глузд. Садитесь к нашему костру, а если не побрезгуете простой бараньей похлебкой...

– Не побрезгуем, – ответила она весело, несказанно удивив Ютланда. – А то я за последние дни ничего нормального и не ела. Так уж получилось.

Он нахмурился и уже подумывал отказаться садиться после такого оскорбления, но Кленовник, дружески похлопывая по плечу, усадил рядом, налил ему в жестяную миску горячего, ароматно пахнущего варева.

– Отведай. Это лучшее, что можно сделать из баранины.

Ютланд осторожно держал горячую миску за край, зачерпнул деревянной ложкой, пряный запах шибанул в ноздри. Попробовал, похлебка оказалась в самом деле такой, что не встречал даже в Арсе, где вроде бы лучшие повара.

Мелизенда ест тоже с удовольствием, щечки покраснелись, не скажешь, что даже сейчас наверняка выскивает, где бы укусить, почти нормальная с виду, даже яд не стекает по губам и клыки вроде не торчат...

– Что-нибудь интересное встречали? – спросил Глузд.

Ютланд помотал головой.

– Нет, все как было. Только дивы, говорят, начали появляться даже там, где их совсем не ждали.

– Только говорят? – спросил Кленовник с хитрой усмешкой.

Ютланд прямо встретил его взгляд.

– Мы тоже что-то видели по дороге... Но так, в сторонке.

Третий мужчина за их костром, Змысл, сказал с брезгливым неудовольствием:

– Клен, ты уж совсем помешался. Что эти дети могли бы увидеть?

Кленовник улыбнулся с некоторой неловкостью, сказал Ютланду с кривой улыбкой:

– Это он намекает, что... В общем, бывает так, что сотни экспедиций за сокровищами возвращаются с пустыми руками, но вот недавно прямо на наших глазах неграмотный пастух в поисках пропавшей козы забрел в пещеры и отыскал там величайшие сокровища магии! Да такие, что ради них десятки правителей отдали бы свои короны и владения в придачу. С тех пор я... это...

– Бывает, – ответил Ютланд по-взрослому, – везет... Нет, нам сокровища не попадались. Нам нужно как-то в Вантит. Вы, как много путешествующие, наверняка знаете дороги?

Мелизенда превратилась в слух, Кленовник довольно кивнул:

– Еще бы!

– Как? – спросил Ютланд нетерпеливо.

Змысл усмехнулся и, взяв еще чашку с бараньей похлебкой, отошел к другому костру.

Кленовник сказал задумчиво:

– Есть два пути. Один по прямой, другой – окольный. Окольным добираться в пять-шесть раз дольше. Если осторожничать, то в десять.

Ютланд буркнул:

– Тогда почему не прямым?

Кленовник объяснил снисходительно:

– Прямой – это путь не для слабых. А люди сейчас после великой войны Артании и Куявии пошли какие? Верно, осторожные.

Змысл от второго костра уточнил:

– Осторожные просто уцелели. Отважные все погибли. Красиво и бесстрашно. Как со стороны артан, так и со стороны куявов. Потому осторожные будут править, пока не подрастет новое поколение бесстрашных.

Кленовник кивнул на Ютланда:

– Этот малец в войне не участвовал, он как раз из подрастающего поколения. Но пока ему рановато показывать зубки и коготки. Хотя потом, когда взматерееет...

– Если не сгинет, – уточнил Змысл.

Ютланд покосился на Мелизенду. Она надменно задрала носик и молчала, но вид у нее был презрительный.

– Я поеду прямо, – сказал он кратко. – У меня еще много дел, надо спешить.

Кленовник и Змысл переглянулись, Глузд сказал лениво:

– А почему нет?... Одним беспшабашным артанином меньше... разве плохо?

Они захохотали, Кленовник вынул из длинного мешка на седле коня свиток, стряхнул с него пыль и, развернув на земле, повел по карте пальцем, показывая дорогу к Вантиту.

– Прямой путь, – сказал он, – тоже не прямой, если ты не птица. Никакой конь не пройдет через горы или болота. Придется обходить, как и дремучие леса. Но если тебя не устроят Курганы Бренности, Прокаленное Плато, Туманные Луга, Кряж Обреченности, Скалы Слепой Ярости, Чаша Трепета...

Он на минутку умолк, набирая дыхание, а Змысл сказал злорадно:

– Это он перечислял только по Артании. А придется ехать еще и через Куявию: Медвежьи Колки, Бездорожье, Стародубье, Леса Вечности, Угрюмую Лощину, Дебри Кошмаров, Темный Рубеж, Заколдованный перевал...

– Спасибо, – прервал Ютланд, – да, вы правы, названия страшные. Наверное, страшнее, чем места.

– Ну, – сказал Глузд, – это кому как...

– Это значит, – уточнил Ютланд, – вот здесь по этому ущелью, а дальше прямо через Барбуссию?

Змысл, заинтересовавшись, снова подошел, держа чашку с похлебкой в ладонях, будто согревал их.

– Разбираешься в картах?

– А что особенного? – спросил Ютланд.

– Да так, – произнес Змысл и посмотрел на Кленовника, – не многие могут читать карты. Им дано просто: вон до той горы, потом налево до реки, а затем после моста снова прямо на восток...

– Вообще-то на запад, – уточнил Кленовник.

– Да это я для примера, – объяснил Змысл.

Ютланд уловил их возросшую заинтересованность, пахнуло неясной угрозой, он поднялся и сказал вежливо:

– Дальше я запомнил. Если карта не врет, я с дороги не сойду. Спасибо за похлебку. Нам пора.

Мелизенда очаровательно улыбнулась и тоже вскочила на ноги.

– Да-да, – произнесла она нежно, почти пропела, – нам нужно ехать. Спасибо за очаровательное блюдо!

Кленовник и Змысл снова переглянулись, Змысл сказал весело:

– Ты очень хорошенькая и нежная. Такую долгую дорогу просто не выдержишь.

– Выдержу, – заверила она.

– Лучше оставайся с нами, – продолжал Змысл, голос его обрел настойчивые нотки. – Мы тоже намереемся в следующий раз побывать в Вантите. С нами тебе будет безопаснее.

– Не сомневаюсь, – ответила она так же весело, но в глазах метнулся испуг. – Однако мы уже решили...

– Что решили, – заверил Глузд, – можно перерешить! Мальчик, ты езжай, езжай. Девочка останется с нами. Мы ее отвезем...

– Потом, – уточнил Кленовник.

Ютланд посмотрел на Мелизенду. Ее личико побледнело, в глазах испуг, смотрит на него с надеждой.

Он ощутил, как быстро нарастает гнев. В прошлый раз его обворовали бродячие актеры, которым так доверился, но одного раза достаточно бы...

Змысл протянул руку к Мелизенде, но Ютланд быстро перехватил его за локоть.

– Ты разве не слышал? – спросил он. – Она поедет со мной.

– Сопляк, – сказал Змысл и вдруг вскрикнул. Лицо его побелело, в глазах вспыхнул ужас. – Ты кто?

– Тот, – ответил Ютланд, медленно сжимая пальцы, – кого ты запомнишь. Мелизенда, иди к коню.

Глава 6

Голос его был таким жестоким, что она вспорхнула, не помня себя, и оказалась у коня раньше, чем сообразила, что он ей приказал, а она, принцесса, послушалась пастуха!

Змысл со стоном упал на колени. Кленовнику почудился легкий влажный хруст, словно молодая веточка перемалывается на конских зубах.

Глузд с недоумением посмотрел на друга, потом перевел взгляд на Ютланда и застыл: у парнишки в глазницах разгорается вместо глаз дикий огонь, перед которым пурпур заката показался бы серой краской.

Он разом ощутил, что жизнь уходит с каждым мгновением, никогда за все странствия не чувствовал такого ужаса, с трудом опустил дрожащие веки и покорно опустил голову, признавая над собой власть за этим странным человеком, если это человек, даровать жизнь или отнимать ее.

Ютланд с недобрым свистом выпустил сквозь сжатые зубы воздух, повернулся и пошел к коню. Тот косил недоверчивым глазом на Мелизенду, что трогает нежными пальцами его коротенькие волосы на холке и что-то нашептывает, поднявшись на цыпочки, прямо в оттопыренное ухо.

– Не порти мне коня, – бросил он резко. Вскочил в седло, одним движением поднял ее, грубо и властно, и придержал на мгновение. – Удобно?

– Да, – заверила она, ошарашенная такой переменной в голосе и манерах. – Ты их переубедил?

– Да, – буркнул он.

– А я думала, – сказала она, – придется мне. Из тебя переубеждатель, думаю, неважный.

– Зато быстрый, – сказал он.

– Да, – сказала она неохотно, – а как у тебя получилось?

– Просто переубедились, – ответил он.

– Точно? – спросила она и оглянулась. – А почему тот, который Змысл, сидит и стонет?

– Жалеет, – пояснил он, – что ты уехала со мной.

Она победно улыбнулась.

– Мужчины! Все вы такие. Не понимаете, что у нас свои цели и свои желания. Я уехала не с тобой, а еду в Вантит! А ты меня просто-напросто везешь туда.

Он толкнул коленом Алаца, тот бодро пошел вперед, переходя на рысь. Мелизенде показалось, что она услышала, как один из оставшихся сказал другому весело:

– Смотри, как мальчишка хорохорится перед девчонкой! Сказано, артане...

Когда они отделились, Мелизенда спросила недоверчиво:

– Ты в самом деле уверен, что лучше прямо? Что-то я в их карте ничего не поняла...

Он фыркнул.

– А ты хоть карты видела?

– Видела, – отрезала она сердито. – Отцу приносили. Только я их не разворачивала! Ты уверен, что там не страшно?

Он пожал плечами.

– А что там страшного? Я бывал в Артании везде, что он перечислил: в Курганах Бренности, на Прокаленном Плато, в Туманных Лугах, поднимался на Кряж Обреченности и Скалы Слепой Ярости, заезжал в Чашу Трепета... но что-то мне совсем не трепеталось.

Она промолчала, вранье слишком наглое и явное, либо сумасшедший, либо говорит правду.

– А в Куявии?

– Почти не был.

– Там страшно?

– Вряд ли там что-то особое.

Он чувствовал, как она обхватила руками, прижалась к его спине всем телом, щекой к спине, в том месте не просто греет, а почти припекает, но совсем не больно, а какое-то странное немыслимое чувство, никогда такого раньше, даже и непонятно, словно сладко-сладко почесал в том месте... даже лучше, нет, как-то совсем иначе...

– Держись крепче, – проговорил он наконец негромко и через силу, опасаясь спугнуть странное очарование.

– А что, скинешь?

– Да вот подумываю...

– Не получится, – ответила она, – я вцепилась, как клещ.

Конь набрал скорость, Мелизенда с ужасом видела, как они приближаются к краю пропасти, разгоняются все быстрее, конь вообще пригнул голову, хрипит злобно. Она в страхе закрыла глаза, только слышала, как копыта ударили в землю с такой силой, что там затрещали раскалываемые камни.

Ее вжало в свернутое одеяло, что подкладывает ей вместо седла Ютланд, целую вечность ее сердце не билось, а потом после долгого падения в пропасть, как ей показалось, новый удар копытами в камень, ее вжало в спину Ютланда еще сильнее.

Она пискнула и опасливо открыла глаза. Сухая прокаленная земля мчится навстречу, впереди бежит хорт, Мелизенда в непонимании оглянулась, там удаляется пропасть, что отсюда кажется простой трещиной...

– А если бы упали? – вскрикнула она.

– Зачем? – удивился он.

– Не зачем, а просто не допрыгнул бы твой...

– ...худой и костлявый?

– Да!

– Мы такие уже перепрыгивали, – пояснил он. – Правда, без тебя.

– Ты просто чудовище!

– Бедняжка, – сказал он. – Все тебя пугает. Надо было сидеть дома. А то женихов рассматривать поехала... Любопытная. Доездила, принцесса.

Он прислушивался, она должна обязательно возразить, но почему-то ведет себя смирно, снова прижалась к его спине всем телом и щекой, от ветра прячется, трусиха.

Его дикий конь все наращивал скорость, странный какой-то у него жеребеночек. И хотя она вроде бы прячется надежно, однако ветер ухитряется свирепо свистеть в уши и дергать за волосы.

Она вяло подумала, что вообще-то надо бы как-то отомстить за то унижение, когда конь летел, растопырив копыта вместо крыльев, а у нее едва не промокло горячим свернутое под нею одеяло, но мысли текли медленно, нехотя, и сцены мести сразу гасли, не успевая разгореться.

Села и мелкие города начали попадаться все чаще, наконец по обе стороны широкой утоптанной дороги раскинулись богатые поля золотой пшеницы. Косари идут, укрытые колосьями до пояса, мерно взмахивают косами, следом двигаются женщины и вяжут снопы. Мужчины широкоплечие, женщины с широкими тугими бедрами, везде чувствуется сытая жизнь, даже кони с лоснящимися боками, роскошногривые, толстоногие, исполненные силы.

Вдали начали подниматься белые стены большого города. Мелизенда, осмелев, спросила тоненьким голоском встречного возчика, что за город, тот от изумления едва не выронил кнут.

– Барбус... – ответил он с недоумением. – А что, есть еще какие-то?

Она поджала надменно губы, вообще-то так лучше говорить о прекрасном и сказочном Вантите, но смолчала, что с дикарями спорить, только прижалась к спине Ютланда, чтобы лучше прятаться от колючего ветра.

Ближе к городу поля уже щетинятся острой стерней, снопы грузят на телеги и везут в направлении больших амбаров. Чуть дальше ветряные мельницы бодро вертят крыльями, как голубятники тряпками на шесте, когда запускают молодых питомцев.

Ютланд наконец обратил внимание, что Мелизенда сидит за его спиной тихая, как мышь, даже чересчур тихая, словно задумала какую-то каверзу. У него спина зачесалась в том месте, куда попадает ее горячее дыхание, но если выпрямиться или отодвинуться, то не будет всей кожей чувствовать тепло ее тела.

Белые ворота приблизились, Ютланд умело вклинился между подводами, въезжающими в город, а дальше открылись такие добротные и надежные дома, что даже Мелизенда при-молкла и молча признала, что тут живут богато и зажиточно, хотя и не Вантит, конечно, не Вантит.

Улицы запружены народом, на перекрестках крохотные базары, а лавок с товаром великое множество. Ютланд ехал с улицы на улицу, и везде эти навесы от солнца с выложенными на прилавок дорогими украшениями для женщин, хорошей одеждой, обувью, поясами, дальше идут лавки с оружием, доспехами...

– Богато живут, – пробормотал он.

– Не так уж и богато, – откликнулась она из-за его спины уязвлено. – Видел бы ты Вантит!

Он спросил:

– Там еще хуже?

– Почему это хуже? – возмутилась она, и он ощутил, как она ошетибилась вся, и даже там, где только что прижималась к его спине горячим телом, сейчас царапают острые щетинки. – Почему это хуже, дикарь?

– Ты же сама сказала, – буркнул он.

– Что я сказала?

– Что в Вантите еще богаче, – повторил он терпеливо ее же слова, – а невозможно быть и очень хорошим, и очень богатым.

Она сказала язвительно:

– Это снова твой дедушка сказал? Как его... Рикошет...

– Рокош, – поправил он сухо.

Некоторое время ехали молча, затем она, не в силах молчать, ткнула его в спину.

– Мы только что проехали гостиницу!

– И что?

– Можно остановиться и перекусить из тарелок. Или ты из них еще не пробовал? А из мисочки?

Он ответил отстраненно, абсолютно не замечая издевки:

– Раз уже проезжаем Барбус, нужно и поговорить с волшебником Марилием.

– В ученики хочешь напроститься?

– Угадала. А тебя отдам в кухарки.

На них поглядывали с интересом, но товары таким нищим не предлагали, только какой-то мальчишка бежал следом и что-то орал весело, он же и указал дорогу к кудеснику Марилию.

Дом из камня, добротный, но без всяких украшений, забор высокий, почти вдвое выше, чем у соседей, со стороны двора доносятся сильные запахи цветов.

Ютланд постучал в калитку, выждал, соскочил на землю и постучал снова. Мелизенда осталась в седле, капризно кусала губки, хмурилась и всячески выказывала свое аристократическое нетерпение высокорожденной.

На той стороне очень неспешно послышались тяжелые шаги, такие медленные, словно идущий засыпает на ходу. Густой голос проревел недовольно:

– Кто там?

– Странник, – ответил Ютланд.

– И чё?

– Нужно переговорить с кудесником, – объяснил Ютланд.

Он чувствовал, что его рассматривают в щелку, пару раз мелькнул на той стороне глаз, наконец голос буркнул:

– Такие кудеснику неинтересны.

– Открой, – велел Ютланд. – Кудеснику интересны все, кто может быть и ему полезным.

– Да что ты можешь... – начал голос, Мелизенда заерзала в седле и вскрикнула, не выдержав:

– Дурак, перед тобой принцесса!.. Открывай немедленно, пока твоя голова на плечах!

Ютланд поморщился, а голос на той стороне забора сказал с насмешкой:

– Что-то вижу впервые таких принцесс...

– Дурак, – отрезала она высокомерно, – как будто ты их видел вообще! Открывай немедленно!

На той стороне калитки повздыхало, лязгнули запоры, зазвенели цепи, но калитка к удивлению Ютланда медленно отворилась, открывая вход в зеленый мир.

Хорт вскочил во двор первым, зарычал, уставившись на невидимого им пока ключника багровыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.